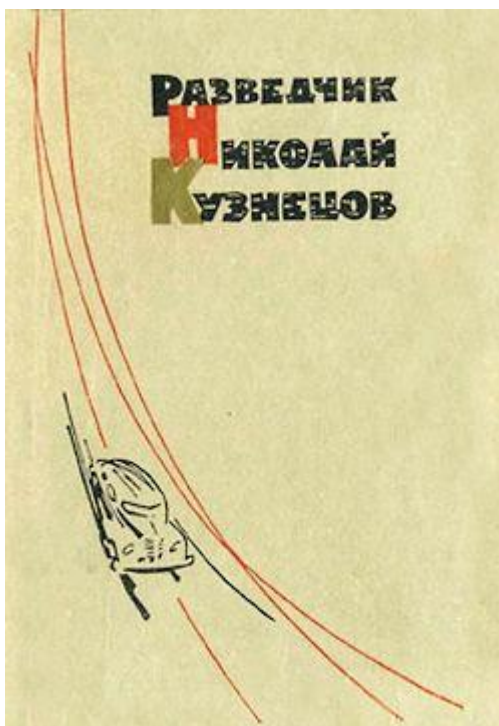

Виктор Кузнецов, Лидия Ивановна Брюханова Разведчик Николай Кузнецов

OCR Busya <http://lib.aldebaran.ru/>

«Лидия Брюханова, Виктор Кузнецов «Разведчик Николай Кузнецов». Второе издание, исправленное и дополненное.»: Средне-Уральское Книжное Издательство; Свердловск; 1967

Аннотация

Эта книга о бесстрашном партизане-разведчике, Герое Советского Союза Николае Ивановиче Кузнецове, умело действовавшем в годы Великой Отечественной войны в глубоком тылу у немецко-фашистских захватчиков в городах Ровно и Львове.

Лидия Брюханова, Виктор Кузнецов Разведчик Николай Кузнецов

О легендарных подвигах храброго партизанского разведчика Николая Кузнецова я узнал из книг «Это было под Ровно» и «Сильные духом».

Образ народного мстителя Кузнецова Н. И. всегда являлся для меня примером беззаветного служения своему народу, своей Родине.

Пусть же слава о храбром партизане Николае Кузнецове останется навсегда в наших сердцах, в сердцах молодого поколения.

Герой Советского Союза

Ю.А. ГАГАРИН, летчик-космонавт СССР

2 апреля 1964 г.

Подвиги советских людей в годы Великой Отечественной войны являются для нас примером служения Родине, примером того, как надо выполнять задание партии и народа. Замечательная жизнь легендарного Николая Кузнецова является одной из ярких страниц в летописи борьбы советского народа за свободу своей страны.

Люди никогда не забудут бесстрашного разведчика Николая Кузнецова!

Герой Советского Союза

Г.С. ТИТОВ, летчик-космонавт СССР

15 апреля 1964 г.

Авторы выражают сердечную благодарность товарищам, которые приняли горячее участие в создании этой книги, предоставив в наше распоряжение свои мемуары, воспоминания, записки: Н.В. Струтинскому, В.А. Буриму, М. Стефанскому (Польша), В.К. Довгер, П.И. Еришову, Ю. Курьяте (Польша), Н.А. Саргсяну, М.Е. Кутовому, В.В. Кочеткову, А.И. Усовой и всем другим, кто помог нам полнее рассказать о жизни и подвигах разведчика Николая Ивановича Кузнецова.

Предисловие

В годы Великой Отечественной войны советские люди на фронте и в тылу проявляли массовый героизм. Они совершали замечательные подвиги, чтобы громить врага и отстоять честь и свободу Отчизны. Но выдающиеся подвиги отважного разведчика Николая Ивановича Кузнецова – явление исключительное.

В годы войны мне приходилось выполнять задания по разведке вражеских войск, но не на земле, а в воздухе. Я не был среди врагов, я находился над ними, видел их с высоты, на некотором удалении.

Нелегко было выполнять эти задания: в каждом полете по несколько раз надо было преодолевать зенитное противодействие и вести бои с истребителями противника.

Однако трудно себе представить ту роль, какую выполнял мой земляк, одно время учившийся в том же Тюменском техникуме, в котором учился я на землеустроителя. Н. И. Кузнецов действовал в стане врага в самых тяжелых условиях. Он постоянно рисковал, подвергал себя опасности быть схваченным. Каждый час, каждую минуту он находился в состоянии самой высокой боевой готовности, выдержки и самообладания. Прекрасно зная немецкий язык, он изучил и строго соблюдал нравы и обычаи германских офицеров, носил презренную форму чванливых завоевателей, входил к ним в доверие, усыплял их бдительность, заводил нужные знакомства, смело вел себя среди ненавистных людей, прислушивался к мельчайшим деталям их разговора, быстро и непринужденно отвечал на неожиданные вопросы и многое запоминал. Нередко он вынужден был выступать перед своими соотечественниками в роли ярого врага своей Родины. Как это трудно! Внешне делать одно, а внутренне быть совершенно иным. Но такого перевоплощения требовали очень сложные условия его разведывательной работы.

Длительной настойчивой тренировкой Н. И. Кузнецов сумел выработать в себе такие важные качества, как хладнокровие и трезвый расчет, настойчивость в достижении намеченной цели и волю к победе, смелость и постоянную готовность к самопожертвованию при выполнении задания.

Благодаря этим качествам он со своими боевыми друзьями добывал такие разведданные, которые советскому командованию помогали вскрывать коварные замыслы врага.

Горячий патриот Советской Родины, человек несгибаемой воли, беспримерного мужества и отваги, он беспощадно мстил гитлеровским палачам за их кровавые злодеяния на советской земле. Он уничтожил чинов высшей военной администрации, сеял страх и панику в ставке врага. Со своими боевыми товарищами он среди бела дня похитил командующего особыми войсками на Украине генерала фон Ильгена, расстрелял палача Галиции вице-губернатора Бауэра, генералов Геля, Функе и других.

Н. И. Кузнецов показывал высокое самообладание и бесстрашие не только в стане врага, но и в открытом бою. Он всюду стремился нанести врагу наибольший урон. Для тех, с кем вместе действовал он в тылу, Николай Иванович был решительным, отважным командиром, умным организатором, изобретательным разведчиком. Его подвиги, бесстрашие и находчивость вызывают восхищение.

Его имя стало легендой. О нем знают далеко за пределами нашей Родины.

Его жизнь была коротка, но ярка и содержательна. И сколько бы о нем ни писали, никто не исчерпает величия его подвигов!

«Я люблю жизнь, я еще молод, но если для Родины, которую я люблю, как свою родную мать, нужно пожертвовать жизнью, я сделаю это! Пусть знают фашисты, на что способен русский патриот и большевик! Пусть знают, что невозможно покорить наш народ, как невозможно погасить солнце...», – так писал Н. И. Кузнецов, уходя на ответственное задание в тыл врага.

Эта книга – биографический очерк. Она открывает нам неизвестные до сих пор факты из биографии героя, дает новые штрихи его характера.

Авторы книги – брат и сестра Героя Советского Союза Н. И. Кузнецова. Они задались целью показать условия, в которых жил и воспитывался будущий разведчик-партизан. Немеркнущая слава выпала на долю бессмертного героя.

Идут годы, а время приносит все новые и новые данные о подвигах Николая Кузнецова, новые подробности того, о чем впервые поведал читателю в своих книгах «Это было под Ровно» и «Сильные духом» командир партизанского отряда Д. Н. Медведев.

Перед нами страницы нового повествования, и в них, как живой, встает смелый до дерзости, поразительно хладнокровный разведчик.

Легендарный герой продолжает жить.

П. С. ШАРОВ, Герой Советского Союза.

Навстречу подвигу

Тайна «Вервольфа»

Поезд шел по полям и лесам Украины. Мы ехали в город Ровно на открытие памятника нашему брату Герою Советского Союза Николаю Ивановичу Кузнецову. Трудно передать то волнение, которое охватывает тебя, когда подъезжаешь к местам, связанным с именем дорогого человека... Здесь восемнадцать лет назад Николай Кузнецов в мундире немецкого офицера проник в стан фашистских сатрапов. Здесь не раз он разведывал коварные планы врага, среди бела дня расстреливал гитлеровских палачей, чем наводил неодолимый ужас на иноземных захватчиков...

Сосед по купе, тучный круглолицый мужчина, с белой, словно посыпанной пеплом головой, спросил:

– Наверное, давно не были в этих краях?... Ах, едете впервые? Этот город теперь далеко известен. Даже маленький школьник подскажет вам: «В Ровно действовал партизан-разведчик Николай Кузнецов!» Бесстрашный был человек...

Все сидевшие в купе придвинулись к нашему собеседнику, готовые слушать.

– Вы, конечно, слыхали о «Вервольфе» под Винницей, – продолжал он свой рассказ. – В этой берлоге-ставке, названной «Оборотень», в 1942 году должен был обосноваться главный фашистский зверь – Гитлер. Для фюрера построили в земле железобетонный бункер со стенами огромной толщины, а рядом одноэтажный кирпичный дом (ради маскировки снаружи его обложили бревнами). Из дома подземные ходы вели в бункер-бомбоубежище.

«Вервольф» окружили мощными дотами, опутали стальной сеткой, колючей проволокой (проволока под током высокого напряжения!), выкрасили в защитный цвет, обсадили многолетними деревьями. «Оборотня» охраняло оцепление специальных отрядов СС, танковый полк, моторизованный полк, конная жандармерия. С воздуха убежище зверя прикрывали самолеты секретного аэродрома. Вокруг Черного леса, где был возведен «Оборотень», гестапо понатыкало на каждом шагу наблюдательные вышки, поставило батареи, противотанковые орудия. Через каждые сто метров – заставы. Невдалеке от «Вервольфа» на линии железной дороги Винница – Калиновка под парами ходил бронепоезд...

Начальник охраны Раттенгубер в узком кругу своих приближенных похвалялся: «Вервольф» – призрак. К нему и русский комар носа не подточит, и мышь полевая не проскочит!»

Сколько раз подпольщики Винницы и Калиновки ни пытались узнать тайну Черного леса

у села Коло-Михайловки, их старания были безуспешны. Все вокруг «Оборотня» было полито свинцом и кровью. Советских военнопленных, строивших «Вервольф», эсэсовцы расстреляли – несколько десятков тысяч! Стоило кому-либо из местных жителей случайно приблизиться к охранной зоне, как об этом сообщала световая и электрическая сигнализация. Задержанных расстреливала особая команда СС.

Казалось эсэсовцам, что они подготовили для Гитлера обетованное местечко. Приезжай, дескать, фюрер, садись в берлогу и командуй своим «блицкригом». К твоим услугам две радиостанции, подземный бронированный кабель, плавательный бассейн... и цветочки на клумбах. Все сделано добротнo, аккуратнo...

И все же тайна «Оборотня» была раскрыта. Советская разведка установила адрес ставки Гитлера, – закончил рассказ наш собеседник. – И конечно же, в этом принял участие Николай Кузнецов!..

Детство Ники

Он родился и вырос в небольшой уральской деревне Зырянке Талицкого района Свердловской области, в семье крестьянина Ивана Павловича Кузнецова.

Раннее детство Никанора¹ (Ники или Никоши, как ласково называли его) проходило радостно и беззаботно.

Мать наша, Анна Петровна – простая крестьянка, по отзывам односельчан, имела доброе сердце и золотые руки. В отношении к окружающим и детям ее отличала большая чуткость, заботливость. Л. В. Кузнецова, дальняя родственница семьи, вспоминает: «Анна Петровна была очень умной женщиной, энергичной и твердой, умело воспитывала детей и обладала каким-то особым даром сближать и роднить всех, кто её окружал. В ее семье всегда был удивительный порядок».

Отец наш, Иван Павлович, в противоположность своему родителю, деду Павлу, который вел замкнутый, затворнический образ жизни, был энергичным, трудолюбивым. Он многое повидал для своего времени. Отслужив семь лет в царской армии, вернулся из Петербурга домой с наградой. За отличную стрельбу командование вручило ему часы и серебряный рубль, к которому разрешалось припаять «ушко» и носить, как медаль, на груди. В армии отец научился читать и писать.

Будучи сам недостаточно грамотным, он понимал значение образования и тянулся ко всему новому. Иван Павлович первым в Зырянке провел опыты: включил в севооборот кормовые травы, стал держать пчел, участвовал в создании кредитного товарищества и потребительского союза.

Когда впервые начали практиковать зяблевую вспашку, он применил этот метод на обработке земли, купил плуг, что облегчило пахоту и повысило культуру земледелия.

Отец и мать любили и уважали друг друга, жили дружно, все спорилось в их руках. В своем хозяйстве они работали не покладая рук, не считаясь с праздниками, не стыдясь осуждения религиозных соседей. Это же трудолюбие и любовь к порядку они прививали и нам, детям.

Получив в наследство старый домик на две комнаты, корову, борону и самодельный плуг-сабан, родители благодаря своему трудолюбию завели лошадей, купили жатку, расширили дом. Правда, на это потребовалось не одно десятилетие.

Наши родители очень уважали сельскую интеллигенцию: дорожили дружбой с учителями, фельдшером. Частым гостем в нашей семье был Иван Алексеевич Жуков, муж племянницы Ивана Павловича. Жуков работал на Ертарском стекольном заводе. Позднее, самостоятельно выучившись лесному делу, он перешел на должность лесничего в Шадринский уезд. Общение с Жуковым принесло в нашу семью новые стремления и чаяния. Жуков первым посоветовал отдать старшую сестру Гасю учиться в Камышловскую женскую гимназию, чтобы она могла

¹ Никанор Иванович Кузнецов (род. 27 июля 1911 г.) в 1931 г., работая в г. Кудымкаре, сменил с детства ненавившееся ему имя Никанор на Николая, что и было оформлено постановлением ЗАГСа г. Кудымкара

впоследствии стать сельской учительницей.

В своих душевных разговорах с И. А. Жуковым наш отец неоднократно высказывал заветную мечту дать образование всем детям. По мере своих сил он добился своей цели. Сначала дочери, Агафья и Лидия, пошли учиться, потом Ника и Виктор.

Агафья до революции 1917 года успела закончить 6 классов женской гимназии в Камышлове. С 1920 года она работала учительницей в родной Зырянке, в соседних деревнях, в Уватском районе Тюменской области. В настоящее время живет с дочерью в Тобольске.

Лидия в 1922 году окончила Балаирскую пятилетнюю школу. Продолжить образование не удалось. До 1928 года она трудилась в хозяйстве семьи. Потом закончила курсы машинописи в Тюмени, работала секретарем в сельсовете, а позже – по специальности машинистки.

Ника рос крепким, здоровым сероглазым мальчишкой. Развивался не по годам быстро, был любознателен. Уже в шестилетнем возрасте он с помощью старших сестер выучился читать и писать.

Нам, родным, на всю жизнь запомнились зимние вечера детских лет. Зимой работ в крестьянском хозяйстве значительно меньше, нежели во время весеннего сева, в сенокос или страдную пору уборки. Поэтому вечерами, когда синие сумерки обволакивали деревенскую улицу и в окна начинала заглядывать луна, дети собирались у печки, в которой потрескивали дрова и, полыхало жаркое пламя. Отец рассказывал о похождениях русского богатыря Ильи Муромца, о бесстрашии Евпатия Коловрата и матроса Кошки – все то, что ему было известно из народных преданий, о чем узнал в армии. Ника слушал, затаив дыхание. Потом в доме появились книги Гаси. И если раньше дети с восторгом слушали рассказы отца, то теперь с неменьшим интересом сам Иван Павлович прислушивался к чтению старшей Дочери о битве на поле Куликовом, о героических защитниках Севастополя.

Ника отличался хорошей памятью, легко заучивал длинные стихотворения и любил их декламировать в кругу родных и знакомых. Особенно ему нравились героические стихи, воспевающие трудовые дела и ратные подвиги русского народа: «Смерть Сусанина», «Бородино» и другие.

Само время до предела обострило патриотическое чувство старого солдата Ивана Кузнецова – на западе русская армия сражалась с германскими полчищами. В редкие вечерние часы отдыха, когда к нам приходили соседи, отец любил слушать, как его шестилетний сын с гордым вызовом как бы отвечал врагам словами Ивана Сусанина:

– Предателя мнили найти вы во мне? –
Их нет и не будет на русской земле!

Отец слушал Нику, и глаза его лучились гордостью, счастьем...

Как вспоминает житель соседней деревни Рухловой Георгий Алексеевич Чудинов, в праздничные дни в доме Кузнецовых нередко можно было видеть такие сценки: стоит на стуле маленький Ника и звонким голосом декламирует лермонтовское «Бородино» или «Братьев-разбойников» Пушкина...

Революция на Урале проходила в ожесточенной классовой борьбе. Не успела установиться Советская власть, как во многих районах вспыхнули контрреволюционные выступления кулачества и буржуазии. В середине ноября 1917 года поднял мятеж атаман Дутов, а в мае 1918 года началось контрреволюционное, восстание Чехословацкого корпуса.

Белогвардейцам и интервентам, несмотря на ожесточенное сопротивление рабочих и беднейшего крестьянства, удалось захватить весь Урал. В Екатеринбурге было создано контрреволюционное «Уральское областное правительство», а позднее, в ноябре 1918 года, установлена колчаковская диктатура.

Эти грозные события заделали даже самые отдаленные деревни Зауралья. Летом 1918 года в соседнем с Зырянкой селе Балаир по доносу местных кулаков карательный отряд белоказаков порубил шестерых сельских активистов, боровшихся за установление Советской власти в деревне. Среди погибших был муж нашей тети со стороны матери Иосиф Васильевич Дерябин.

В тот день Ника вместе с матерью навестил свою овдовевшую тетю. Он видел, как

безутешно рыдали убитые горем пострадавшие семьи. Видел, как опускали в братскую могилу тела зарубленных. Среди них был и дядя Иосиф. Никоша помнил его молодого, кряжистого, словно кедр, веселого шутника. И вот дяди Оси не стало.

– За что?! – звенит над могилой стенающий, хватающий за сердце крик. Причитают женщины, режут осиротевшие детишки, вереницами облепившие своих матерей.

– Изверги! Супостаты! Не будет вам прощения! – голосит тетя, обращаясь в пространство к невидимым врагам, и бессильно падает на могильный холм.

Слезы жалости и гнева градом катятся по щекам Никоши, сухой комок подкатывает к горлу, становится трудно дышать...

То был первый урок жизни, оставивший в сердце Ники Кузнецова неизгладимый след.

Осенью беспокойного восемнадцатого года Ника начал учиться в Зырянской, начальной школе. Мальчик сразу обнаружил способности к учебе и привлек внимание учителей своей старательностью, опрятностью и необычным прилежанием.

Наша родственница Л. В. Кузнецова вспоминает: «Приехала я в Зырянку к мужу в 1918 году. Присмотрелась к деревенским ребятишкам. Мне как-то сразу очень понравились дети Ивана Павловича и Анны Петровны. Жили мы тогда через один дом от них, и нельзя было не заметить, как умно ребята вели себя среди взрослых. Ника учился в первом классе. Ходил он в школу серьезный, подтянутый. А придет домой после учебы, поест и за работу: то с крыльца сметет, то во дворе уберет, то снег отбросит, коней сгоняет на водопой. В страдную пору сенокоса и уборки урожая Ника работал вместе со взрослыми».

Летом девятнадцатого года тревожные слухи взволновали жителей Камышловского уезда. Их привезли беженцы. Барыньки, купеческие дочки, бросившие в центре России свое «добро», рассказывали об ужасах, которые несут красные, большевики.

Слушали крестьяне, озадаченно хмурились. Некоторые вспоминали пророчества местного священника, обещавшего, что брат пойдет на брата, дети забудут волю родительскую и ринется необузданная орда антихристов полчищами, как во время татаро-монгольского нашествия.

– Все может быть – зловеще шептал мужикам балаирский фельдшер. – Видели, что делали казаки у нас в селе?... Так ведь руководят ими люди благородные. А чего же ждать от босяков? Идут, как саранча, все пожирая на своем пути. Грабят, стреляют, насилуют...

Однажды ранним июньским утром на сером коне в деревню Зырянку влетел гонец. Голова его, как чалмой, была перевязана окровавленной тряпкой. Он промчался из конца в конец улицы, стреляя из нагана и крича:

– Люди, спасайтесь! Уходите в Сибирь. Гибнет Россия. Красные комиссары идут с огнем и мечом...

Ускакал неизвестный и посеял в деревне тревогу.

Не разобрался в сложной политической обстановке хлебороб Иван Кузнецов. Верный крестьянской привычке – не раз подумать, все взвесить, а потом отрезать, – он на этот раз изменил своему правилу. Тяжелой оказалась чаша весов, на которую легла белогвардейская пропаганда, предрассудки и отсталость захолустья...

Увидав в потоке беженцев, уходивших на восток, три подводы знакомых крестьян из соседней деревни, наш отец собрал домашний скарб и двинулся в сторону Тюмени.

«Когда две подводы, груженные пожитками, выехали со двора, – вспоминали позже наши соседи, – можно было подумать, что Кузнецовы переезжают на новое местожительство в соседнее село. На второй подводе сидели четверо детей, а в задке телеги покоилась одна из самых «дорогих» домашних вещей – поблескивающий начищенными боками медный самовар».

Курс «гражданской академии», как любил потом говорить сам Иван Павлович, закончился для него внезапно. Колчаковцы, удирая отседавших красных частей, открыто начали грабить мирное население. Кузнецовы решили остановиться на небольшой железнодорожной станции. Но пока отец раздумывал, как ему добраться обратно домой, колчаковцы отобрали у него лошадей. Глава семьи пошел искать работу. На станции случай свел его с железнодорожником Неволыным. Узнав, какие пути привели сюда крестьянина, рабочий-большевик высмеял опрометчивый поступок хлебороба. «Ты подумай, – говорил Неволин, – родня ли твоим мозолистым рукам белые барские ручки? По пути ли тебе с теми, кто век свой сидел на шее трудящихся, а сейчас бежит от гнева народного?»

Не по пути. Это твердо знал теперь крестьянин Кузнецов, насмотревшийся в дороге на бесчинства, которые творили колчаковские банды.

С приходом войск Пятой армии, Иван Павлович вступил в ряды красных бойцов, участвовал в боях против колчаковцев, дошел до Красноярска, перенес тяжелый тиф, а в марте 1920 года, как достигший 45-летнего возраста, был демобилизован.

Измученный дорогой и разлукой, Кузнецов вернулся в родную деревню. Вернулся налегке, с котомкой за плечами. Иван Павлович, встретившись с семьей, первым долгом расцеловался с детьми, женой, потом вытащил из солдатского мешка листок бумаги, сложенный вчетверо, и торжественно, с нотками извинения в голосе подал его девятилетнему Никоше:

– Вот, дети, посмотрите, верой-правдой искупил ваш батька вину, темную глупость свою. Это командование выдало. – Отец глубоко переживал свое «отступление».

Гася развернула документ и прочла. Удостоверение² гласило, что Кузнецов Иван Павлович, уволенный из армии по возрасту, и члены его семьи пользуются всеми правами и льготами, установленными для красноармейцев декретами Совнаркома.

В первый же день по возвращении домой семья принялась за работу. Нужно было заново поднимать почти дотла разоренное хозяйство.

Первые шаги в большую жизнь

В мае 1920 года в Зырянке, на бывших землях служителей церкви, на том месте, где белые каратели порубили сельских активистов, беднота Балаира, Рухловой и Зырянки во главе с коммунистами организовала коммуну «Красный пахарь». В ней объединилось 20 семей. Это была первая ласточка коллективизма.

Опыт коммуны впоследствии (при переводе сельского хозяйства на рельсы коллективизации) сыграл свою положительную роль. «Но первые пять-шесть лет коммунары бедствовали от недостатка тягла, инвентаря, жилья и опыта коллективной жизни и хозяйства», – вспоминает А. И. Харитонов.

В том же году Иван Павлович отдает две горницы под избу-читальню. Отец частенько заглядывал туда по вечерам. Он любил книги, газеты, сам читал понемногу. Агафья уже работала учительницей в Зырянке, и когда была свободна, отец просил ее разъяснить что-нибудь прочитанное из газеты.

Позднее Гасю сменил Ника. Отец для начала обычно просил:

– Полистай «Бедноту», какие там новости на земле происходят? – А потом уже сам внимательно просматривал журнал, и Никоша заранее знал: отец ищет статьи с пометкой «В помощь хлеборобу». Ивана Павловича интересовало все: и племенное животноводство, и пчелы, и пшеница, и клевер...

Осенью двадцатого года Ника начал учиться во втором классе. Он был одним из дисциплинированных учеников. Усердно, с охотой помогал отцу в различных работах.

В 1922–1924 годах Никоша продолжает учебу в Балаирской школе. В любую погоду, в дождь и слякоть, в осеннюю распутицу, зимой в метель и стужу шагал он в соседнее село за несколько километров. Учителя так же, как и в Зырянке, были довольны новым учеником. Всегда собранный, подтянутый, добродушный, любознательный, он учился с большим прилежанием. Знания давались ему легко.

– На уроках Ника был очень внимательным и «на лету схватывал» объяснения учителей, – рассказывает бывшая его соученица А. М. Федюнинских. – Он первым подымал руку, чтобы ответить на вопрос учителя... А сколько стихов на память читал – уйму!

У детворы он был признанным предводителем. С ним было интересно. Выдумщик и фантазер, Ника лучше других умел рыбачить на речушке, что протекает рядом с деревней. Лучший биток для игры в бабки был у него. Ника отлично ездил верхом. И когда ребята ранним утром в летнюю пору возвращались домой из ночного, часто устраивал скачки, соревнуясь в

² Удостоверение хранится в Свердловском областном краеведческом музее.

лихости и смелости, показывая выносливость любимых коней. А сколько он знал удивительных историй! Недаром и взрослые любили поговорить с мальчиком.

Приезжавший к нам в гости И. А. Жуков с любовью следил за успехами в развитии начитанного мальчика. Сам большой знаток природы, он увлекательно рассказывал Никоше забавные истории о жизни леса, зверей и птиц. Свой разговор Жуков обычно начинал с загадок:

– Ты знаешь о чем «шепчет» осина в безветренный день? А почему, когда с нее летом снимешь кору, осина становится кроваво-красной? А у березы этого не бывает?... Кстати, какие породы березы ты знаешь?

– Белую! – откликнулся Никоша.

– И только-то?

– А еще черная бывает. У нас она редко встречается. Древесина у нее тяжелая, твердая. Мы с папой нашли одну такую за болотом и обод колеса из нее сделали...

Ника любил опекать младшего брата. Он его нянчил в детстве, а когда тот подрос, мастерил ему игрушки. Никоша всегда старался воздействовать на братишку личным примером. Старшие однажды наблюдали такую сцену. Братя привезли воз соломы, начали метать ее на сеновал. Младший вдруг расхныкался. Оказалось, что Ника, бросая солому со снегом, несколько раз обдал Витю снежной пылью, и она попала ему за воротник. Старший смеется: «Поворачивайся, не будь увальнем!» А младшему обидно. Вот и расхныкался. «Да уходи ты, слабак, – покровительственно смеялся Никоша. – Смотри, я вот сам все без тебя сделаю и не заплачу. Нельзя нюни распускать, ведь ты – мужчина!»

...Как-то в конце января 1924 года в жгучее морозное утро Ника прибежал домой. Это было в тяжелые траурные дни, когда вся наша страна оплакивала смерть вождя партии и народа Владимира Ильича Ленина. Смерть Ильича так потрясла впечатлительного мальчика, что под тяжестью большого народного горя он не мог оставаться среди чужих. Нику потянуло домой. Близкие помнят, с каким чувством и волнением читал он стихи, посвященные родному Ильичу:

Налетела вьюга сгоряча,
Под деревней выла у околиц,
А в избе о смерти Ильича
Говорил приезжий комсомолец...

Осенью 1924 года отец повез Нику, успешно окончившего пятый класс, в Талицу, где в те годы была единственная в районе школа-семилетка. За деревней, когда переехали небольшой лог, отец кивнул головой на опушку темно-зеленого бора:

– Шумит!.. А могло быть иначе. Так ведь, сынок...

Иван Павлович гордился поступком своего сына, который сумел предотвратить лесной пожар.

Дело было так. В конце мая, получив свидетельство об окончании Балаирской школы, Ника возвращался домой. Уже подходя к деревне, он заметил огонь, расплывшийся у опушки леса. Зная, чем это грозит в хвойном лесу, Ника сломил молоденькую березку и начал изо всех сил прибавлять огненные языки. Порывом ветра пламя перебросило к сухостойной чащобе, рядом с которой высились сосны, пихтач. Огоньки уже начали лизать окропленный смолой бронзовый ствол сосны. Обхлестанная ветка больше не прибавала пламя. Сломить другую березку, значит потерять драгоценные мгновения. Огонь красным петухом может порхнуть по стволу дерева к вершине. А потом уж его не удержать! И Никоша, сорвав с себя рубашонку, привязал ее к обгоревшей березовой палке и продолжал единоборство с огнем. Он бил пламя, топтал... Загасив огонь, Ника аккуратно скатал обгоревшую рубашку и отправился домой. Шел и боялся, что получит нагоняй. Но отец сказал: «Ты правильно поступил, сынок. Лес – народное добро, и каждый из нас за него в ответе».

...Провожая сына, Иван Павлович знал, что теперь встречи с Никой будут реже. Как-никак, за три десятка километров жить парню от Зырянки, и домой не набегаешься! Спокойно и обстоятельно давал он сыну наказания, чтобы тот не забывал учебы, не нарушал дисциплину, был честен в большом и малом.

– За правдой пойдешь – счастье найдешь, – говорил Иван Павлович. – Смелость... она

ведь начинается от правды. Помни это. Смелость – не бесшабашность, не озорство.

Позже Ника не раз повторял отцовские слова и Виктору: «Смелость начинается от правды».

В Талице Нику устроили на частной квартире. Теперь забот в семье прибавилось. Нужно было платить за снятый угол, снабжать ученика продуктами питания, одеждой, обувью. А за дальностью дороги это стоило хлопот. Недаром в то время в Талице вместе с Никошей учились в семилетке только двое «приезжих» из деревни.

Талица – небольшой городок, прилепившийся возле реки Пышмы, на склоне лесистой горы. И летом и зимой здесь из земных недр бьют теплые незамерзающие ключи. В грозные дни гражданской войны Талица дала отряд добровольцев Красной гвардии, сражавшихся с бело-чехами. В незабываемом девятнадцатом в Талице находился штаб формирования 51-й дивизии Блюхера, знамена которой впоследствии были овеяны славой в боях с колчаковцами в Сибири и полчищами генерала Врангеля на Перекопе. История оставила в городке свои заметные следы.

И не удивительно, что Талица показалась Никоше Кузнецову миром широким и интересным, полным новизны. На какое-то время он забывает свои увлечения: игру в городки и бабки. Ему хочется посмотреть и знаменитый сад промышленника Поклевского, и роскошный дом миллионера, где разместился детский дом. Ника после занятий в школе ходил на гору любоваться видом реки Пышмы. Вечером, когда в погожие воскресные дни на Песках (улица, где он квартировал) у дома кого-либо из соседей собирались взрослые, он любил посидеть, послушать бывалых людей.

Уже на первых уроках Ника Кузнецов оставил о себе хорошее впечатление. Елизавета Зиновьевна Машанова, сестра заслуженной учительницы Анны Зиновьевны Снегиревой, которая заведовала Талицкой школой, вспоминает: «После Великой Отечественной войны, разбирая дневники, учебные записи сестры, я обнаружила строки, которые напомнили некоторые картины далеких лет. Как молодая, начинающая учительница, я с интересом следила за методикой работы сестры, имевшей к тому времени большой опыт преподавания. Однажды я заглянула в ее дневник, в котором она вела записи, характеризующие учащихся. Одна заметка касалась Ники Кузнецова: «Новичок – собранный мальчик, с большими задатками, подготовлен для учебы хорошо; при живости характера на удивление внимателен». Я спросила сестру, зачем она ведет такие записи. Анна Зиновьевна, как бы убеждая меня в своих мыслях, проникновенно сказала: «Учитель должен постоянно вести наблюдение за воспитанниками, изучать их психику, чтобы затем можно было подвести итог своей работы: какими были и какими стали ученики. Иначе не заметить успехов и недостатков. Не исключена возможность, что среди этих ребят растут свои Ломоносовы, Пушкины...»

Через некоторое время Елизавета Зиновьевна снова спросила сестру:

– Ну, как твой новичок?

– Сидит на уроке, не сводя глаз с учителя.

– Ты, что, гипнотизируешь их?

– Нет. Никоша внимательно слушает не только меня, но и других учителей. Собранный, наблюдательный мальчик...

Ника Кузнецов был постоянным посетителем школьной библиотеки. Книги размещались в шкафу, что стоял в большом классе, класс этот служил залом для постановок спектаклей и общешкольных собраний. В огромном шкафу вместе с книгами хранились архивные документы бывшего двухклассного училища. Дотошный Ника Кузнецов не раз просил разрешения у Анны Зиновьевны Снегиревой посмотреть, какие предметы изучали в училище, какая в нем была успеваемость. Не один вечер просидел Ника у шкафа. С помощью лесенки добрался и до верхних полок.

Вместе с дружкой, однофамильцем Сашей Кузнецовым, Ника стал бывать на квартире А. З. Снегиревой. Сестра Саши – учительница. Бывая в Талице, она останавливалась у своей подруги, Анны Зиновьевны.

Ребята любили там проводить вечера. Много рассказывал Ника о себе у Снегиревых. Говорил, что в чтении книг придерживается определенной системы. Живет по расписанию, знает, в какой срок прочесть книгу, когда сходить в кино, съездить домой, поиграть с друзьями.

– Я любил играть в бабки, – говорил Ника. – В удачный год накопишь целую корчагу бабок. Весной выберешь из них крупные «панки». Просверлишь, зальешь оловом. Обдуешь. Потрясешь над ухом: тяжелые!.. Как появятся первые проталины, нагрузишь полные карманы бабками и... айда играть с ребятами! Быстро из бабок вырастает кон. Встанешь на черту, метишь-метишь... Удар! И разлетятся бабки в разные стороны. Войдешь иногда в такой азарт, что дух замирает...

Рассказывал Ника, что он очень любил вечерними сумерками, сидя у стола или у печи, слушать воспоминания бывалых людей. И еще любил он ездить в ночное, сидеть у костра и рассказывать страшные истории. И когда в седьмом классе читали «Бежин луг», Ника лучше других написал изложение по рассказу Тургенева.

Елизавета Зиновьевна Машанова вспоминает: «Дрова в школу обычно привозили долготьем. Пилили их учащиеся после уроков или в воскресенье. Мне запомнился один такой день. Пришел Ника Кузнецов. Быстро установил козлы, и работа началась. Мальчик вооружился топором и очень ловко начал колоть дрова. Сначала некоторые работали с прохладцей, лениво. Ника сбросил с себя шапку, полушубок. Видно было, что труд для него – дело привычное. Скоро своим энтузиазмом Кузнецов заразил всех. Работа пошла веселее. Хором дружно запели:

Пили, пили, пила,
Коли, коли, топор!
В содружестве с пилой и топором
Тепло мы в школу принесем!

Вскоре дрова со звоном ложились в поленницу... Ника довольно смеялся: «Хороша каша, да мала чаша! Не успели развернуться, почувствовать вкус работы, а делать уже нечего. Жаль расходиться по домам».

Потом долго, шумно играли в снежки.

«Кузнецов всегда был подтянутым, собранным. Зимой ходил в полушубке, подпоясанный ремнем с бляхой. На голове носил белую кубанку, надевая ее чуть набок, – тепло характеризует Нику учитель математики Василий Михайлович Углов, ныне проживающий в Челябинске. – В классе он всегда был дисциплинирован, подтянут. Мне казалось, что он из семьи кадровых военных. Об этом говорила его выправка. Постоянная собранность – типичная черта Ники Кузнецова. Вот таким он и остался в моей памяти».

Весной 1925 года шестой класс Талицкой школы совершил трехдневный поход – экскурсию на Балаирское опытное поле. А на обратном пути побывали в семье Кузнецовых.

– Приняли нас приветливо, – вспоминает Михаил Никанорович Петров (ныне проректор Тюменского государственного педагогического института). – Как сейчас вижу отца Никоши: средних лет, темно-русый. Он встретил нас за воротами дома, провел на свою пасеку, рассказал о жизни пчел и уходе за ними, угостил медом. Потом всем классом мы готовили в Зырянке клуб, чтобы показать постановку. Девочки и мальчики мыли пол, развешивали лозунги. Вечером поставили пьесу.

В. Ф. Чащихин, работавший в те годы преподавателем обществоведения в Талицкой семилетке, рассказывал, что за сорок лет его учительской деятельности перед ним прошли сотни молодых людей, и многих из них он забыл. Лишь четверо из выпуска 1926 года хорошо запомнились. Но трое из них остались в памяти по каким-то особым причинам, связанным с их характерами, отношением к учебе, или по внешним признакам: один был племянником учителя, другой – одноруким, а третий запомнился, видимо, потому, что он побывал в детстве со своими родителями в разных странах, вплоть до Гавайских островов.

«А вот Никоша Кузнецов, – вспоминает В. Ф. Чащихин, – запомнился мне как незаурядный ученик. Он выделялся среди других своим горячим стремлением к знаниям, настойчивостью. Если случалось, что при решении какой-либо трудной задачи Никоша отставал, то он с досады произносил свое любимое ругательство: «Ах, ты, Николай Романов!» Эти же слова Ника иногда произносил в гневе и в адрес нарушителей дисциплины.

Ныне многим может показаться непонятным это выражение, а оно, до известной степени,

характеризовало политические настроения юноши: ненависть и презрение к свергнутому революцией царю Николаю Кровавому. Учащиеся жили тогда в такое время, когда многие еще относились скептически к начинаниям Советской власти. Но молодежь живо интересовалась такими предметами, как история рабочего движения, Конституция РСФСР, текущие политические события. Ника Кузнецов увлекался этими предметами. Поэтому он так хорошо и запомнился мне.

Кузнецов был активным слушателем. Иногда высказывал удачные суждения или давал толковые объяснения событиям далекого прошлого».

Все, кто знал в то время Николая, до сих пор сохранили о нем самые теплые воспоминания.

Ника всегда готов был оказать помощь товарищам по учебе. Он повторял с ними трудные места в заданных уроках, пока товарищ не усваивал материал. Когда требовалось, он был серьезен и строг, но умел пошутить, посмеяться.

– Много выветрилось из памяти, – рассказывает Анна Ефимовна Кирпичникова, – но то, что Ника отлично играл на гармонии, знал много песен и волнующе декламировал «Буревестника», я не забуду никогда. Одна картина мне особенно запечатлелась. Незадолго до окончания семилетки мы ездили всем классом в деревню Уэцкую, ставили там спектакль. Помнится, это были сцены из пьесы «Любовь Яровая». Как хорошо сыграл тогда Ника роль белого офицера! Холодный, надменный, жестокий офицер в припадке отчаяния метался по сцене, как затравленный волк. Тогда игра Никоши понравилась не только мне, но и всем жителям Уэцкой, кто смотрел спектакль.

В школе Ника впервые обнаружил незаурядные способности лингвиста. Он очень быстро усваивал немецкий язык и этим резко выделялся среди других учеников. Русский язык преподавала Ф. А. Яблонская, немецкий – Н. А. Автократова.

Нина Алексеевна Автократова, получившая в свое время образование в Швейцарии, в совершенстве владела французским и немецким языками. От нее Ника получил первый хороший «заряд» в познании иностранного языка. Узнав, что преподаватель по труду – бывший военнопленный немец, Николай не упускает случая, чтобы поговорить с ним, попрактиковаться, усвоить произношение новых слов.

Но этого ему казалось мало. Он не раз находил предлог побывать в аптеке и поговорить еще с одним «немцем» – провизором из австрийцев.

Это было неосознанным увлечением. Николай Кузнецов не мог и думать тогда, что увлечение приведет его со временем на необыкновенную дорогу, сделает неуязвимым для врагов нашей Отчизны и обессмертит его имя.

Серьезные испытания

23 июня 1926 года. У семиклассников Талицкой фабрично-заводской школы праздник. В клубе готовился выпускной вечер. Девочки ходят притихшие, грустные. Ребята держатся спокойно, как будто ничего не произошло. Мужская сдержанность! А вообще-то все в душе ликуют: позади остались годы напряженной учебы. Впереди новые, неизведанные дороги. А взгрустнулось девчатам потому, что жаль расставаться подружкам...

На память о совместной учебе и дружбе решили сфотографироваться всем классом. Ника встал рядом с Сашей Кузнецовым, Мишей Петровым, Николаем Прохоровым. Лицо его озабочено. Взгляд устремлен вдаль. Таким и заснял его фотограф. Тремя днями позже, получив снимок, Никоша сделал на нем надпись: «Что день грядущий мне готовит?»

Вечером в клубе на торжественном собрании выпускники получили свидетельства об окончании семилетки и общественную характеристику. Выступая с приветствием, секретарь райкома партии Южаков говорил:

– Дать характеристику каждому окончившему школу рекомендовал райком. Этот документ будет говорить о том, как вы, молодые граждане Страны Советов, участвуете в строительстве новой жизни, как готовитесь стать в ряды создателей нового мира. Сегодня учиться хорошо мало. Нужно учиться быть бойцом за социализм!..

Николай Кузнецов получил одну из лучших характеристик.

Пока на сцене готовились к концерту, Нику позвонил преподаватель обществоведения В. Ф. Чашихин.

– Ты что такой серьезный сегодня? – удивился он и засыпал Нику вопросами: – Какие планы у тебя на будущее, куда намерен пойти учиться? Я бы советовал в педагогический техникум. Из тебя выйдет хороший учитель! Способности есть. Я видел, как вы с Мишей Петровым пионерские сборы проводили.

– А Петров, Виктор Федорович, подает заявление в лесотехнический, – повеселел Ника, – он не хочет отставать от друзей. Я же еще не решил. Отец все мечтает увидеть меня агрономом. А мне работа лесовода тоже нравится. Теперь и раздумываю: хлеб или лес... Хлеб, конечно, важнее. Но учиться на агронома нужно ехать в Тюмень. А у меня папа давно уже недомогает, – закончил Ника опечаленно.

По приезде Никоши из Талицы дома обстоятельно советовались, какую профессию ему лучше избрать. Наконец решили, что при создавшемся положении (болезнь отца) Нике следует определяться в Талицкий лесной техникум. Это ближе, значит, легче будет содержать студента.

Но поступить в техникум оказалось не так просто: школу Ника закончил пятнадцати лет, а туда принимали учащихся более старшего возраста. Недостатка в желающих учиться там не было, в техникум шли и со средним образованием, шли с рабфаков и из лесных школ. И, конечно, таким абитуриентам отдавали предпочтение. Да и прием был небольшой – всего 25 человек. По этим причинам Нике Кузнецову отказали: «Молод еще, годы не вышли», – заявили ему.

Неудача несколько не огорчила Ивана Павловича, он решил отправить сына учиться в Тюмень. Незадолго до отъезда Никоша завел разговор с отцом. Зная, как сдало в последние годы его здоровье, он сказал:

– Папа, а почему бы тебе не вступить в коммуну? Там машины, артелью работать легче.

– Видишь ли, Никоша, – ответил отец, – я сам прекрасно понимаю, что артелью сподручнее трудиться: где дружно, там не грузно. Когда мы создавали кооперацию, я сам мужиков звал в нее, чтоб покончить с засильем торговцев. В коммуну в первые годы я не пошел, вас жалел. Ведь с жильем в «Пахаре» до сих пор трудно. Да и хозяйство, многими годами нажитое, не так легко в общий котел кинуть. Ну, а теперь, с моим здоровьем идти в коммуну совесть не позволяет. Не хочу, чтобы кто-то попрекал меня: пришел, дескать, на готовое! Ты читал, в газетах как пишут? «Коммуна – ударный отряд, и солдаты в нем должны быть отменные». А моя песенка, видать, спета... – голос отца дрогнул. Заметив, что сын запечалился, Иван Павлович подбодрил его: – Вы-то, дети, я уверен, будете счастливее нас. У вас другая жизнь, другая будет дорога...

Осенью 1926 года Николай Кузнецов поступил на первый курс агрономического отделения Тюменского сельскохозяйственного техникума.

Тюмень, хотя Ника проучился там всего лишь год, оставила заметный след в сознании юноши. Здесь он вступил в ряды комсомола, здесь ходил на первые коммунистические субботники.

Незадолго до окончания экзаменов, в начале июня 1927 года, Ника получил телеграмму из дому, извещавшую о смерти отца.

Семью Кузнецовых постигло большое горе. Простудившись, Иван Павлович заболел скоротечным туберкулезом и умер в возрасте 56 лет.

Ника приехал в Зырянку на второй день после похорон отца. Он горько переживал утрату. Взъерошенный, бледный, в какой-то серенькой рубашке ходил он по дому подавленный, молчаливый, заглядывал во все уголки, как бы стараясь убедить себя в том, что отца нет и никогда не будет. Бережно и внимательно рассматривал Ника фотографию Ивана Павловича в гробу, окруженном осиротевшей семьей. Это было его первое большое горе. Он любил отца, уважал за трудолюбие и честность, за тягу к культуре и свету знаний. Но, глядя на безутешно плачущую мать, Ника нашел в себе силы и начал нежно успокаивать ее:

– Не плачь, мама, утрату не вернешь слезами. Успокойся, давай лучше поговорим, посоветуемся о нашей дальнейшей жизни...

Теперь он стал старшим мужчиной в доме. Ника хотел было остаться в деревне, чтобы взять на себя всю тяжесть ведения хозяйства, но семья энергично восстала против такого

решения и настояла на выполнении завещания отца. Последними словами Ивана Павловича, обращенными к семье, были: «Нику обязательно дальше учите, хотя знаю, что вам будет трудно... Витя будет помогать матери вести хозяйство, а Нику обязательно учите!»

Чтобы быть ближе к осиротевшей семье, Николай Кузнецов осенью 1927 года поступил на первый курс Талицкого лесного техникума.

Бывший заведующий учебной частью этого техникума П. В. Луговых вспоминает:

«У нас к студентам, кроме топографического черчения, знания геодезии и топографии, предъявлялись требования уметь хорошо читать карты и планы, ориентироваться на местности (особенно в лесу и в ночное время), в совершенстве знать территорию учебного лесничества (а его площадь была 35 тысяч гектаров!), знать, где находятся кордоны, дороги, тропы и объезды, речки и овраги. Учебный план техникума предусматривал обязательный предмет – охотоведение. В порядке практики студенты вели организованный отстрел птиц и зверей, и сами делали из них чучела. Учащиеся должны были уметь ходить на лыжах по целинному снегу, стрелять из огнестрельного оружия».

Питомник техникума был настоящим дендрарием, который насчитывал многие десятки видов древесно-кустарниковых растений из разных зон страны и среди них: ель сибирская, лиственница, пихта, вяз, клен, рябина, тополя, березы, кедры, акации... Студенты в питомнике проходили практику, учились сажать разные породы деревьев, «лечить» их, по очереди несли суточные дежурства на метеорологической станции. Много раз за зиму им приходилось попарно дежурить на семеносушилке, а ранней весной вести лесопосадочные работы на учебном поле.

Ника, выросший в деревне, хорошо знал местную древесную растительность, травы и мог, по его выражению, узнать растения «с завязанными глазами».

– В ботанике Никоша разбирался отлично, – вспоминает М. Н. Петров. – Повела нас учительница естествознания – было это в седьмом классе – на луг. Спрашивает: вот вам цветок. Из какого он семейства? Ника принес целую охапку растений и дал им точное определение.

Студенты изготовляли гербарии. Саженцы и гербарии техникум рассылал во все города Союза. Проводили съемку пруда на Урге (что за городом) для нивелировки. Делали съемку хвойных массивов на кордонах...

Нелегко было Нике учиться. Ему приходилось выполнять и жесткие требования программы и находить время помогать семье по хозяйству. Но юноша не сдавался. Он настойчиво овладевал знаниями, упорно шел к намеченной цели.

Одевался Ника просто. На нем была все та же серенькая рубашка, что и в год смерти отца. Сильно нахмурен лоб: ведь забот у старшего мужчины в семье – хоть отбавляй. Пристально всматриваются в жизнь зоркие глаза. Но за некоторой грустью все же угадывается большая настойчивость, недюжинная воля и энергия.

В техникуме Ника близко сошелся с Федей Белоусовым и Володей Захаровым. Белоусов приехал на учебу из Нижнего Тагила по комсомольской путевке. Он окончил десятилетку и уже некоторое время работал. Федя был более опытным в жизни и «богаче» своих друзей. Он имел приличный выходной костюм. Друзья носили его по очереди. Ника был выше всех ростом, и когда надевал этот костюм, то приходилось распускать «манжетку», а Владимиру брюки были длинноваты (он меньше всех ростом!) – брюки укорачивали... Все трое жили на одной квартире, а когда в техникуме было отстроено здание общежития, перешли туда.

В то время лесничим в учебно-опытном хозяйстве работал старый гвардейский солдат. Кроме положенных дежурств, он часто, даже в суровые морозные дни, посылал студентов ночью на лыжах с экстренным, «совершенно секретным» донесением на кордон (за 25–30 километров) и требовал, чтобы они к утру возвращались обратно. Солдат-лесничий устраивал ночные облавы и засады в лесу по выслеживанию «лесных воров» – самовольных порубщиков. Он прививал студентам военные навыки и дисциплину. Но суровые требования лесничего не тяготили молодежь. В них студенты видели романтическое начало и состязались в ловкости, силе и выносливости.

В такой обстановке воспитывался и закалялся Николай Кузнецов и его товарищи.

Новые заботы и интересы захлестнули паренька. Вечерами он пропадал то в библиотеке, то в спортивном клубе «Орленок». Ему хотелось поспеть всюду: и на спортивные

соревнования, и на занятия кружка «эсперанто», который вел учитель Суетин. А еще надо было ездить со спектаклями в соседние села, отвечать на письма немецких комсомольцев, с которыми ячейка ВЛКСМ техникума поддерживала дружескую связь, выступать на диспутах.

М. П. Петров вспоминает: «Мне на всю жизнь запомнилось одно из занятий комсомольского политкружка в «Орленке», которое проводил старый коммунист. Он рассказал о революции 1905 года, а потом, разделив нас на две группы, устроил между нами состязание – «полит-бой». Ребята друг другу задавали вопросы о текущей политике. В зависимости от ответов старый коммунист записывал сторонам «очки» и «поражения». Ника тогда показал себя начитанным и осведомленным больше, чем другие».

1928 год. Второй курс лесного техникума. И, как всегда, Ника своею настойчивостью и усидчивостью удивляет всех. Он занимается немецким языком, хотя в техникуме преподавание иностранного языка учебным планом не предусматривалось. Некоторые смотрят на это, как на причуду. А Ника, узнав, что приезжающий в контору лесничий Гунольд – немец, из бывших военнопленных, заводит с ним дружбу и при встрече стремится говорить только по-немецки.

Преподаватель черчения Леонид Иванович Шихалеев, о котором до сих пор его ученики вспоминают, как о привередливом, ворчливом старике, хвалил Нику Кузнецова за блестяще выполненные работы. Он любил повторять: «Этот паренек добьется толку. Он всегда будет есть белый хлеб с маслом!» По мнению Шихалеева, специалиста старой школы, умение чертить означало заработать себе на белый хлеб, а научиться красиво подписывать планы – иметь белый хлеб с маслом. Однако Ника часто отвечал Шихалееву: «Леонид Иванович, а меня не привлекает сытое благополучие и богатство. Я стремлюсь в первую очередь к светлой, честной жизни».

И действительно, у Никоши всегда была большая тяга к хорошему, к правде и справедливости.

– Его отличала доброта и скромность, – отмечает П. В. Луговых. – Он любил поиграть, пошутить, спеть, Но никогда не старался «показать» себя, выделиться. Он не сторонился товарищей, но был серьезней их, вдумчивей, любил внимательно наблюдать за окружающим.

Один из товарищей юношеских лет Е. М. Решетников из деревни Пуртовой, ныне проживающий в Москве, вспоминает:

«Как-то летом, не то в 1925, не то в 1926 году, я пас коней у кулака Ильи Савиновича. Спать приходилось мало, да и от жары я сильно сомлел, потому, когда хозяин стреножил коней и ушел домой, я прилег на траву и незаметно уснул. Кони, оставшись без присмотра, ушли в чужой хлеб. Вернулся хозяин, увидел потраву да так меня отделал прутом, что я ни сесть, ни лечь не мог. Ника Кузнецов прибежал на мой крик. Он участливо спросил, за что меня избили, а потом погрозился, что обязательно отомстит кулаку за меня.

Вскоре мы вторично встретились с Никой, он шел на рыбалку. Удили наши ребята обычно в реке, что протекает через село Балаир. С плотины хорошо виден высокий обрывистый берег, где гнездились ласточки. Ребята их называли «берегоушами». Пришли мы тогда целой гурьбой к плотине рыбачить. Вдруг слышим, ласточки писк подняли. Видим, двое мальчишек полезли на обрывистый берег и начали зорить гнезда. Никоша сильно возмутился и хотел было прогнать мальчишек, как вдруг один из них сорвался и слетел под откос, прямо в трясины. Мы засмеялись, а Никоша крикнул мальчишке: «Так тебе и надо, не будешь мучить беззащитных птах». Очень не любил Никоша, чтобы кто-либо обижал слабого да беззащитного...»

Об этой же черте характера Николая рассказывает и П. В. Луговых:

«Однажды мне пришлось быть свидетелем такой сцены. Учащиеся в лесу нашли молодых птенцов-филинов, и один из студентов, человек вздорный и нестоящий – недаром его звали Копейка, начал их мучить. Ника до глубины души был возмущен таким поведением. «Ну зачем ты это делаешь, ведь нехорошо!..» – начал было он увещевать. Тогда Копейка, с вызовом ухмыльнувшись, злобно рванул и выломил у птенца крыло. Кузнецов негодуяски вскипел и закатил Копейке такую оплеуху, что тот не устоял на ногах».

Случай этот обсуждали потом на собрании комсомольской ячейки. Копейку стыдили, а Нике Кузнецову за нетактичный поступок вынесли порицание. Копейка затаил злобу и начал мстить.

Большая собранность, доходящая до пунктуальности, помогала Николаю Кузнецову

сочетать серьезную учебу с активной общественной работой. А круг его интересов был широк и разнообразен. Он усиленно занимался спортом, особенно лыжным и стрелковым, играл в городки и баскетбол, участвовал в кружках художественной самодеятельности, играл на гармонии.

Веселый, общительный, он был душой коллектива. Студенты избрали комсомольского активиста в профком техникума. Кузнецов вел там большую организаторскую работу.

О постоянном внимании, которое Ника проявлял к товарищам по учебе, рассказывает А. С. Кондрова:

«Приближалось празднование 7 ноября. Мы все, ребята и девчата, украшали наш техникум к предстоящему торжественному вечеру. Много пели, шутили смеялись и мечтали, мечтали!

Здесь же был и Никоша. Много у меня было товарищей и подруг, казалось, все одинаково хороши; но имя Николая, образ его в моей душе всегда сиял ярче других. Я, как и все, скоро прониклась к нему большим доверием и уважением. А вечер 6 ноября на всю мою жизнь утвердил эти чувства.

В тот день я узнала, что некоторым студентам было отказано в стипендии. В числе их оказалась и я. Моя мать – работница завода, вдова, имела на своем иждивении трех детей, и я учебу без стипендии продолжить не смогла бы. Сейчас не знаю, как я выглядела, но, видимо, поникла настолько, что как рукой сняло веселье и с моих товарищей. Вначале все замолчали, потом стали возмущаться, а Никоша побежал с кем-то.

Я же оделась по-дорожному, собрала вещи в чемоданчик и направилась к выходу. Как вдруг передо мной распахнулась дверь, на пороге стоит Никоша в светлом плаще нараспашку, сияющий! Он громко крикнул: «Никуда ты не поедешь, сними жакет и идем на вечер!»

Оказалось, он разыскал директора (Никоша был председателем профкома), поднял всех на ноги, мои документы пересмотрели и убедились, что отказ мне в стипендии был неправильным. Так благодаря Никоше я осталась в техникуме, за что благодарна ему всю жизнь».

Николай Кузнецов был хорошим студентом, комсомольцем. К его стройной фигуре очень шла ловко пригнанная юнгштурмовка с портупеей через плечо, белоснежная рубашка всегда была с галстуком. Таким его видели товарищи по техникуму.

Летом 1928 года во время полевой практики по геодезии Кузнецов был в группе за старшего и вел геодезический журнал. Этот журнал и маршрутный дневник с подробным описанием местности преподаватель А. Т. Дурников долго еще хранил и показывал студентам как образцовый.

Приезжая домой на праздничные дни или на каникулы, Ника, в меру своих сил, помогал правлению и парторганизации коммуны «Красный пахарь» проводить организаторскую работу среди крестьян. Часто он заходил в «пожарку» (помещение пожарной охраны) – единственное большое здание в Зырянке, которое использовалось как клуб. Крестьяне, и старые, и молодые, любили потолковать с Никошей, узнать новости текущей политики Советского государства и международной жизни. Завязывались оживленные беседы о коммуне и колхозе, о займе индустриализации.

«Я учился на курс позже Н. Кузнецова, – вспоминает инженер Талицкого хммлесхоза В. Т. Кальсин. – По заданию райисполкома вместе с ним мы проводили в Зырянке землеустроительные работы. По просьбе Кузнецова собрали сход односельчан. Комсомолец призвал зырянцев беречь леса от пожаров, охранять их от хищнической порубки. Потом разговор зашел о колхозах. Как здорово он умел говорить! Речь его была образна, доходчива. Он хорошо знал, чем «дышит» каждый крестьянский двор, знал, сколько десятин земли, сколько скота у того или другого хозяина. Под конец собрания даже старики, сомневавшиеся в жизнеспособности колхоза, согласно кивали головой, когда Кузнецов говорил: «Мелким хозяйствам из нужды не выйти».

Виктор Николаевич Дерябин, сын одного из зарубленных в 1918 году сельских активистов, работавший в то время заведующим хозяйством коммуны (ныне он председатель Балаирского сельсовета), вспоминает: «Ника Кузнецов, приезжая в Зырянку, помогал нам вести хлебозаготовки, руководил кружком ликбеза... Он был человеком с открытой душой. Отличный организатор, Кузнецов умело помогал нам крепить трудовую дисциплину, во всем

был нам верным помощником».

Однажды он по мельчайшей детали обнаружил у кулака деревни Речкиной хитро запрятанный хлеб. Как-то вместе с Копейкой им поручили обойти в Балаире несколько десятидворок и провести подписку на заем индустриализации. Зашли к довольно зажиточному крестьянину, имевшему крепкое хозяйство.

Копейка буквально с порога пошел приступом:

– Мы распространяем заем индустриализации.

– Ну и что? – осадил его хозяин дома.

– Подписывайся.

– А я не особо расположен. Что это даст мне?... – проговорил он, хитро поглядывая из-под насупленных бровей.

– Ты что, будешь подписываться, когда порохом запахнет? – срываясь, закричал Копейка.

– Вы меня порохом пугать, сморчки?! Меня Колчак не напугал шомполами... – взорвался мужик и, вскочив с лавки, огромный, как медведь, подняв кулачищи, вперевалку пошел на агитаторов. – Вон отсюда! – загремел хозяин.

– Ты, дядя Роман, успокойся, – поднял руку Николай. – Послушай, что я скажу.

– Ну-ну, расскажи, сынок, – немного остыл хозяин, – может, растолкуешь, не как этот, дюже горячий...

И Николай Кузнецов обстоятельно разъяснил крестьянину, для чего Советское правительство выпускает заем индустриализации, что это дает стране, народу.

– Ну, это другой разговор, – согласился крестьянин. И, посмотрев на Копейку, добавил: – А ты хотел как на балалайке: трень-брень – и готово! Пишите. И не на пять рублей, а на все десять!..

О том, как вел себя в деревне Копейка, Ника рассказал товарищам в общежитии техникума. Посмеялся дружелюбно, в лицах передавая сцену разговора. Но Копейка счел это кровной обидой...

1929 год. Вся наша страна переживает напряженные, волнующие дни революции в сельском хозяйстве. Повсеместно развернулась сплошная коллективизация. Захваченный величием этого процесса, Ника едет домой. Он разъясняет односельчанам бесперспективность единоличного хозяйства, призывает к коллективному труду в деревне.

Горячо доказывал Ника матери преимущества новой жизни: – Ты стареешь, мама, – говорил он волнуясь. – Здоровье твое слабеет. Виктор еще мальчик, а я мало вам помогаю, и вы оба надрыиваетесь в непосильном труде. В коллективе, сообща, будет работать легче. Виктор сможет подучиться, стать трактористом, умелым, грамотным работником, какие сейчас нужны сельскому хозяйству.

Ника убедил мать вступить в члены коммуны «Красный пахарь». И 5 мая 1929 года Анна Петровна с сыновьями Николаем и Виктором собрали свой инвентарь, лошадей и другое имущество и передали его в общественный фонд коммуны. Туда же был перевезен и дом Кузнецовых, который переоборудовали под общественную пекарню.

Весной в деревнях и селах района начали организовываться первые сельскохозяйственные артели. А когда колхозникам потребовалась помощь, Ника одним из первых вызвался ехать в село – помогать в составлении плана посевных площадей.

«Как сейчас, вижу высокие сани, в которые мы погрузили свои нехитрые пожитки, – вспоминает друг комсомольской юности Николая Кузнецова Федор Александрович Белоусов, – Ника был в белой меховой мохнатой шапке. Выехали мы под вечер. Сначала погода не предвещала ничего плохого. А потом вдруг замело. Ветер крепчал с каждой минутой. Он подхватывал кучи снега и швырял их о борта наших саней, слепил глаза. И вот уже все вокруг нас превратилось в сплошное бушующее месиво. Мы и не заметили, как сбились с дороги. Лошадь с трудом тащила по глубоким сугробам. Я уже приуныл. Взглянул на Нику, он раскраснелся, по-прежнему весел, может быть, потому, что вырос в деревне и не боялся метели.

Неизвестно, сколько мы проехали, как вдруг Ника попросил остановиться. Долго всматривался в снежную крутоверть, а потом решительно проговорил:

– Ну, Федька, давай жми прямо!

Как оказалось потом, сквозь белесую мглу вьюги Ника сумел разглядеть сигнальные огни

семафора.

Больше недели прожили мы тогда в селе Елань. С утра до вечера ходили с колхозниками по заснеженным полям, еще рассеченным на мелкие полоски и клинья. Рассчитывали, где и что лучше посеять, сколько и каких семян припасти к весне, сколько потребуется тягловой силы. До ночи при тусклом свете семилинейки вычерчивали планы посевов, перекраивая чересполосицу. Поля получались у нас большие, широкие...»

Семья Кузнецовых добросовестно трудилась в коллективном хозяйстве. Осенью 1929 года Виктора Кузнецова правление коммуны послало учиться на курсы трактористов. Так, менее чем через полгода, подтвердились слова Ники, сказанные брату, что в коллективном хозяйстве он станет специалистом.

А Николай продолжал учебу в Талицком лесном техникуме.

То было грозное время. Империалисты во главе с папой Римским сколачивали легионы для крестового похода против Советской России. В Германии зашевелились гитлеровские молодчики. Китайские империалисты захватили КВЖД. На границах нашей страны милитаристы прощупывали крепость сил молодого социалистического государства. В воздухе пахло порохом...

Однажды, осенью 1929 года, темной ночью студентов техникума подняли по тревоге. Отряд, предводительствуемый военруком, направился к ближайшей железнодорожной станции. В сосновом бору, километрах в полутора от станции, остановились. Секретарь райкома партии объявил:

– Империалисты пытаются нарушать наши дальневосточные границы. Готовы ли вы отправиться на боевые позиции? Если кто трусит или болен, может идти домой.

Глубокую тишину прорезал звонкий, взволнованный голос:

– Готовы, хоть сейчас отправляйте в бой!..

Это был Николай Кузнецов.

В техникуме Ника получил не только знания, но и хорошую закалку бойца. Он был верен комсомольской клятве, беззаветно любил свою Родину.

Ника старался быть бескомпромиссным во всем. Он не терпел краснбайства и высокомерия. Сам был скромн, всегда подтянут. На одном из комсомольских собраний Кузнецов резко критиковал секретаря комсомольской организации за беспринципность. Он знал, что комсомольский вожак ругает ребят за выпивку, а сам втихомолку тоже прикладывает к «злодейке с наклейкой». Секретарь комсомольской ячейки, молодой парень, в условиях города находил нужным держать в хозяйстве лошадь. «Ты что, собираешься возвращаться к НЭПУ?» – корил Кузнецов незадачливого руководителя.

Однажды на молодежном вечере, когда Копейка начал пошло острить над девушкой, с которой танцевал Ника, Кузнецов публично отчитал остряка – «пустозвона балалайкина».

И над комсомольцем-активистом начали сгущаться тучи. У клокотавшего мстью Копейки появился союзник – секретарь комсомольской организации. Тот нашел предлог выступить в роли «сугубо бдительного». Собрав послушный для себя круг студентов, секретарь устроил «расширенное» заседание бюро ячейки и выступил обвинителем Кузнецова. Секретарю рьяно помогал Копейка. Николаю вменялось в вину, что он якобы принадлежал к кулацкой семье и вместе с отцом, белогвардейским офицером, отступал с белыми.

– К тому же ты дружил с «есенинцем» Белоусовым! – кричал Копейка. (Федя Белоусов неделей раньше был исключен из комсомола за то, что дружил с девушкой из старой интеллигентной семьи, где действительно почитали Есенина.)

Удар, подготовленный интригами, был для Ники неожиданным. Бюро заседало не в полном составе, Кузнецову не дали высказаться. Здесь, в трудную для него минуту, Ника узнал, что один из друзей, которому он когда-то верил, трусливо отвернулся и даже закулисно участвовал в подготовке травли Кузнецова.

Используя факты из биографии Николая в искаженном виде, секретарь ячейки поставил вопрос о «пребывании» его в комсомоле. При голосовании большинством в два голоса Николай Кузнецов был исключен из комсомола и с последнего курса техникума. Но он понимал, что подтасовку фактов под лозунгом борьбы с кулачеством протащили те, кто хотел свести с ним личные счеты.

– Ника уходил со слезами на глазах, – вспоминает Александра Фирсовна Тарасова, соученица Николая, проживающая ныне в Перми. – Обратившись к собранию, он сказал: «Здесь произошла ошибка... Мне выразили политическое недоверие. Но вы еще услышите обо мне! Я докажу, что со мной поступили несправедливо. Я докажу, что достоин называться сыном социалистической Отчизны».

Этот страшный сам по себе удар, обрушившийся на плечи восемнадцатилетнего юноши, да еще накануне окончания техникума и осуществления заветной мечты о работе в любимых уральских лесах, мог бы свалить и более зрелого человека. Но убежденность в своей правоте, глубокая уверенность в том, что несправедливость будет исправлена, помогли Николаю Кузнецову найти в себе мужество и силы, чтобы справиться с потрясением, выстоять, не надломиться, не опустить рук. Дома, когда мать уговаривала сына бросить свои хлопоты, не мучить себя переживаниями, Ника с суровой решимостью ответил:

– За правду я буду стоять насмерть!..

Вернувшись домой, Ника стал работать в коммуне «Красный пахарь». Вместе с братом Виктором и старыми друзьями-коммунарами он возил сено, дрова, ухаживал за скотом. Многие односельчане недоуменно спрашивали Николая:

– Как это получилось? Ты учился, почти уже техник, был активным комсомольцем и вдруг возишь навоз?

– Меня не смущает физическая работа, – отвечал им Ника. – Любой труд почетен. Пройдет немного времени, и я докажу, что могу не только навоз возить, но и делать что-либо посерьезнее.

В связи с постигшим его в эти дни несчастьем, Ника написал на фотографии, которую подарил брату Виктору: «Как видишь, мое лицо невольно выражает не только горе, но и известную растерянность перед совершенной несправедливостью. Это настроение надо преодолеть».

Сам он не любил этот фотоснимок. Действительно, на фотографии Ника выглядел подавленным. Обычно аккуратный до педантичности, он не заметил, что воротник рубашки измят, а галстук съехал набок. Позднее брат уничтожил эти фотокарточки, и только одна из них случайно сохранилась в Талице у знакомых.

Вскоре Ника вновь сфотографировался, на этот раз в кожаной куртке (он подражал любимому герою Григорию Котовскому). Теперь по выражению его лица было видно, что ему удалось преодолеть временную растерянность.

Руководители коммуны и Талицкого лесного техникума были на стороне Кузнецова и советовали ему добиваться работы по специальности техника-лесостроителя. При исключении из техникума Николаю была выдана справка о том, что он учился там с 1927 года по декабрь 1929 года. Но вскоре руководство техникума, огорченное исключением активного комсомольца и одного из лучших учащихся, не только выдало ему другую справку об окончании первого курса Тюменского сельскохозяйственного техникума и почти полного курса учебы в Талицком лесном техникуме, но и помогло получить направление на работу по специальности. Позже Кузнецов продолжил образование и получил диплом.

В апреле 1930 года Николай Кузнецов выехал в город Кудымкар Коми-Пермяцкого округа, где начал работать в окружном земельном управлении помощником таксатора по устройству лесов.

«Кочевской парень»...

Тридцатый год принес в Зырянку большие изменения. Коммуна «Красный пахарь» была расформирована. На ее базе создаются два колхоза: имени Энгельса и «Большевик». Но семья Кузнецовых не захотела оставаться в деревне. Еще будучи в Свердловске, Ника написал брату: «Посоветуйся с мамой, не захочет ли она поехать с тобою на какую-нибудь большую стройку. На Урале всю гремит Магнитка. Рядом со Свердловском закладывается огромный завод тяжелого машиностроения. Я бы на твоём месте двинулся на стройку. Посмотришь мир, испробуешь свои силы...»

После расформирования коммуны Виктор некоторое время работал на лесопильном

заводе станции Поклевская. Но вскоре семья Кузнецовых переезжает в Свердловск. Виктор поступает на строительство Уралмашзавода трактористом, а Лидия работает в управлении Свердловского мебельного комбината. Николай по-прежнему был в Кудымкаре.

За четыре года работы в этом крае Кузнецова неоднократно перебрасывали туда, где обстановка требовала трудолюбивого, напористого работника. И Ника не отказывался. То он временно исполняет обязанности окружного лесовода, то работает секретарем бюро Коми-Пермяцкого многопромышленного союза. На каком бы участке работы ни находился, он неизменно проявлял исключительное трудолюбие, честно относился к порученному делу. Кузнецов по-прежнему активно участвует в общественной жизни. В его трудовом списке можно прочесть: «С 25 марта 1932 года находился в командировке по общественной работе, 14 дней – в Деминском сельсовете Кудымкарского района»... «Находился в командировке по общественной работе в Юрлинском районе с 20 апреля 1932 года» и т. д.

В музее Кудымкара среди документов, рассказывающих о деятельности комсомольского активиста, экспонируется такое удостоверение: «Дано настоящее Коми-Пермяцким окрпрофсоветом т. Кузнецову Н. И. в том, что он командирован в Деминский сельсовет в помощь уполномоченным РИК для практической работы в проведении подготовки посевной кампании и коллективизации, что и удостоверяется. 10 марта 1931 года».

В. И. Сысолятин в своих воспоминаниях пишет:

«Мы с Николаем Ивановичем были близко знакомы, так как я был секретарем комсомольской организации, в которой он состоял на учете.³ Он быстро изучил разговорный язык коми-пермяков и свободно изъяснялся с нами. Высокий, сухощавый, одетый в неизменную комсомольскую форму (юнгштурмовку), Кузнецов выглядел всегда молодежато подтянутым, жизнерадостным. Зимой, когда лесостроители обрабатывали собранные за лето материалы, Николай Иванович часто и с большой охотой выполнял поручения. Он выезжал с бригадами активистов, помогавших крестьянам создавать колхозы, участвовал в раскулачивании деревенских мироедов. Наблюдательный, он по каким-то одному ему понятным приметам находил запрятанный кулаками хлеб.

Комсомольца Кузнецова можно было встретить в командировке по сбору денежных налогов, на субботниках по благоустройству города. Он был уполномоченным Кудымкарского райкома и окружкома ВЛКСМ по обмену комсомольских билетов, руководил кружком политграммоты. Старые комсомольцы помнят яркие выступления Николая Кузнецова на комсомольских судах чести – в роли защитника или обвинителя.

Несмотря на большую производственную и общественную работу, Николай умело организует свой досуг, много читает, готовится к поступлению в институт иностранных языков. Настойчиво занимается немецким языком. Он знакомится с одним из преподавателей педучилища и, разговаривая с ним только на немецком, шлифует произношение.

В Кудымкаре Ника встретил красивую, черноглазую, веселую девушку (она работала в конторе многопромышленного союза) и подружился с ней. Это была Тася Мартина.

«Мы были молоды, жизнерадостны, – вспоминает Т. К. Мартина, – много работали. Свой досуг проводили весело, интересно. Бывало, придет Николай Иванович из командировки и говорит: «Тася, я так соскучился по конькам и лыжам! Может, прогуляемся, свежим воздухом подышим? А то засиделись...»

С катка возвращались оживленные, разругавшиеся... «Вот, – говорил он, – и мышцы немного укрепились, и настроение поднялось!» Или поедет на лыжах кататься. Я только быстро уставала, он ходил размашисто, спорно. «За тобой не угонишься, – кричу ему. – Ты такой скороход!» Коля улыбнется в ответ: «Не волнуйся, сильно устанешь – на руках унесу до дому».

Николай очень любил театр и по возможности не пропускал ни одной постановки. Находили мы время и в кино побывать и на танцах.

Он часто ходил с книжками. Я спросила как-то его:

– Когда только ты успеваешь так много читать?

– В Кудымкаре, как за Полярным кругом, такие длинные ночи, – смеясь, ответил он мне, –

³ Н. И. Кузнецов по приезду в Кудымкар после апелляции в ЦК ВЛКСМ был восстановлен в рядах комсомола.

что многое можно перечитать!..»

В летнее время молодежь города собиралась под Красной Горкой выше города. Среди играющих в волейбол на площадке педагогического техникума можно было видеть и Николая Кузнецова.

Любимым местом отдыха была и небольшая возвышенность, покрытая лесом, недалеко от города, по названию Сылпан. Этот живописный уголок всегда привлекал к себе молодежь. Здесь по воскресным дням отдыхающие играли, танцевали, пели песни, загорали и купались в светлой Иньве.

О поразительной способности Николая быстро знакомиться с людьми тепло вспоминает А. С. Кылосов, ныне известный в Свердловске скрипичный мастер.

– Городок наш был небольшой, – рассказывает Андрей Семенович, – поэтому, когда Николай Кузнецов появился в Кудымкаре, его сразу заметили многие.

Встретившись с ним однажды на улице, я внимательно посмотрел на него. А Николай Иванович ко мне с шуткой:

– Папаху мою хотите купить? Понравилась?

– Папаха хорошая, – отвечаю, – единственная в городе, приметна белизной и курчавостью.

– Где работаете, – спрашивает Кузнецов, – встречаемся часто, а не знаем друг друга?

– Я из театра, скрипач Андрей Кылосов.

– О, Андрико!⁴ Будем друзьями. А я из Кочевского района, кочевской парень – коми-морт Микоу...⁵

Позже мы часто встречались с Кузнецовым в кино, в театре, летом в парке. Завидев меня, он обычно издали приветствовал: «О! Андриас, Андрико!»... И сразу же начинал разговор на коми-пермяцком языке – о молодой жизни, о знакомых парнях и девушках, о новых кинокартинах. Николай Иванович хорошо владел нашим языком. Бывало, он меня спросит: – Андрико, скажи, как правильно называется по-нашему (по-коми, значит!) – черемуха?

Пока я раздумываю, а он уже называет.

Наш язык довольно трудный, «ломаный», и некоторые слова часто произносятся неправильно, даже самими пермяками. А Николай Иванович всегда старался меня поправить в этом. Я до встречи с ним в Свердловске был уверен, что Николай Иванович действительно «кочевской парень» и довольно грамотный по тому времени (хотя село Кочevo было самым глухим районом нашего национального округа).

Мы как-то незаметно близко подружились и часто встречались с «Микоу». Он даже говорил мне не то в шутку, не то всерьез, что пишет стихи на коми языке.

Николай Иванович был хороший рассказчик, шутник, умел посмешишь собеседника. Не раз Кузнецов говорил мне: «Ничего, Андрико, не смотри, что мы в лаптях ходим, но мы не лыком шиты. О нас еще заговорят!» Тогда я принимал эти слова за шутку...

Много доброго о себе оставил он в моей памяти...»

Летом 1930 года Виктор приехал в гости к брату в Кудымкар, посмотреть, как он живет и работает. Не успели обменяться первыми впечатлениями, как Николай потащил брата на лесосеку. Виктор очень поразился, услышав, что Николай мимоходом бойко заговорил со встречным рабочим на коми-пермяцком языке.

По дороге, когда они уже шли в густом темно-зеленом бору, Николай остановился. Посмотрел на свинцово-дымчатые тучи, которыми был затянут небосвод, и начал декламировать торжественно, с большим душевным накалом:

– «Лес был старый, и так густо переплелись его ветви, что сквозь них не видно было неба, и лучи солнца едва могли пробить себе дорогу до болот сквозь густую листву...»

Голос Николая то понижался (тогда было слышно, как неумолчно шумит бор), то звенел

⁴ Андрико – Андрей, на языке коми.

⁵ Коми-морт Микоу – человек Николай.

от волнения. Тронув брата за плечо, Николай пошел, на ходу рассказывая о гордом и смелом Данко. Братья обогнули небольшую, поросшую мхом и кочками болотину, пробрались сквозь чащобу...

Через некоторое время Николай остановился и, вскинув голову к небу, потрясая поднятыми вверх руками, горячо продолжал рассказ:

– «Что сделаю я для людей?! – сильнее грома крикнул Данко... – Голос Ники звонким эхом плеснулся по лесу...»

Вечером братья побывали в кинотеатре.

– Ты послушай, – сказал дома Николай, – я буду читать стихи. Наша ячейка готовит концерт самодеятельности, и я хотел бы лишний раз прорепетировать.

Он вышел на середину комнаты и начал декламировать стихи Маяковского «О советском паспорте», которые тогда пользовались большой популярностью. Получалось это у него очень выразительно.

– Ты столько знаешь наизусть стихов, будто готовишься стать артистом? – недоуменно заметил Виктор.

Николай поправил на этажерке книги, подравнял корешки. Виктор бегло прочел их названия: Лермонтов и Пушкин, Горький, Некрасов и Маяковский...

– Надо понять простую истину, браток, – заметил Николай, – что хорошие стихи, хорошая проза так же воздействуют на человека, облагораживают его, как и добрая музыка. Я, например, сказал бы всем агитаторам: если не знаешь стихов, классической прозы, то не ходи к людям. Теперь грамотных у нас много, газету прочитать и без тебя сумеют... Важно проникновенное слово. У него короткий путь к сердцу человека.

Николай в Кудымкаре увлекся охотой, стрелковым спортом. Его часто видят в местном тире, в компании друзей, состязающихся в стрельбе на меткость. И он так натренировался, что поражал без промаха неподвижные и движущиеся мишени.

Но иногда дело доходило до баловства, до безрассудного риска. Однажды во время тренировочной стрельбы из малокалиберной винтовки решили посостязаться – кто попадет с расстояния в пятьдесят шагов в эмблему «лесников» – скрепленные дубовые веточки. Фуражку со значком повесили на кол изгороди.

– Кто у нас кудымкарский Вильгельм Телль? – шутили болельщики.

Попытал свои силы один, другой, третий... Безрезультатно! Кузнецов с первого выстрела поразил цель. Ребята окружили его, поздравляя с удачной стрельбой.

Неумная похвала всегда щекочет нервы. Раз «Вильгельм Телль», значит, он должен выстрелом сбить яблоко с головы сына! Нашелся смельчак, решивший выступить в роли сына Телля. Вместо яблока он положил на голову брусочек дерева в форме кубика. И на эту подставку надел фуражку. Все теперь зависело от стрелка. Кузнецов стоя поднял винтовку, взял цель на мушку, и лицо его окаменело. «Сын» же (он сидел на изгороди) побелел как полотно... Раздался выстрел. «Сын Телля» камнем свалился на землю.

Как оказалось, пуля ударилась в сучок кубика и рикошетом вскользь царапнула кожу на затылке «сына». Но ранка была пустяковой. Когда прошло оцепенение, добыли йода, ватку, выстригли волосы вокруг ранки, и профилактика была закончена. Потом Кузнецов долго не мог простить себе этой бесшабашной выходки. Шутка могла кончиться печально.

Но в жизни Николая был случай, который действительно едва не кончился трагически.

Активная деятельность комсомольца-агитатора во время коллективизации Коми-Пермяцкого округа вызвала глущую ярость со стороны врагов. Как-то в хорошо разыгранном «споре» один из парней начал утверждать: «Все мы антирелигиозники, безбожники при свете дня. А как только стемнеет – выйти на улицу боимся». Николай горячо возражал ему. Видя, что доводы не действуют, Кузнецов вспылал:

– Боятся одни трусы. А я ненавижу их.

– Если ты смелый – сходи глубокой ночью в старую баню, что на окраине города, недалеко от кладбища, – предложил ему спорщик.

Николай согласился. В час ночи он появился у бани. Заходя в предбанник, уловил за спиной подозрительный шорох.

«Кто-то на часах стоит?» – подумал Ника и, не оглядываясь, рванул на себя скобу двери и

карманным фонариком осветил внутренность бани. В углу, жмурясь от яркого света, стояли трое незнакомых парней с дубинками. Кузнецов выхватил наган и скомандовал: «Руки вверх! Выходить по одному».

Парни взмолились: «Мы хотели пошутить...» Николай отпустил их. Вернувшись домой, подробно вспоминая детали происшествия, он понял, что «шутка» могла ему стоить жизни. Именно в это время страну облетела весть о трагической смерти Павлика Морозова, погибшего под ножами кулаков.

«Спорщик» больше не показывался на глаза Кузнецову. Те, кто хотел ночью посчитаться с комсомольским агитатором, были ошеломлены, увидев Николая вооруженным. А получилось так. Кузнецов должен был поехать с налоговым агентом в район по сбору налогов. В райисполком уполномоченные возвращались с большими денежными суммами, им выдавали оружие... Конечно, кулацкие сынки не ожидали встретить комсомольца с наганом.

В 1932 году, будучи в отпуске в Свердловске, Николай сдает экзамены за первый курс заочного отделения индустриального института. В стены института его привело горячее желание стать инженером-конструктором. Тогда же он познакомился с условиями учебы на курсах немецкого языка... В начале 1933 года тяжело заболела наша мать. Но повидаться с нею в последние дни ее жизни и присутствовать на похоронах Николай не смог. Для поездки из Кудымкара в Свердловск тогда требовалось много времени. Ехать приходилось на лошадях, пароходом, поездом. А ранней весной пароходы еще не ходили.

Виктора в то время в Свердловске тоже не было. Он работал трактористом на лесозаготовках, и если бы случайно не приехал в Свердловск, то тоже не простился бы с матерью. Младший сын застал мать уже при смерти. В бреду она до последней минуты разговаривала с Никой и Витей... Умерла Анна Петровна 55 лет, в марте 1933 года, и семья осиротела.

Николай очень любил и жалел труженицу-мать. Он с горечью вспоминал о ее нелегкой доле, говорил сестре и брату, что она сгорела на работе, в бесконечных заботах о детях.

Стремясь быть ближе к родным, Николай летом тридцать четвертого года переезжает в Свердловск и поступает работать в трест «Свердлес» статистиком.

Прощай, Кудымкар!.. Здесь комсомолец Кузнецов начал свой трудовой путь по земле, здесь он познал лишения, походной жизни, научился беречь огонь коллективного костра, тепло человеческой дружбы.

«Говорите ли вы по-немецки?»

В декабре тридцать третьего года Николай в Свердловске встретился с Виктором. Как только выкроилось свободное время, братья пошли в кино. Неожиданно для себя они стали очевидцами потрясающего по своей силе пожара. Горел кузнечно-прессовый цех Уралмашзавода. Как потом выяснилось, это было делом рук вредителей. Страшный огонь за короткое время превратил в груды пепла и железа гордость завода, его «сердце» – КПЦ...

Лишь благодаря мужеству и самоотверженности двух бойцов военизированной пожарной охраны, перекрывших в пламени пожара трубы газопровода, завод был спасен от взрыва. Бойцы погибли. Николай близко к сердцу принял это событие. Завод понес огромный урон. То, что многие тысячи людей героическим трудом возводили в суровые морозы, летнюю жару и осеннюю слякоть, вредители уничтожили в одно мгновение. И Кузнецов с ненавистью говорил о подлой вылазке классового врага.

Благодаря умелым действиям чекистов Свердловска, при активной помощи коммунистов и беспартийных труженников, вредители были пойманы и предстали перед судом. Николаю хотелось присутствовать на процессе шайки предателей, наймитов иностранного капитала. Но попасть не удалось. Братья вместе с сотнями людей находились около здания кинотеатра, где намечалось проводить процесс. Но тут произошла другая диверсия.

Когда вредителей привезли на суд, неожиданно загорелось здание кинотеатра. Поднялась паника. Ее усиленно старались подогреть несколько типов, шнырявших в толпе. Сообщники диверсантов задумали спасти от возмездия подлых наймитов. Но поджигателям не удалось уйти

от расплаты. Более того, вместе с ними на скамью подсудимых сел кое-кто из вдохновителей диверсии. Николай заметил тогда у кинотеатра двух особо активных «сеятелей паники», пускавших провокационные слухи, и сообщил о них начальнику военной охраны, оцепившей место происшествия. Вредители были схвачены. Через несколько дней начальник милиции заводского района пригласил к себе Николая Кузнецова и выразил ему благодарность за активное содействие в поимке преступников.

С тех пор прошло много лет. Но, когда мы идем мимо кинотеатра «Темп», то вспоминаем о брате, о далеких тревожных днях... Кстати, после пожара рабочие и служащие Уралмаша в короткий срок на субботниках возвели новое здание кинотеатра. В память о скоростной стройке и, как девиз времени, они назвали театр емким, призывным словом «Темп».

...Вспоминая о своих встречах с Николаем Кузнецовым в Свердловске, мастер Уралмашзавода Алексей Викторович Конев рассказывает:

– Николай часто говорил мне: «Скоро я буду работать на знаменитом УЗТМ. Еще до защиты диплома в индустриальном институте я должен пройти на заводе хорошую практику».

Кузнецов с увлечением мечтал о том, как станет квалифицированным инженером, как будет участвовать в создании новых, совершенных отечественных машин и механизмов.

Кузнецов не раз заходил в гости к Коневу. Он умел интересно рассказывать, всегда у него в запасе были смешные и остроумные истории, забавные случаи и примеры. И не удивительно. Сам он умел слушать собеседника, пополняя запас своих знаний, по-прежнему оставался ненасытно любознательным.

«С Кузнецовым я познакомился у одного из своих земляков, – рассказывает старый рабочий Уралмаша Я. Д. Носов. – Как-то Николай Иванович вызвался проводить меня. Вышли на площадь имени Пятилетки, остановились. Сидели около часа. Николай Иванович расспрашивал меня, откуда я родом, где работаю. Узнав, что во время гражданской войны мне довелось быть на Дальнем Востоке и видеть войска интервентов, он сказал: «Я очень люблю беседовать с бывалыми людьми. Не удивляйтесь. Мне лишь двадцать три года, я еще почти ничего не видел и с удовольствием послушал бы рассказы о действиях дальневосточных партизан, о ваших путешествиях. Приходите ко мне в гости...»

Переезд в Свердловск дал Николаю возможность перейти с заочного отделения Уральского индустриального института на вечернее и одновременно поступить на курсы немецкого языка.

Огромное промышленное строительство (в Свердловске в те годы воздвигался не один гигант индустрии) захватило и увлекло Николая. Чтобы сочетать учебу в институте с практической работой, он оставляет прежнюю специальность лесоустроителя и поступает чертежником на Верх-Исетский металлургический завод, а весной 1935 года переходит на Уралмашзавод расцеховщиком конструкторского отдела. Николай Иванович следил за прохождением чертежей по цехам завода. Это давало ему возможность хорошо познакомиться с производственной работой гиганта советской индустрии.

Работая в конструкторском отделе, он с увлечением следил за новинками современного машиностроения, читал журналы, знакомился не только с советской технической литературой, но и зарубежной, особенно немецкой.

В отделе кадров Уралмашзавода в личном деле Н. И. Кузнецова с пометкой «Хранить вечно» лежит производственная характеристика: «Принятый на должность расцеховщика в БТК⁶ конструкторского отдела тов. Кузнецов Н. И., будучи на испытании с 5 мая по 5 июня 1935 года, проявил себя как хороший работник с первых дней. Усвоил за испытательный срок возложенные на него обязанности прекрасно. Работой интересуется, стремится к усовершенствованию. В целях создания бесперебойного снабжения цехов чертежами тов. Кузнецов работает не покладая рук и готов выйти на службу при первом его вызове. В общественной работе участвует».

На Уралмаше в те годы работали иностранные специалисты, приглашенные для установки и наладки оборудования, закупленного у германских фирм. Общась с ними, особенно с

⁶ БТК – бюро технического контроля.

немецким инженером коммунистом Затлером, Николай Иванович имел возможность совершенствоваться в знании немецкого языка.

Родных и многих сослуживцев Кузнецова удивляло то упорство, с которым он изучал иностранную речь, стараясь всюду, где только представлялась возможность, говорить по-немецки.

У старшего инженера-конструктора Уралмашзавода Н. И. Баранова хранится экземпляр книги «Говорите ли вы по-немецки?», которой повседневно пользовался Н. И. Кузнецов.

«Летом 1935 года, – вспоминает Н. И. Баранов, – Николай Иванович некоторое время жил у меня на квартире по улице Стахановцев, 10. Я удивлялся той настойчивости, с которой он отработывал разговорную речь на немецком языке. Встану утром рано, часов в пять, а его уже нет. Значит, сидит у дома в скверике, и штудирует словарь.

Раз из города мы возвращались в трамвае на заводской поселок. Кузнецов заметил на передней площадке немецких инженеров. Николай Иванович чуть ли не с ходу умело, дипломатично включился в их разговор. Но, вероятно, из-за неправильного построения фразы у него получилась двусмысленная фраза. Вижу: немцы от души смеются, а Кузнецов, нисколько не смущаясь, опять к ним: «А как правильно?» И снова повторяет.

Когда я в другой раз задал вопрос, зачем он столь глубоко изучает иностранный язык, для чего это ему нужно, он ответил: «Для современного культурного человека недостаточно знать только свою родную речь, только нравы и обычаи своего народа. Знать два мировых языка – прожить две жизни...»

Инженер А. А. Яровой в своих воспоминаниях пишет:

«Здоровый и жизнерадостный, начитанный молодой человек, Николай был интересным и приятным в обществе, хорошим собеседником. Он умел находить общие темы, интересно вел беседу. Кузнецов был всегда желанным в дамском обществе и пользовался успехом. Он быстро ориентировался в обстановке, был находчив в ответах, как говорится, в карман за словом не лез.

Изучению немецкого языка Николай Иванович уделял много внимания. Он доставал у немцев книги и основательно штудировал. От него я узнал о существовании нескольких наречий немецкого языка».

Летом, в хорошую погоду, сотрудники конструкторского отдела в воскресные дни выезжали на экскурсии в лес, на рудники.

«Постоянным участником и энтузиастом этих мероприятий был Николай Иванович, – пишет инженер Людмила Сергеевна Сатовская. – Он поражал всех своей образованностью и неутомимой энергией. Уже тогда Кузнецов хорошо владел немецким языком. Иногда, отличаясь эксцентричностью, он в разговоре неожиданно переходил на немецкую речь. Он был для нас милым товарищем, интересным человеком и загадкой...»

Об этом же говорит и инженер-конструктор Л. К. Грабовский: «Николай Иванович имел жизнерадостный, веселый характер, был хорошим собеседником, можно сказать, он обладал искусством вести беседу. Эта черта, мне кажется, очень помогла ему в его работе разведчика».

А вот, что пишет в своих воспоминаниях экономист отдела главного конструктора Уралмашзавода Вера Всеволодовна Ларионова:

«В 1935 году к нам в отдел пришел молодой человек, это был Кузнецов. Мне запомнилась его внешность: широкоплечий, высокого роста, блондин со светло-серыми глазами... Поражала его аккуратность. Кузнецов всегда приходил на работу в белоснежной накрахмаленной сорочке, тщательно выбрит.

В конструкторском отделе наши столы стояли рядом. Однажды вечером (это было поздней осенью) начальник бюро послал меня с Николаем Ивановичем в цеха исправлять техническую документацию. На заводской площадке нам пришлось переходить канаву, покрытую льдом. Не желая терять времени, мы решили идти напрямиком. Лед не выдержал. И тут Николай Иванович подхватил меня на руки и, проваливаясь по колено в студеною воду, вынес меня на сушу. Его элегантный костюм вымок, но он не обратил на это внимания.

Любимым писателем Николая Ивановича был Горький. Кузнецов часто говорил нам: «Девушки, любите Горького!» Наши модницы в ответ нет-нет и состряют: «А тебя?...» Он смеется: «Можно!».

По условиям работы нам часто приходилось задерживаться вечерами. Сидим, бывало,

иногда за полночь уставшие, и вдруг встанет Николай Иванович и начнет декламировать «Песню о Соколе». Усталость сразу пропадала».

Образ Николая Кузнецова ярко запечатлелся в памяти старшего техника-конструктора С. В. Инфантьевой. Она видела Николая Ивановича на работе, встречалась в театре, на концертах...

Однажды весенним вечером С. В. Инфантьева со своими знакомыми ехала в филармонию. На дворе стояла распутица. Весна на Урале нередко бывает с капризами. Растает снег, зазеленеет трава, распустится деревья. Весна! И вдруг... выпадет снег.

Так было и в тот далекий холодный вечер. С грохотом подошел трамвай к остановке «Площадь Пятилетки», и пассажиры, вытаскивая увязавшие в глине и снегу ноги, со смехом и шумом поспешили к вагонам.

– Вон ваш немец сидит, – шепнула Инфантьевой приятельница. – Пройдем быстрее к выходу, чтоб он не заметил, а то неудобно: залопочет по-немецки, красней тут перед всеми. И что это он! Хоть бы с нами-то говорил по-русски. Знает ведь, что мы ничего не понимаем.

У Николая была излюбленная манера одеваться под иностранца. На нем было серое полупальто с широким поясом, желтые краги, американские полуботинки. Шляпа слегка сдвинута на затылок. Из-под серого кашне в крупную зеленую клетку виднелись накрахмаленный необыкновенной белизны воротничок, красивый галстук, яркий свитер. Слегка улыбаясь, Николай глянул в сторону знакомых, блеснув очками в роговой оправе. В одном из боковых карманов его пальто виднелся немецкий журнал, в руках – газета.

Инфантьевой хотелось пройти по трамваю незамеченной. Но как только она поравнялась с ним, Николай вскочил с места и предложил:

– Садитесь, пожалуйста, – и повторил приглашение по-немецки.

Молодой женщине как-то неудобно было воспользоваться его любезностью. Она смутилась и готова была выйти из трамвая...

– Помню, – рассказывает С. В. Инфантьева, – той же весной мы спешили на вечерний концерт в филармонию. При входе в вестибюль нас заметил Николай. Он вежливо уступил дорогу и предупредительно распахнул дверь. Этим он привлек к себе внимание. В нем было много необычного, что отличало его от знакомых молодых людей.

Николай Иванович был человеком большой души и мягкого сердца, веселым, находчивым. Кто думал тогда, что Николаю Ивановичу суждено будет стать героем, гордостью нашей Родины!..

Летом тридцать четвертого года Кузнецов, прогуливаясь в Свердловске по Набережной Труда, встретил своего друга по Кудымкару А. С. Кылосова.

– О, Андриас-Андрико! – воскликнул он. – Гора с горой не сходится, а друзья летят навстречу друг другу! Привет горячий покорителю муз! Читал-читал заметку в газете о твоих успехах. Отличный скрипичный мастер! А что я говорил в Кудымкаре: «О нас еще услышат!»

В тот день они долго прогуливались по набережной, делясь своими мыслями и планами.

– Когда я часто стал видеть Николая Ивановича с немцами, – рассказывает А. С. Кылосов, – я говорил ему с упреком: «Зачем ты связываешься с иностранцами? Ты видишь: время беспокойное, нередко берут на «заметку» сомнительных людей. Надо тебе порвать эту дружбу». А он смеется в ответ и напоминает старое: «О нас еще заговорят и напишут! О тебе вот уже написали, может, и я заслужу такую честь». Потом серьезно: «Не волнуйся, Андрико! Я патриот, а к патриотам грязь не пристанет».

Мне особенно запечатлелась еще одна встреча. Я покупал в комиссионном костюме. Вдруг слышу рядом: «О, Андриас!..» Это был Николай Иванович. Узнав, что костюму требуются «поправки» с учетом моего роста, он предложил: «Бери, если по вкусу пришлась вещь. Моя соседка Майорова, швея первого класса, мигом прострочит, где нужно».

Пока хозяйка переделывала пиджак, Николай Иванович показывал мне иллюстрированные технические журналы на немецком языке, зачитывал подписи и тут же переводил их. Пояснял, какую роль играет эта техника в хозяйстве.

В одном из журналов Николай Иванович показал мне строй военных и среди них Гитлера:

– Вот человек, который метит в диктаторы всего мира. Это наиболее оголтелый цепной пес империализма. И видно, что Англия, Франция и США хотят натравить этого пса на нашу

страну. Разве не о том говорит их сговор в Мюнхене?... Я думаю, что Гитлер, если не укротить его аппетит, может натворить много бед. Надо быть готовым ко всему.

Не все понимали стремления Николая Ивановича в совершенстве овладеть немецким языком. Брат Виктор спрашивал:

– Ну, зачем тебе этот немецкий? Ты и меня уже начинаешь обучать, но я со своим образованием лучше русский буду глубже осваивать.

На это старший брат отвечал:

– Ты видишь, мы приглашаем иностранных специалистов. Мало у нас еще своих инженеров. Но придет время – и не мы будем учиться у немцев, американцев, а они у нас! А пока... немцы – высокотехническая нация. Мы учимся у них. Инженер должен знать, как разрабатывают ту или иную проблему за рубежом? Иначе будешь изобретать самовар! Как лучше черпать знания с помощью переводчиков или самому?

Многие знакомые порой сурово осуждали Николая за дружбу и встречи с иностранными специалистами.

Начальник конструкторского отдела Г. Н. Голосной, обеспокоенный тем, что Кузнецов проводит с «иноспециалистами» вечера, выходные дни, спрашивал его:

– Почему вы так часто встречаетесь со спецами? Они на удочку вас не зацепили? Смотрите, как бы плохо не кончилось!

– Не волнуйтесь, Георгий Никифорович, – отвечал Кузнецов. – Я ж не зря ношу голову на плечах. Я лишь практикуюсь. Положение с Германией у нас не весьма приятное. Может, придется воевать с фашистами. Знание немецкого языка пригодится. Я не стар и воевать мне придется.

«Ну, зачем тебе эти немцы?!» – волновались и недоумевали родные и близкие, а Николай со свойственным ему спокойствием отвечал:

– Придет время, и все это пригодится, когда нас позовет Родина.

А сестре Лидии и брату Виктору он не раз говорил:

– Вам за меня краснеть перед Родиной не придется!..

И в манере одеваться, – вспоминают многие сослуживцы, – Николай Иванович был большим оригиналом. Он мог одеться «под немца»: серый плащ с большим количеством деталей отделки из черной лакированной кожи, серая шляпа, брюки-бриджи или короткие брюки «на планку», ботинки и гетры.

Предыстория этой «моды» такова. О ней Николай Иванович рассказывал позже Виктору:

– Когда я впервые в обществе немцев и американцев попробовал заговорить на отвлеченные темы, они холодно приняли меня в своей компании. Как потом объяснил мне знакомый инженер Затлер, высокомерных иностранных спецов шокировал, в первую очередь, мой «славянский костюм», слишком провинциальный для изощренных в модах европейцев. И я решил доказать всем этим чванливым Мунгам, Миттам, Поста́м, Бухерам, что могу выучить и в совершенстве овладеть не только их родным языком, но и показать, что я лучше их знаю историю и культуру немецкого народа, знаю творения Шиллера и Гете, Лессинга и Гейне, а опишишь ходячие сухие формулы инженерного дела.

Так началось это состязание патриота с буржуазными предрассудками специалистов цивилизованного Запада. Не обращая внимания на критику «за дружбу» с иностранными специалистами, Кузнецов продолжал встречаться с ними. В это время он почти в совершенстве изучил манеру немецких инженеров одеваться, их психологию, привычки, вкусы, нравы. И те из иностранцев, кто не был знаком с Кузнецовым, узнав его, не хотели верить, что перед ними не немец, а обыкновенный русский парень.

Весной 1936 года перед отъездом в родную страну, немецкие инженеры пожелали на прощание еще раз взглянуть на достопримечательности края и попросили Николая Ивановича сопровождать их в качестве гида.

Отправились к знаменитому столбу на границе Европы и Азии. Осмотрев окрестности, специалисты устроили привал, который превратился в пикник. Засели прочно и надолго – с пивом, «шнапсом» и другими горячительными напитками. Когда все захмелели, один из инженеров (человек желчный и неприятный) подсел к Николаю Ивановичу и, перемежая немецкую речь фразами на русском языке, заговорил:

– И все же, герр Кузнецов, вернувшись на родину, я должен буду еще раз сказать дома общеизвестная истина: русские большевики есть большие мечтатели! Они думают сделай за один-другой десяток лет то, на что у цивилизованных наций ушло не одно столетие!.. Это есть фикция. Пуф-пуф... Это есть ошечь плехо: есть земные богатства – нет печей, чтобы варить сталь, есть машины – нет дорог. – И, показывая на столб границы частей света, ехидно заметил: – Там Азия, здесь Азия!.. Вы, лично, не думаль, к какой берег лючше прибивайт? Вы умный человек. Мы могли бы с большой обоюдной пользой сотрудничать...

Когда Кузнецов услышал сравнение своей родины с отсталой Азией, он едва сдержал готовый прорваться гнев. Но приглашение к «чужому берегу» вывело его из равновесия. «Ага, думаешь, клонет? А мы на гнилую приманку не идем!» Побледневший, голосом, прерывающимся от волнения, Николай Иванович сказал желчному типу:

– Вы, герр Мунг, забыли то, о чем немцам наказывал помнить железный канцлер Бисмарк: «Русские медленно запрягают, зато быстро ездят!» А Советский Союз научился и быстро запрягать и быстро ездить! Так что держись теперь ваша хваленая Европа!.. А насчет «берега» запомните: советские патриоты не продаются! Говорю я по-немецки, а мыслю чисто по-русски!..

...Благодаря настойчивости Николай Иванович так хорошо овладел немецким языком, что в 1936 году сумел защитить на нем диплом инженера. Экзаменационная комиссия индустриального института была поражена не столько обширными и прочными знаниями Кузнецова, сколько тем, что защита диплома проходила на безукоризненном немецком языке.

Николай вернулся с защиты домой в прекрасном настроении, и восторгам его не было конца.

Однако тут же сказал брату:

– Вот я уже инженер, но учиться все равно нужно еще очень много.

«Летом 1936 года, – вспоминает мастер Уралмашзавода А. В. Конев, – мы встретились с Николаем Ивановичем в сквере, напротив заводоуправления. Он протянул мне газету «За тяжелое машиностроение». Я быстро пробежал глазами отчеркнутую заметку. В ней говорилось о том, что Кузнецов защитил диплом инженера на немецком языке. Помнится, я спросил его: «Что, тебе не хватило своего, русского языка для объяснения?» Николай ответил: «Знание иностранного языка делает любого специалиста неизмеримо сильнее. Как говорят: ум хорошо, а два лучше...»

Уходят в дымку времени многие события, имена людей, их образы... Но память благодарного сердца хранит все светлое, чистое, что связано с именем дорогого, любимого человека. Мы думали об этом, когда ждали весточки от одного из друзей комсомольской юности нашего Коли. И вот к нам пришло, наконец, долгожданное письмо от Анны Ивановны Усовой-Ивановой.

«С тех пор, как мы познакомились с Николаем Ивановичем, – писала она, – прошло более 30 лет. Но я многое помню отчетливо до сих пор. Мы встретились с ним в самый расцвет нашей юности, когда жизнь была в полном цвету. Мне кажется, что годы нашей дружбы были самым счастливым периодом в нашей жизни. И сегодня, по прошествии многих лет, я с горячей признательностью вспоминаю имя Николая Ивановича. Дружба наша была хорошей, товарищеской. В моей памяти Николай Иванович остался необыкновенным человеком, обаятельным собеседником, отзывчивым товарищем, коллективистом.

Некоторые могут сказать: не много ли замечательного приписывается характеру и поведению, делам и устремлениям героя в предгрозовые годы? Но так могут думать люди, близко не знавшие Николая Ивановича Кузнецова. Он действительно был незаурядным человеком, имел большой кругозор, был очень начитан, знал несколько языков. Многого он достиг благодаря своей пунктуальности. Он, например, никогда не опаздывал и не любил, когда опаздывали другие. Но это не означает, что он жил по схеме...

Мне не раз приводилось видеть, как упорно, целеустремленно работает над собой Николай Иванович. Я в то время заканчивала финансово-экономический техникум, а Коля готовился к государственным экзаменам в Уральский индустриальный институт. Несмотря на занятость, он все же находил время и помогал мне в учебе. Осенью 1935 года я с помощью Николая Ивановича сдала зачеты в финансовый институт на заочное отделение.

Николай много времени отводил изучению немецкого языка. Он ставил себе целью заучивать в день по двести-триста слов и усидчиво сидел над словарем. Читал иностранные журналы, делал переводы. Бывало, что перевод не получался, он сердился, потом бросал все: «Надо проветриться!». Помню, зимой он выбегал в одной рубашке на улицу и «принимал холодную ванну» – натирал снегом виски, шею и голову и, раскрасневшийся, снова бодрый, садился за работу. Я и сегодня не перестаю поражаться, как много он хотел познать! Учился он успешно. Я не помню, чтобы в его зачетной книжке можно было увидеть другие оценки, кроме «хорошо» и «отлично».

У Николая Ивановича было много друзей, у меня тоже были школьные товарищи – земляки. Часто приходя ко мне на квартиру, Николай Иванович встречал знакомых: Мишу Наумова, который в то время учился в театральном училище, Ваню Чуркина, студента Свердловской консерватории. Энергии и веселья нам было не занимать. Мы пели, спорили о жизни, шутили, смеялись. Николай Иванович любил беседовать с Мишей об искусстве, театральной жизни, о новинках кино. Вместе мечтали о большом будущем. Николай Иванович и Миша декламировали. Я часто вспоминаю, с каким воодушевлением читал тогда Ника отрывки из Гете:

Лишь тот достоин жизни и свободы,
Кто каждый день идет за них на бой!
...Тогда сказал бы я: мгновенье!
Прекрасно ты, продлись, постой!
И не смело б веков теченье
Следа, оставленного мной!

Николай Иванович особенно любил читать стихи героического плана, проникнутые призывом к борьбе, к борьбе за счастье всего человечества. Зная на память много поэтических произведений, он, бывало, высказывал свой душевный непокой и переживания через стихи.

Он действительно любил жизнь. И общение в то время с Николаем Ивановичем давало мне много душевной радости. Он научил меня любить жизнь! Он помог мне выработать в себе силу воли. Стремилась жить! И это стремление помогло мне встать на ноги...»

Свидетельства, воспоминания, рассказы... Они дороги людям, потому что связаны с именем человека, который жил рядом с ними, трудился, а в лихую годину стал бессмертным героем. И как же дороги штрихи воспоминаний нам!.. За каждой черточкой, эпизодом из биографии Николая Ивановича мы видим родного человека, брата, его характер, его мечты и надежды.

Вот одно из таких воспоминаний. В нем дополняет рассказ Анны Ивановны отдельными штрихами Надежда Алексеевна Майорова, соседка по квартире (улица Уральских рабочих, 26), где Кузнецов прожил более года:

«Николай Иванович был человеком всесторонне развитым, веселым и привлекательным, – рассказывает она. – Было у него много друзей – юношей и девушек. Они часто навещали Николая Ивановича. Как сойдутся, так разгорается спор. А потом заведут патефон и слушают музыку. Было у Николая Ивановича много пластинок, среди них и немецкие. Вскоре и сам он выучился петь немецкие песни.

Иногда Кузнецов заходил к нам в комнату. Рассказывал о прочитанных книгах, читал особо полюбившиеся ему места о силе материнской любви из «Сказок об Италии» Горького и «Анны Карениной» Толстого.

Обстановка в его комнате была очень простая: железная кровать, письменный стол, два стула, книжная полка, патефон, зеркало. На стене висела большая политическая карта Советского Союза. Жил Николай Иванович скромно: не пил и не курил».

По рассказам соседей и сослуживцев Николай Иванович очень любил детей. Нередко угощал их конфетами и пряниками. Иногда, по приглашению своих маленьких друзей, «дядя Коля» вместе с ребятами шел на ледяную горку покататься на санках. Ребятишки рады, хохочут. А он, высокий, элегантно одетый, увлекая детвору за собой, катится на санках и заразительно смеется.

Николай Иванович во время работы на Уралмаше жил очень скромно, много читал, постоянно работал над собой. Об этом вспоминают и его сослуживцы.

Инженер Г. Н. Голосной, проживающий ныне в Николаеве, пишет: «Нам с женой часто приходилось бывать на квартире у Николая Ивановича. Условия его жизни, прямо можно сказать, были в то время спартанские. Комната содержалась в образцовом порядке, что могло служить примером не только для молодежи, но и для некоторых домохозяек. К своей работе в конструкторском отделе Кузнецов относился очень серьезно. Хотя, может, поначалу у него бывали некоторые «огрехи», но это объяснялось неопытностью молодого специалиста. Будучи дисциплинированным, он внимательно выслушивал замечания и советы, быстро устраняя недостатки».

Напряженная работа на заводе не мешала Николаю Ивановичу по-прежнему увлекаться спортом, в том числе и самым волнующим, – парашютным.

Не обходилось и без комичных случаев. Как-то ранним летним утром 1936 года Николай вбежал в квартиру брата с возгласом:

– Японский бог и подопечный сын микадо! (Таким было его излюбленное присловие.) – Неудачно прыгнул, браток! Во время приземления ветром протащило меня, тылом по земле проехался, за что-то зацепился и порвал брюки. Помогите, Витюша, зашить!..

В воздухе пахнет грозой...

В 1937–1938 годах Николай жил в Свердловске на улице Ленина. В его холостяцкой квартире было очень много книг. Они стояли в шкафу, на полках и на письменном столе. Это были учебники, словари, пособия по технике, политическая и художественная литература на русском и немецком языках. Художественную литературу он читал запоем.

Товарищ Николая Кузнецова по учебе в Талице Н. К. Прохоров как-то встретил его у Свердловского оперного театра. Поздоровались. После нескольких общих вопросов он спросил Николая Ивановича:

– Где работаешь?

– Корреспондентом Кудымкарской окружной газеты, – отвечает он смеясь.

– Не разыгрывай! – настаивал Прохоров.

– Теперь я инженер-металлург, – серьезно сказал тогда Кузнецов и тут же предложил пойти на спектакль – москвичи показывали «Ивана Сусанина».

Потом он зашел в будку телефона-автомата и начал звонить. Заговорил с кем-то по-немецки. Увидев в глазах товарища любопытство, он поднес к его уху телефонную трубку.

– Постой, постой!.. Она полька? Но как вы понимаете друг друга?! – удивился Прохоров.

– Моя знакомая – артистка, – пояснил Николай Иванович. – Она готовится сейчас к спектаклю. А поскольку на проводе телефона ее уборной стоит не один телефон, мы говорим... на разных языках, – рассмеялся Кузнецов. – Она на польском, я на немецком. Мы-то понимаем друг друга, но не всякий посторонний поймет нас... Практика, языковая практика, дорогой!..

Николай Иванович всегда поражал своих друзей тем, что очень быстро осваивал иностранную речь.

Незадолго до отъезда в столицу Коля поделился своими планами с родными: «Буду учиться дальше. Хочу попробовать свои силы в лингвистике...»

Весной тридцать восьмого года Николай Кузнецов переехал в Москву. Он писал родным, что работает военным инженером в авиационной промышленности, с восторгом описывал столицу, памятники русской старины и ее воинской славы. К сожалению, писем за этот период сохранилось мало. Чтобы как-то скрасить разлуку с родными, он почти в каждом письме присылал фотокарточки.

Приходили лаконичные, скупые весточки. По их содержанию чувствовалось, как напряженно и много работал в то время Николай. Однако в каждом письме звучала забота и привязанность к близким. Не забывал он и своих сослуживцев по Уралмашзаводу, находил время поблагодарить за «науку» и за внимание. Так, в одном из своих писем к инженеру Георгию Никифоровичу Голосному он писал, что работает в проектно бюро.

– Это письмо, – рассказывает Г. Н. Голосной, – было проникнуто воспоминаниями о

нашей совместной работе и теплой благодарностью ко мне и моей жене за то внимание, которое мы оказывали ему – я по службе, а жена – в несложных домашних хлопотах.

Федор Александрович Белоусов, работающий ныне в Москве, в своих воспоминаниях пишет:

«Ника, сколько я знал его, был и оставался милым товарищем. Привязанность друг к другу мы пронесли через долгие годы и огромные расстояния... Случайная встреча в Москве – редкость, о которой обычно говорят, как о чем-то необыкновенном. Но мы все же встретились. Было это в 1939 году. Я шел возле гостиницы «Москва» и вдруг слышу за спиной знакомый голос. А речь не русская. Оглядываюсь, Ника! Идет с двумя дамами и разговаривает по-немецки. Условились встретиться во второй половине дня. Тогда мы и увидели фон Риббентропа, министра иностранных дел фашистской Германии, приезжавшего в Москву для заключения пакта о ненападении.

Даже мы, простые советские люди, понимали, а подчас интуитивно чувствовали тогда, с какими коварными врагами вынуждено было наше правительство вести переговоры. Необходимо было выиграть время для укрепления обороноспособности Советского государства. Москвичи, видевшие министра-фашиста, настороженно-холодно встретили его. Николай Иванович дал мне краткую характеристику фашистского дипломата. Я помню, Кузнецов начал со слов: «Вот он один из двуногих зверей, представитель нового порядка в Европе, ярый поборник фашистской цивилизации фон Риббентроп...»

Летом сорокового года, идя по Арбату, Маргарита Степановна Лукоянова – жена товарища Николая по учебе в Талице, случайно встретила Кузнецова. Она тоже училась в Талицком лесотехникуме, но курсом позже. Эта неожиданная встреча была очень радостной, так как в техникуме они все были дружны. С тех пор прошло много лет, и встретить товарища по учебе в многолюдной Москве было очень приятно. Кузнецов прекрасно выглядел, был весел и по-прежнему задорен. Но долго поговорить им не пришлось, так как оба спешили по своим делам.

Спустя год, накануне Великой Отечественной войны, Николай Кузнецов зашел к Лукояновым. Леонид Дмитриевич был на работе. Дома находилась лишь Маргарита Степановна. Николай выглядел отлично. Он с интересом расспрашивал хозяйку о ее делах, вспоминал об учебе в техникуме, о старых товарищах. Николай Иванович рассказывал, что живет полноценной жизнью: посещает музеи, театры. Если к этому прибавить любимую работу, то скучать не приходится.

...В 1939–1940 годах Николаю приходилось часто бывать в командировках; из разных городов страны шли его письма родным.

Очередная командировка совпала с финскими событиями. Вместе со всем советским народом Николаи с тревогой следил за военными действиями, радовался успехам Советской Армии, особенно благополучному окончанию войны.

В мае 1940 года Виктор Кузнецов, призванный в Советскую Армию, по пути к месту службы сообщил телеграммой брату, что будет проездом в Москве.

Братья встретились после более чем двухгодичной разлуки. Николай Иванович повел Виктора на Красную площадь, в Мавзолей Ленина. Посещение Мавзолея произвело на младшего брата огромное впечатление, и Виктор начал говорить о чувствах, переполнивших его, когда он впервые увидел образ великого Ленина.

– Ну вот, и сходили на поклон к Владимиру Ильичу, – прервал свое раздумье Николай Иванович. – Я не первый раз посещаю Мавзолей. И всегда иду будто на исповедь. Я смотрю на Ленина и думаю: вот он, титан человеческого духа, создавший партию, которую народ назвал умом, честью и совестью нашей эпохи. Ленин перевернул мир... Смогу ли я прожить так, чтобы обо мне сказали: «Он был настоящим ленинцем!..»

Потом Николай заговорил об успехах Родины, о только что закончившейся войне с белофиннами, о грозных тучах, сгущающихся у границ Советского Союза. Николай радовался, что его брат коммунист.

– А я вот отстал от тебя. Но я еще заслужу доверие партии своей работой, и обязательно стану коммунистом!.. Это – моя самая высшая цель. Как замечательно сказал академик Губкин: «Горжусь, что принадлежу к Коммунистической партии и дорожу этим высоким званием. И

ценю его больше, чем знания, добытые в большом труде. Ценю больше самой жизни». Придет время – и я по праву повторю эти слова.

Братья обошли вокруг Кремля, Николай подробно рассказывал об истории национальной русской святыни, об истории старой Руси. Показывал Манеж, университет на Моховой, где учились Огарев и Герцен.

– Вот видишь, – заметил он, – среди нескольких миллионов москвичей мы с тобой вместе, брат с братом, и нам нельзя терять нашу связь...

Николай очень бегло и скупно рассказывал тогда о своей работе. Больше всего он говорил о том, какую иностранную литературу он читает, переводит на русский язык. Одет Николай был в военную форму авиационщика, которая очень шла ему и ловко сидела на его стройной фигуре. Виктор был тоже в военной форме (хотя и в солдатской), и старший брат заметил:

– Теперь, если враг нападет, мы оба можем стать активными защитниками Родины. На Западе особенно беспокойно. Немецкие фашисты проглотили Польшу и точат зубы на СССР. Они уже подчинили себе почти всю Европу. Конфликт, вызванный белофиннами, – это пробный шар в большой игре, задуманной гитлеровской кликой... А мои знания немецкого языка и Германии всегда могут пригодиться. Как говорят немцы: «С языком нигде не пропадешь!»

Вскоре после этой встречи Виктор, по семейным обстоятельствам, получив краткосрочный отпуск, выехал из своей части в Уфу. Он телеграфировал брату о проезде через Москву. Они встретились на перроне вокзала и условились о более продолжительном разговоре на обратном пути. Возвращаясь в часть, в начале августа Виктор пробыл в Москве почти целый день. Братья много беседовали о родных и близких. Тепло прощаясь на вокзале, Николай еще раз напутствовал брата: «Коммунист должен быть настоящим бойцом, никогда не забывай этого».

Время летело быстрокрылой птицей. Николай Иванович напряженно работал на заводе, готовился к экзаменам в институт иностранных языков, занимался переводами сложных технических текстов. Он шел к своей заветной цели. Он готовился стать ученым лингвистом.

Трубы тревогу поют!..

Наступило лето сорок первого года. 22 июня фашистская Германия, вероломно поправ свои обязательства, по-разбойничьи напала на советскую страну. Стремясь осуществить свой бредовый план завоевания мирового господства, Гитлер обрушил на Советский Союз удар невиданной силы: 190 вражеских дивизий двинулись через границы СССР. Фашистские полчища шли лавиной от Баренцева до Черного моря – миллионы солдат, сотни тысяч танков, орудий, минометов... Закрывая собой солнце, на мирные города и села Украины, Белоруссии, Прибалтики, России ринулись самолеты с черной паучьей свастикой...

На весь мир тогда прозвучала гневная, грозная русская песня, зовущая к сражениям с фашистской ордой:

Вставай, страна огромная!
Вставай на смертный бой!..

И вся страна – от мала до велика – поднялась на (борьбу против иноземных захватчиков.

Пламенный патриот Николай Иванович Кузнецов не мог оставаться в стороне от развернувшихся событий. Желая быть на передовой линии, в гуще сражений, он обратился к командованию Советской Армии с просьбой направить его на фронт или в тыл противника и с нетерпением ждал ответа.

В августе у станции метро «Дзержинская» Николай Иванович неожиданно встретил своего сослуживца по Уралмашу, инженера-конструктора Грабовского. Леонид Константинович рассказывал позднее:

– Это была случайная и незабываемая встреча. Я только что вернулся в Москву из-за границы, где находился в командировке. Кузнецов сразу же повел меня к себе на квартиру, живо интересовался всем, что я видел, побывав в Германии. Подробно расспрашивал меня об

этой стране и ее людях. А о себе, как всегда, говорил очень скупно:

– Ну, а я скоро отправлюсь на фронт, меня зачислили в десантные войска, – доверительно сказал мне Кузнецов.

По его возбужденному лицу и блестящим глазам нетрудно было заметить, что он с большим нетерпением ждал тех минут, когда сможет участвовать в борьбе с врагами.

Наша беседа продолжалась немногим более часа. Николай Иванович проводил меня до вокзала, и мы тепло распрощались.

В это время Виктор Кузнецов уже воевал с немецко-фашистскими захватчиками. В конце августа он получил от Николая письмо и посылочку. Письмо было проникнуто глубокой ненавистью к врагу, посягнувшему на нашу Родину, содержало боевое напутствие на ратные подвиги и сетования на то, что сам он еще не на фронте, а пока в Москве.

В эти дни одному из своих друзей Ф. А. Белоусову Николай Иванович писал:

«Милый Федя!

В этот грозный для нашей любимой Родины час я ре. шил тебе, моему лучшему другу юности, высказать наболевшие мысли.

Я еду послезавтра на фронт, назначен я на самый ответственный участок – в парашютно-десантные части. Будем выполнять очень ответственное задание нашего командования. Мало шансов на то, что я останусь жив в этой грозной борьбе с ненавистным Гитлером. Ты сам понимаешь, что десанты, высаживаются не для прогулки и не дома. Но если суждено умереть, то я до последнего дыхания буду громить этих гадов, посягнувших на святую нашу землю, политую потом и кровью нашего народа. Не бывать по-ихнему, – будем уничтожать их, как ядовитых гадов, беспощадно!

И если погибну я, то пусть память о нашей дружбе будет всегда с тобой, мой друг, тогда отомсти фашистским гадам за меня, если придется, не давай им пощады. Мой брат Виктор сражается уже на передовой линии, он был в армии в Барановичах, вестей нет, может, погиб, буду мстить и за него.

Я полон сознания, что наше дело правое, и мы уничтожим фашистского изверга...»

Переполненный гордостью, что скоро будет участвовать в боях с ненавистным врагом, усиленно готовясь на фронт, Николай делится своими патриотическими мыслями с родными, друзьями, со старыми школьными товарищами. Он писал семье Прохоровых:⁷

«Здравствуйте, Александра Васильевна, Рая, Миша, Веночка и Коля! Думаю, что вы не все вместе живете, как когда-то, но, не зная адресов, решил я написать вам всем, так как в моем представлении вы все те же, что были много лет назад... Много событий произошло с тех пор в моей жизни. Есть что вспомнить, есть о чем рассказать, но подробно поговорим, если увидимся уже после победы над обнаглевшим врагом, который пытается осквернить нашу священную землю. Но не бывать этому! Все бандиты армии Гитлера найдут бесславную смерть на нашей земле. В этом мы все твердо уверены и готовы для выполнения этого отдать свои жизни.

Последние три года я работал в авиационной промышленности. Много ездил и повидал интересного и в результате еще больше полюбил нашу великую Отчизну. Правда на нашей стороне, и мы победим!

Теперь я зачислен в парашютно-десантные части РККА и в ближайшие дни отправляюсь на выполнение специального задания нашего Верховного командования. Сейчас идет усиленная подготовка. Самочувствие прекрасное.

Больше писать о работе не буду, вы сами понимаете... Но могу заверить вас: горько пожалеют фашистские изверги о том, что пришли в нашу страну! Пощады давать не будем никому! Каждая кочка, каждый куст далеко в тылу у немцев будет

⁷ Это у них на квартире в Талице Николай Кузнецов жил в 1924–1926 годах, когда был еще школьником. Двое старших мальчиков – Михаил и Николай Прохоровы – были на 3–4 года старше Кузнецова, но с одним из них – Николаем, он учился два года в Талицкой семилетке, два года в лесном техникуме.

стрелять по ним, земля загорится под ними, не найдут они жизни и у себя в Германии, везде их поджидает лютая смерть...»

Зная, какое серьезное задание ожидает его впереди, Николай послал сыновний привет и весть о себе – родному городку Талице, чтобы земляки знали: Кузнецов сдержал клятву комсомольской юности, и Родина по достоинству доверяет ему, посылает молодого патриота на ответственное задание в тыл врага.

Примерно в это же время на участке фронта, где воевал брат Николая Виктор, создалась трудная обстановка. Войсковая часть, в которой служил В. Кузнецов, попала в окружение в Ярцевском районе, Смоленской области. Почти месяц Виктор с товарищами пробирался к своим войскам. Наконец в ночь с 6 на 7 ноября 1941 года группе бойцов удалось под Волоколамском вырваться, откуда всех их, вышедших из окружения, направили на переформирование в город Клязьму.

11 ноября Виктор оказался на Ржевском вокзале в Москве. Несмотря на ранний час, он не утерпел и позвонил на квартиру Николаю. Раздался знакомый голос: «Алло! Витя, братец! Ты ли это? Через десять минут я буду у тебя на вокзале!..»

Виктор вышел из здания вокзала и у входа стал с нетерпением ждать брата. Вот подкатило такси, Коля выскочил из него почти на ходу, и они бросились в объятия друг другу. Радости не было предела.

Договорившись с сопровождавшим группу командиром и получив разрешение отлучиться на два-три часа, Виктор поехал к брату. Жил Николай один. Он тут же начал его расспрашивать о положении на фронте. Николай заставил брата рассказать со всеми подробностями, как их часть попала в «котел», как выходили из окружения, вынес ли он свое оружие, сохранил ли партийный билет?

– Да, я вернулся с оружием и партбилетом, – ответил Виктор. – В пути к своим я прибинтовал билет на всякий случай к ноге... А вот ремень кожаный поясной не донес. Мы съели его во время голодовки в лесу, порезали и сварили в солдатском котелке. Пробирались-то тридцать четыре дня!..

– Покажи партбилет, – попросил Николай, – хочу верить... – Посмотрел, удовлетворенно заметил:

– Молодчина!.. Не посрамил звания коммуниста. Потом он подробно расспрашивал брата, как бойцы действовали в окружении, где и какие у них были бои с врагом, как ведет себя противник в захваченной местности, как удалось перейти линию фронта. Николай слушал с большим вниманием.

В заключение разговора с нескрываемым волнением заметил:

– Мне было бы легче узнать, что брат погиб, нежели услышать, что он сдался в плен. Я никогда не сделаю этого. Добровольный плен – это позорная смерть...

Беседуя с братом, Виктор показал ему трофейную безопасную бритву. Николай заинтересовался ею, прочитал фирменную марку, рассмотрел прибор и попросил себе на память. Виктор с радостью подарил брату эту бритву.

Провожая Виктора на Ярославский вокзал, Николай говорил ему, что советские войска скоро отбросят фашистов от Москвы:

– Этих наглых захватчиков, «завоевателей мира», ждет неминуемая гибель на нашей земле. Они еще узнают всю ярость мщения за пролитую кровь нашего народа, за страдания невинных детей, женщин и стариков...

Будь уверен, братец, враг будет разбит и победа будет за нами!

Проходя дальнейшую службу под Москвой, Виктор вплоть до июня 1942 года имел возможность довольно часто встречаться с братом. Николай не раз говорил ему при встречах, что он усиленно готовится и в скором времени непосредственно станет участвовать в борьбе с фашистами. «Беспощадная месть – это наш боевой лозунг!» – было самым глубоким его убеждением. О подробностях своей подготовки Николай Иванович не рассказывал вовсе или говорил очень сдержанно. Но при каждой новой встрече подчеркивал, что дело близится к концу, что до отправки в тыл противника остаются считанные дни.

Временное бездействие угнетало Николая Ивановича.

Еще в первые дни после нападения гитлеровских армий на нашу страну он подал рапорт на имя непосредственного начальника с просьбой использовать его в активной борьбе против германского фашизма на фронте или в тылу врага. Кузнецову ответили: «Намерение перебросить вас в тыл к немцам за линию фронта имеется. Ждите». Но шли недели, а Кузнецова не вызывали.

Тогда Николай Иванович снова пишет рапорт командованию. Волнующи строки рапорта. Они дышат сдержанной силой глубокой решимости, которую было переполнено сердце гражданина, патриота, бойца.

«...Я, как всякий советский человек, в момент, когда решается вопрос о существовании нашего государства и нас самих, – писал Кузнецов 3 июня 1942 года, – горю желанием принести пользу моей Родине. Бесконечное ожидание (почти год!) при сознании того, что я, безусловно, имею в себе силы и способность принести существенную пользу моей Родине, страшно угнетает меня. Как русский человек, я имею право требовать дать мне возможность принести пользу моему Отечеству в борьбе против злейшего врага. Дальнейшее пребывание в бездействии я считаю преступным перед моей совестью и родиной.

Прошу довести до сведения руководства этот рапорт...

Я вполне отдаю себе отчет в том, что очень вероятна возможность моей гибели при выполнении заданий разведки, но смело пойду в тыл врага, так как сознание правоты нашего дела вселяет в меня великую силу и уверенность в конечной победе. Это сознание даст мне силу выполнить мой долг перед Родиной до конца».

Во второй половине июня сорок второго года состоялась последняя встреча Виктора с братом. Она особенно запомнилась.

В этот день Николай был необычно радостным, возбужденным.

– На днях, – говорил он, – вылетаю по заданию командования в глубокий тыл противника. Наконец сбылось мое горячее желание...

Николай выглядел сильно похудевшим, но в его запавших глазах светилась воля и уверенность.

– Наша Родина в опасности, – говорил он, – мы должны бороться за ее независимость. Я буду защищать Отечество, не щадя своей жизни.

Николай предупредил брата, что, возможно, от него не будет писем до конца войны, а если и после ее окончания ничего не будет известно о нем, то придется справиться в управлении кадров (он назвал его адрес), где оставлено его завещание родным.

Братья тепло распрощались, обнялись и пожелали друг другу успехов в борьбе против фашистов до полной победы.

25 июня Виктор вновь неожиданно приехал в Москву. Он заскочил к брату, но, не застав его дома, оставил открытку о том, что его переводят в Козельск.

27 июня Николай писал брату:

«Получил оставленную тобой открытку о переводе в Козельск. Я все еще в Москве, но в ближайшие дни отправляюсь на фронт. Лечу на самолете. Витя, ты – мой любимый брат и боевой товарищ, поэтому я хочу быть с тобою откровенным перед отправкой на выполнение боевого задания. Война за освобождение нашей Родины от фашистской нечисти требует жертв. Неизбежно приходится пролить много своей крови, чтобы наша любимая Отчизна цвела и развивалась и чтоб наш народ жил свободно. Для победы над врагом наш народ не жалеет самого дорогого – своей жизни. Жертвы неизбежны. И я хочу откровенно сказать – тебе, что очень мало шансов за то, чтобы я вернулся живым. Почти сто процентов за то, что придется пойти на самопожертвование. И я совершенно спокойно и сознательно иду на это, так как глубоко сознаю, что отдаю жизнь за святое правое дело, за настоящее и цветущее будущее нашей Родины.

Мы уничтожим, фашизм, мы спасем Отечество. Нас вечно будет помнить Россия, счастливые дети будут петь о нас песни, и матери с благодарностью и благословением будут рассказывать детям о том, как в 1942 году мы отдали жизнь за счастье нашей горячо любимой Отчизны. Нас будут чтить и освобожденные народы Европы. Разве может остановить меня, русского человека, большевика,

страх перед смертью? Нет, никогда наша земля не будет под рабской кабалой фашистов. Не перевелись на Руси патриоты, на смерть пойдём, но уничтожим дракона!

Храни это письмо на память, если я погибну, и помни, что мстить – это наш лозунг, за пролитые моря крови невинных детей и стариков. Месть фашистским людоедам! Беспощадная месть. Чтоб в веках их потомки заказывали своим внукам не совать своей подлой морды в Россию. Здесь их ждет только смерть...

Перед самым отлетом я еще тебе черкну. Будь здоров, братец. Целую крепко.

Твой брат Николай».

И Николай сдержал свое слово. Вот его коротенькое письмо брату от 23 августа 1942 года: «Дорогой братец Витя! До свидания после победоносного окончания войны. Смерть немецким оккупантам! Будь здоров, счастлив, желаю успеха в борьбе против немцев. Если окажусь в Москве, то напишу до востр. Центр, почтаamt. Целую. Твой брат Николай».

К этому письму Николай приложил свою последнюю московскую фотографию.

...24 августа в квартире одного из домов на Петровке появился высокий статный молодой человек, в куртке десантника и немецких галифе, обшитых кожаными накладками. Его встретила красивая стройная блондинка.

– Ты! так долго не был! – мягко упрекнула она.

– Не обижайся, Ксана. Сегодня мы не принадлежим сами себе. Война... Я пришел проститься.

Он обнял молодую женщину, попытался притянуть ее к себе и поцеловать. Но испуг плеснулся в ее глазах, и блондинка отчужденно отстранилась.

– Ты снова не веришь мне?... – сказал он с обидой в голосе. – Снова подозреваешь?... Завтра меня уже не будет в Москве. Я улетаю.

Женщина настороженно продолжала наблюдать за ним.

Они холодно расстались.

Он сказал:

– Писать я не смогу тебе до конца войны. Если не вернусь – ты обо мне узнаешь или услышишь.

...То были последние часы Кузнецова в столице.

«Я тогда подумала, что Ника – немецкий шпион и собрался бежать из Москвы, – вспоминает Ксана, Ксения Васильевна Шал-на. – Познакомила меня с ним моя приятельница, художница. Увидев меня, он сказал: «Вы Марлен Дитрих, вы такая красивая... – и коротко представился: – Николай Кузнецов, если угодно – Иванович. Друзья звали меня Никой».

Со слов Николая и своей подруги я знала, что он работает инженером. Николай Иванович начал проявлять ко мне всяческое внимание. Но он мне – сама не знаю почему – не нравился. И вдруг я надолго заболела. Он был первый, кто не оставил меня. Коля подолгу просиживал у моей кровати. Острослов, юморист, он своими рассказами и шутками отвлекал меня от мрачных мыслей. Николай Иванович умел красиво выразить свое внимание. То фиалок через домработницу передаст, то незабудок пришлет...»

Так родилась большая и красивая любовь. Позже (это было уже во время войны) Ксана пришла на помощь Николаю Ивановичу, который длительное время болел, а с питанием в Москве было плохо. И Ксана, получавшая хороший паек, носила Николаю Ивановичу передачи в больницу. Как-то раз она несла ему куриный бульон. Началась бомбежка. И гее же Ксана доставила больному Кузнецову питание.

Уже в начале войны Николай Кузнецов мечтал о дне победы. «Мы в первый же день мира отпразднуем победу над фашизмом свадьбой, правда, Ксана?...» И Ксения вспоминала первую встречу, тот далекий вечер, когда она увидела Нику на катке – в элегантном спортивном костюме и финской шапочке...

А потом она побывала в его квартире. Ее поразило, что почти все книги в библиотеке Николая Ивановича – немецкие. Однажды на улице она случайно увидела его с двумя молодыми женщинами. Они шли и бойко говорили о чем-то по-немецки. И в душу Ксении

закрались сомнения: имя и фамилия у него русские, но как он говорит по-немецки, как выглядит! И она перестала доверять ему. Ей казалось: это немецкий шпион. Получалось так, что несколько раз, не замечая присутствия Ксаны, он разговаривал на немецком – по телефону, и с самим собой. А под Москвой шла война. Можно было подумать всякое...

Ксения не знала и не могла знать, что Кузнецов, готовя себя к новой роли, чтобы наверняка действовать в тылу врага, продолжал шлифовать разговорную немецкую речь.

...Николай Иванович сдержал свое обещание. Но оно не было радостным для Ксаны.

Вскоре после войны к ней зашел полковник Д. Н. Медведев и сказал:

– Николай Иванович Кузнецов просил меня передать вам...

Молодая женщина встrepенулась, речь шла о любимом человеке.

– Где он, что с ним?

– Николай Иванович не был немцем, – продолжал полковник осевшим от волнения голосом. – Кузнецов был русским человеком, советским патриотом...

Страстное желание Николая Ивановича Кузнецова сбылось 25 августа 1942 года. В тот день он вылетел в тыл противника и опустился на парашюте неподалеку от хутора Злуй, в Сарненских лесах, где действовал партизанский отряд полковника Медведева.

Полтора года над пропастью...

Я Пауль Зиберт

«Многое сказано о жизни Николая Ивановича Кузнецова, многое еще будет рассказано про его недолгую, но содержательную жизнь, похожую на неиссякаемый родник, из которого можно черпать бесконечно, а родник будет продолжать жить, радовать людей и природу». Так пишет нам бывший командир роты разведчиков партизанского отряда Н. А. Саргсян.

О замечательных подвигах Николая Кузнецова живо и ярко рассказано в книгах командира отряда полковника Д. Н. Медведева «Это было под Ровно» и «Сильные духом», в повестях боевого сподвижника разведчика Николая Струтинского, партизанского врача А. Цессарского. Легендарный народный мститель стал главным героем в пьесе «Сильные духом». Об отважном патриоте ныне создается опера, снимается кинофильм. Кстати заметим, похищение генерала Ильгена было положено в основу кинокартины «Подвиг разведчика».

Но хочется еще и еще раз поведать о бесстрашной боевой деятельности Николая Кузнецова в самом логове фашистского зверя – в городе Ровно, в Луцке и Здолбуновом, Львове, о непримиримой борьбе партизана с гитлеровскими захватчиками, ибо, как правильно подчеркнул в своем письме бывший партизан поляк Юзеф Курьята, «сказанное о деятельности разведчика Николая Кузнецова не исчерпывает величия дел, совершенных им».

Вот летопись ратных подвигов славного сына русского народа. Она составлена по воспоминаниям командования партизанского отряда и боевых соратников Николая Ивановича Кузнецова и документам архивов. И все же мы хотим оговориться, что даем далеко не полный перечень действий разведчика.

– Николай Иванович Кузнецов работал в тылу фашистов умно и хитро, – рассказывает бывший комиссар отдельного отряда медведевцев – партизан Владимир Ступин. – Когда мы встречались с Кузнецовым в отряде, это был интеллигентный, высокообразованный, обаятельнейшей души человек... Он обладал неоценимым для разведчика даром перевоплощения. И все же он ходил по краю пропасти: один неосторожный шаг и – верная гибель. Николай Кузнецов имел дело с коварной немецкой разведкой...

В отряд Николай Кузнецов прибыл с последней группой десантников. Это было в одну из августовских ночей. При посадке Кузнецов угодил в болото. Выбрался мокрый, но со счастливой улыбкой на лице. Подошел к костру, где стоял командир отряда Д. Н. Медведев и доложил: «Наконец-то, явился в ваше распоряжение!»

– Вот, доктор, – обратился полковник Медведев к молодому партизану с живыми

мечтательными глазами, – вы хвастались, когда просились в отряд, что хорошо изучили в школе немецкий язык. Ну-ка, поговорите с товарищем.

Доктор (это был Альберт Цессарский), вспоминая этот эпизод, рассказывает: «Поговорить по-немецки я не смог, потому что плохо владел этим языком. Кое-как соорудил какую-то корявую фразу. А прибывший новый партизан уложил меня, что называется, на обе лопатки. Заговорил он на великолепном немецком языке».

На другой день в палатке штаба отряда на совещании, где присутствовали С. Т. Стехов, М. А. Фортус, Л. А. Лукин, Н. М. Брежнев, командир отряда Д. Н. Медведев представил нового разведчика и сказал, что прибывший к ним товарищ Грачев⁸ будет выполнять специальное задание. Обращаясь к командиру роты разведчиков, Н. А. Саргсяну, он добавил: «Грачев числится в разведке, но жить будет в штабе».

Николай Иванович очень быстро освоился в отряде.

Однажды, это было во второй половине сентября, Саргсяна вызвал к себе Д. Н. Медведев и приказал выделить десять разведчиков.

– Группу будет возглавлять Грачев, – сказал командир отряда.

Минут через двадцать к Саргсяну в палатку зашел Кузнецов. Он был возбужден и попросил рассказать о людях, которые должны были пойти с ним. Командир начал перечислять: Семенов, Шевчук, Струтинский, Ступин, Киселев...

– Отличные парни, огневые хлопцы. Что бы ни случилось – не подведут.

Николай Иванович поблагодарил командира и сказал:

– Для меня это будет первое боевое крещение, испытание нервов. Пожелайте мне ни пуха ни пера!

Группа во главе с Грачевым-Кузнецовым ушла на серьезное и опасное задание. Через десять дней в лесу, недалеко от села Балашовки, Н. Саргсян и И. Сидоров встретились с группой Николая Ивановича. Кузнецов обнял товарищей и радостно проговорил:

– Можете поздравить. Все в порядке. Во встречном бою уничтожили одиннадцать фрицев. А остальные еле ноги унесли!

Так начались героические действия легендарного героя в тылу врага.

...Николай Кузнецов усиленно готовился к выходу в город под видом немецкого офицера. Готовился тщательно, неустанно. Опыта разведывательной работы; него еще не было. Но он прекрасно понимал, с чем ему предстоит встретиться. Партизаны не раз видели, как на привалах, используя свободные минуты, Николай Иванович учился стрелять из пистолета навскидку. Выхватит оружие из кармана, взмахнет, спрячет, взмахнет, спрячет...

Он знал, что в городе, когда придется пускать в дело пистолет, целиться будет некогда.

Как-то комиссар отряда С. Т. Стехов заметил, что Николай Иванович разговаривает во сне.

– Плохая привычка у вас, – полушутя заметил комиссар. – Она может здорово подвести...

Разговор во сне для разведчика, действующего в роли немецкого офицера, – это неминуемая гибель: немец не может разговаривать во сне на отличном русском языке.

И Кузнецов начинает «тренироваться». Он приказал дневальным будить во время сна через каждые пятнадцать минут. И добился, что умел при желании не засыпать глубоко. Он заставлял себя даже в партизанском отряде думать по-немецки. В этой тренировке, как казалось товарищам, Николай Иванович переходил границу возможного для организма человека. Обладая волевым, железным характером, Кузнецов умел подчинять главной цели каждое движение, каждый свой шаг.

Уже в первые дни после своего приземления Николай участвует в разведке на автостраде Киев – Ровно.

⁸ «Грачев» – псевдоним Н. И. Кузнецова. В связи с особо важной ролью, которую приходилось выполнять разведчику, в отряде его пришлось засекретить. Отряд Д. Н. Медведева постоянно рос, пополнялся за счет прибывших патриотов из числа окруженцев, военнопленных, бежавших из немецких лагерей и местного населения. Чтобы обезопасить Н. И. Кузнецова в случае проникновения в отряд провокатора, ведущему разведчику присвоили новое имя.

Находясь в засаде, партизаны-разведчики стали очевидцами страшной картины. Гитлеровцы гнали военнопленных красноармейцев. Длинная колонна измученных, голодных, полуживых опухших людей, едва волочивших ноги, медленно входила в село Белая Криница. По дороге ослабевшие, больные и раненые падали. Конвоиры пристреливали их, били прикладами, науськивали овчарок, и те рвали людей...

Гнев и ненависть переполняли в этот момент сердца партизан. Они готовы были ринуться на оккупантов, чтобы освободить своих братьев, попавших в руки озверелых врагов. Но задание командования не разрешало обнаруживать себя. Разведгруппа имела свою задачу.

– Вот они, «сверхчеловеки!» – с презрением говорил Кузнецов, наблюдая расправу с военнопленными. – Кто же из них собаки? Псы или немцы-конвоиры? Неужели кто-нибудь из нас забудет эту картину? – спрашивал он находившихся поблизости в засаде товарищей. – Мстить, мстить и мстить! Клянусь: за каждого советского воина я уничтожу десятки фашистов!

...Отряд, которым командовал опытный чекист полковник Медведев, первое время не обнаруживал себя. Летели под откос эшелоны противника, горели подбитые на дорогах машины... Но все это происходило вдали от тех мест, где размещались партизаны. Особый отряд Медведева сосредоточил все свое внимание и силы на разведке. Немцы обосновали в городе Ровно столицу оккупированной Украины. Здесь размещался рейхскомиссариат во главе с заместителем Гитлера, гауляйтером Восточной Пруссии Эрихом Кохом, здесь находились гестаповский центр, штаб фельджандармерии, штаб особых (карательных) войск на Украине, управление армейского тыла во главе с генералом Китцингером, канцелярия верховного судьи на Украине генерала Альфреда Функе, дирекция фирмы «Пакетаукцион», возглавлявшаяся заместителем рейхскомиссара Украины по общим вопросам генералом Кнудом, и многие другие учреждения фашистов. Город кишел гитлеровцами. Здесь, в стане врага, Николаю Кузнецову предстояло вести разведывательную работу.

Десятого сентября 1942 года произошло событие, заставившее отряд менять место базирования. В этот день из Москвы сюда прибыл самолет. На нем в отряд доставили оружие, медикаменты. Обратным рейсом самолет должен был забрать раненых. Но во время посадки густой туман так плотно закрывал площадку с выложенными на ней условными знаками, что самолет приземлился за пределами «аэродрома» и скапотировал. Экипаж и пассажиры почти не пострадали, но самолет пришлось сжечь, чтобы он не достался врагу. Пожар, взрыв самолета, останки боевой машины привлекли внимание карателей и их прихвостней – украинских буржуазных националистов. Отряду надо было спешно, по возможности скрытно, избегая боев, уйти на новое место.

Командование решило двигаться не только ночью, но и днем. Однако разведчики донесли, что по пути следования отряда села заняты предателями «бульбовцами».⁹

Тогда Кузнецов предложил остроумный выход. Переодевшись в форму немецкого офицера, он взял с собой «переводчицу» и первым въехал днем в село, лежавшее на пути движения отряда.

– Я – новый районный комендант! – представился Кузнецов. – Кто у вас староста? Где руководители местной организации ОУН?¹⁰

– Чем вы здесь занимаетесь?! Германское командование не потерпит вашу бездеятельность! С теми, кто плохо помогает нам, мы разговариваем силой оружия!.. Я разберусь с вами, ленивые свиньи. Буду с отрядом через час.

«Переводчица» не успевала пересказывать, о чем говорил «новый комендант». Он так был взбешен, так распекал старосту! Немецкий офицер навел страх. Националисты понимали, как скоры гитлеровцы на руку «разговаривать силой оружия». И сочли благоразумным переждать «грозу». Весть о коменданте, объезжающем свой район, далеко разнеслась по округе. С несколькими партизанами, которые выступали в роли полицаев, он заходил в немецкие имения

⁹ Бульбовцами называли себя буржуазные украинские националисты, отряды которых возглавлял выученик немецко-фашистской разведки бандит Боровец, присвоивший себе громкое имя «Тарас Бульба».

¹⁰ ОУН – организация украинских националистов.

и брал для отряда продукты. Это облегчало и ускоряло продвижение отряда. Партизаны благополучно прошли со своим обозом к новому месту назначения. Националисты не чинили им никаких препятствий.

Стоял светлый осенний день. И на душе партизан было светло и радостно. Большой переход завершен без потерь, сбережены силы для сражения с фашистскими захватчиками.

...Говорят, ум хорошо, два лучше. Партизаны не раз вспоминали эту простую истину. Как много может сделать коллектив, объединенный единством цели и стремлений! В большой партизанской семье находились мастера на все руки: подрывники и следопыты, шоферы и артиллеристы... Нужно было – и испанец Ривас стал ремонтировать оружие. Нужно было – и в отряде на «самодеятельных» началах открылась «походная канцелярия». Жизнь открывала у партизан неожиданные таланты. И их ставили на службу великому делу борьбы за свободу.

Когда в отряд среди многих патриотов влилась семья Струтинских, полковник Медведев заметил, что старший из братьев Николай вырезает перочинным ножом для маленького брата прекрасные фигурки-игрушки. «А не попробовать ли нам делать документы, подумал командир, – пусть парень попытается!»

Коле Струтинскому принесли оттиск немецкой печати, резиновый каблук солдатского сапога и сказали: «Вырежь печать, образцовую!» Много подметок ушло на это дело. Среди партизан уже начали ходить шутки: «Скоро наш гравер и до сапог штабных работников доберется!» Но Струтинский выполнил задание.

Вскоре разведчики добыли немецкую пишущую машинку. На ней «по совместительству» работал врач Цессарский. Иногда у штабной палатки можно было наблюдать такую картину: у пенька, на котором стоит пишущая машинка, неторопливо отыскивая буквы немецкого алфавита, Цессарский двумя пальцами медленно выстукивает текст очередной «липы» – документа на немецком языке. Если за спиной печатающего стоит Николай Кузнецов и проверяет написанное, значит, готовится важное удостоверение. Как только оно готово, Струтинский прикладывает к «бумаге» печать, начальник разведки А.А.Лукин ставит витиеватую роспись за какого-нибудь деятеля жандармского пункта, и документ начинает партизанскую службу.

Так было изготовлено и первое командировочное удостоверение Николая Кузнецова. Оно гласило: «Обер-лейтенант Пауль Зиберт командирован с Курского участка фронта по делам снабжения воинской части...»

...25 октября 1942 года на отлакированной легкой бричке, запряженной парой чудесных серых «в яблоко» лошадей в Ровно прикатил молодой щеголеватый немецкий офицер интендантской службы. Разведчик партизанского отряда прибыл с визитом в логово врага. Это был первый «экзамен» Кузнецова.

Как много нужно знать разведчику!.. Ты в совершенстве владеешь немецким языком. А правильно ли заполнено у тебя командировочное удостоверение? Не на русский ли манер? Немцы пунктуальны во всем. Если патруль вздумает проверить документы командированного и заметит в удостоверении расхождение с традиционным языком немецкой канцелярии, начнется детальная проверка личности задержанного, а это грозит провалом...

Навстречу Кузнецову идут два офицера. Кузнецов-Пауль Зиберт четким заученным движением выбрасывает руку в фашистском приветствии «Хайль Гитлер!..» Ответив, офицеры следуют мимо. Значит, все в порядке. Пауль Зиберт останавливается у театральной тумбы, читает объявления, а сам краем глаза следит за проходящим по дороге отделением солдат. Чьи это?... У сержанта красивые витые погоны, замысловатые петлицы. Румыны или итальянцы? А, венгерские фашисты!..

Пауль Зиберт читает объявления. На афише готическим шрифтом написано: «Только для немцев!» Рядом – «Только для военнослужащих вермахта!» И приказы рейхскомиссариата, фельджандармерии со страшной лаконичной концовкой: «...расстрел!»... Нельзя укрывать евреев, коммунистов, командиров Красной Армии, – вопят набранные броским шрифтом приказы военных властей. Германская нация принесла на Украину новый порядок...

В центре города у кинотеатра Кузнецов увидел большой щит с картой Европы. Оккупанты ежедневно отмечали на ней продвижение своих армии. Черные стрелы шли от Берлина к Донбассу, Северному Кавказу касались своим острием Волги, многих городов центральных

областей. В кружки, обозначавшие захваченные города, были вколоты флажки со свастикой.

На какое-то мгновение ему показалось, что карта – это не карта, а степи Украины, леса Белоруссии, они, как живые, колышутся, разрезанные черными клиньями. «Сколько пепелищ! Сколько разрушенных городов и сел, сколько пролито крови и слез!» – с болью подумал разведчик, и будто невидимая рука сжала его сердце...

«Я – Пауль Зиберт! Зиберт!» – мысленно не раз повторил Кузнецов, чтобы справиться с нахлынувшим волнением. Перевел взгляд на театральную тумбу и на него с плаката глянуло заговорщицкое лицо женщины, с пальцем, приложенным к губам. Прочел предостерегающую надпись. «Тс-с! Подслушивает враг!»

С независимым видом разведчик двинулся навстречу патрулю. Зоркий глаз Пауля Зиберта примечал все до мельчайших подробностей. У солдат металлические бляхи с надписью «фельджандармерия». На перекрестке, словно черные вороны, застыли на посту гестаповцы. Простых людей в центре не видно. Угожливо, заискивающе кланяются встречным офицерам какие-то приглаженные типы с брелоками и цепочками, выпущенными на грудь.

«Медленно, уверенно, с несколько вызывающим и высокомерным видом прирожденного аристократа, Кузнецов прогуливался по улицам Ровно, пренебрежительно заглядывая в витрины магазинов, – вспоминал позже Владимир Степанович Струтинский. – А на самом деле партизан-разведчик изучал все вывески и таблички на дверях официальных учреждений гитлеровцев».

За несколько часов, проведенных в городе, Николай тщательно проверил ранее имевшиеся в отряде разведанные о размещении гитлеровских учреждений в Ровно и получил много новых ценных сведений.

Экзамен разведчик выдержал с честью.

Первого ноября 1942 года Николай Кузнецов вернулся в отряд после недельного пребывания в Ровно и сообщил, что в городе Березно усиливается гарнизон немцев, ранее насчитывавший 60 человек. В селе Ленчин появилась новая группа карателей. Подразделения обоих гарнизонов разъезжали по окрестным селам и допытывались у местного населения, где партизаны; хотели арестовать старост, но те попрятались, и гитлеровцы уехали ни с чем. Через два дня Кузнецов привез в лагерь шпиона, который оповещал гитлеровцев о партизанских кострах и «аэродромах» для приемки грузов.

В начале ноября от Кузнецова прибыл гонец и принес весьма ценные для партизан разведывательные данные: в Сарны прибыла дивизия СС с десятью танками. Ей поручено разгромить и уничтожить все партизанские отряды, действующие в Сарненских лесах.

В середине ноября Николай Кузнецов уже подобрал в Ровно несколько квартир с удобными входами и выходами. Молодой офицер, прибывший по ранению с театра военных действий на Восточном фронте, Пауль Зиберт легко заводил знакомства с немецкими офицерами в казино и ресторанах.

От разведгруппы, действовавшей в городе, потекла в отряд многообразная информация о действиях, планах и замыслах противника. «Глаза и уши» партизанской разведки теперь держали в поле зрения и передвижение воинских эшелонов, железнодорожных составов с боевой техникой, следующих на Восточный фронт, и деятельность многих учреждений, осевших в Ровно.

Стоило только службе безопасности выслать в село Михалин поисковую группу на трех грузовиках с пеленгаторами для обнаружения радиостанции партизан, как это стало известно командованию отряда. О действиях гитлеровской разведки предупредил Кузнецов. С гордостью за местных патриотов Николай Кузнецов доносил, что молодой поляк комсомолец Юзеф Курьята с честью выполнил первое задание партизанского командования, взорвав гранатой помещение, в котором находилось несколько гитлеровцев. Подобную же акцию пламенный патриот вызвался совершить и в Ракитно.

Однажды, вернувшись в отряд на кратковременный отдых, Кузнецов с душевной болью за народ и поруганную землю начал рассказывать командованию отряда о зверствах и бесчинствах, которые оккупанты творят на Украине. Тогда он и обратился к командиру отряда Медведеву с горячей просьбой:

– Товарищ командир, вы помните, как партизаны Чехословакии рассчитались с

гитлеровским палачом?

– Вы имеете в виду уничтожение ими Гейдриха – фашистского наместника Гитлера в Чехии и Моравии?

– Да, – ответил Кузнецов. – Я тоже прошу у командования разрешения на акт народной мести. Палач польского и украинского народа Эрих Кох, обогривший свои руки кровью миллионов невинных жертв, должен быть казнен. Пусть знают фашистские захватчики, что хозяева на украинской земле – советские люди!..

Но следует ли советским партизанам применять террор как метод борьбы с врагом? По этому вопросу у командования отряда не было единого мнения. Пришлось проконсультироваться с Москвой.

Вскоре из Москвы пришел ответ. И Кузнецов начал готовить акт возмездия. Он методически искал подступы к Эриху Коху. Задача оказалась сложной. Кровавый гауляйтер боялся народной мести и ездил в бронированном автомобиле с пуленепробиваемыми стеклами. Моторы в его автомобиле размещены в задней части машины – под сиденьем, бензобаки защищены броней. Машина рейхскомиссара не имела флажка. Ее отличительный знак – острый шпиль. Расстрелять Коха, когда он проезжает по городу (последнее случается весьма редко), невозможно. Маршрут, где ожидается проезд гауляйтера, усиленно охраняется, по улицам шныряют тайные агенты службы безопасности, стоит оцепление из эсэсовцев. Достаточно на тротуаре появиться гражданскому или военному человеку с портфелем, как его немедленно подвергают проверке и удаляют с улицы. Машина Коха проносится по городу с бешеной скоростью. В таком случае не поможет и граната.

Остается еще одна возможность: подкараулить литерный поезд, на котором Кох со своей свитой следует из Кенигсберга в Ровно, и взорвать его. Или совершить нападение на кортеж машин, следующий по автостраде, если гауляйтер отправится на высокое совещание в Киев или вдруг решится осмотреть свои «владения».

Но и этому плану не суждено было сбыться. Через своих знакомых в гестапо Николай Кузнецов узнал очередную неутешительную новость. На дальние расстояния Кох пользуется только транспортным бронированным самолетом «Фокке – Вульф-200», его прикрывают истребители. С осени сорок второго года Гитлер приказал высшим деятелям нацистской партии и вермахта не ездить по железной дороге из-за... «аварий».

Однажды, обедая в ресторане «Дойче гофф», Пауль Зиберт обратил внимание на обер-ефрейтора, который с независимым видом вошел в ресторан для офицеров... с собакой! Чем объяснить такую привилегию?

– Обер-ефрейтор – собаковод гауляйтера Эриха Коха! – пояснил Кузнецову сосед по столу, офицер рейхскомиссариата.

В следующий раз появившись в ресторане, обер-лейтенант Зиберт пригласил в свою компанию собаководов. Ликер, заказанный щедрым фронтовым офицером Зибертом, ускорил знакомство. Зиберт очень трогательно говорил о своей любви к овчаркам, чем сразу расположил дрессировщика.

– Я хотел бы увезти в подарок отцу хорошего пса, – высказал обер-лейтенант свое заветное желание. – Вы не можете мне в этом?

Обер-ефрейтор, между тем, жаловался на свою судьбу. Дрессировка собак – искусство. Но гауляйтер платит мало...

– После войны я обязательно заведу в своем родовом имени Шлобиттен породистых овчарок. Ваш опыт мне очень пригодится, – рассыпал обер-лейтенант комплименты своему собеседнику. – Так вы можете мне? Мне нужен умный пес, который бы хорошо слушал своего хозяина.

– Он будет у вас, – с готовностью откликнулся обер-ефрейтор.

– Я в долгу не останусь. Вот мой аванс. – И офицер небрежно бросил дрессировщику новенькие купюры...

Щедрость офицера растрогала обер-ефрейтора.

Так состоялось знакомство разведчика Кузнецова с личным собаководом гауляйтера Эриха Коха – Шмидтом.

Опасность заглядывает в глаза

Партизанский отряд Медведева находился от Ровно почти в ста километрах, и Кузнецову было трудно поддерживать с ним связь. Случалось, разведчику требовалось срочно передать командованию донесение чрезвычайной важности, а гонец, ушедший в отряд, все еще находился в пути. Кроме того, курьеры не раз подвергались нападению немецкой полиции и националистов, что создавало опасность провала группы разведчиков, действовавшей в Ровно. Тогда по совету Медведева решили использовать более оперативный способ связи.

Командир отряда направил в город радистку Валю Асмолову, «Казачку», как ее любовно звали партизаны. Для радистки нашли соответствующее снаряжение. Рацию с питанием, гранаты и автоматы погрузили на бричку, прикрыли охапкой пахучего сена, роскошным ковром. Николай Иванович взял Асмолову под руку и важно прошествовал с «фрейлен» к пролетке. Появись они таким образом на улице в Ровно, никто не обратит на них внимания. Обычная картина: немецкий офицер прогуливается с красивой дамой.

Николай Приходько, молодой широкоплечий красавец-парень, сел на козлы в роли кучера, залихватски гикнул – и резвые кони с места стремительной рысью понесли бричку.

Когда партизаны находились уже на окраине города и колеса брички застучали по деревянному настилу моста, навстречу показались автомашины. Напуганные лошади рванули, шарахнулись в сторону, бричку бросило по гололеду, и она перевернулась. Партизаны успели вовремя спрыгнуть, но из-под ковра на глазах немецкой охраны вывалился чемодан с рацией, посыпались гранаты, боеприпасы и два автомата. Приходько и «Казачка» опешили. У места происшествия оказались солдаты. Это была критическая минута... Кузнецов схватил с земли автомат и ткнул им под бок Асмоловой:

– Хенде хох! (Руки вверх!), – закричал он на радистку. И видя, что гитлеровцы безмолвно наблюдают эту картину, он заорал на них по-немецки:

– Что уставились? Помогите, черт возьми, собрать и уложить вещественные доказательства. Я везу пойманную мной советскую парашютистку!

А партизанка с неподдельным испугом продолжала смотреть на рассвирепевшего гауптмана. Оторопевшие гитлеровцы вместе с Николаем Приходько кинулись выполнять приказ. Бричку поставили на колеса, оружие уложили на дно пролетки, накрыли ковром, усадили «арестованную партизанку», рядом с нею («кабур» расстегнут, пистолет наготове!) присел гауптман. И пролетка тронулась в город.

А растеряйся Кузнецов на мгновение, упусти инициативу из своих рук – и провал был бы неминуем.

Случай показал, что разведчик не только в совершенстве овладел ролью немецкого офицера, но и имеет отличную выдержку, мужество и находчивость, не теряет присутствия духа в самых исключительных обстоятельствах. Сила воли потом не раз помогала Николаю выходить из, казалось бы, безвыходных положений.

...Валентина Асмолова успешно поддерживала связь с отрядом. Машина с пеленгаторами не раз кружила по городу, но обнаружить радиостанцию партизан так и не могла. И все же однажды случай поставил на карту жизнь партизанки и тайну радиосвязи отряда.

«Казачка» приготовилась к сеансу связи – в двенадцать часов передача. И вдруг кто-то тревожно воскликнул:

– Немцы!..

Они вошли с мороза, приговаривая: «Кальт! Кальт!» Холодно, дескать, решили погреться.

«Пауль Зиберт!» – обрадовались немцы, узнав знакомого офицера.

Один из пришедших заглянул в другую комнату и увидел в кровати Валентину Асмолову. Радистка, готовясь к сеансу, одела уже наушники. Услышав, что в квартиру вошли немцы, она только и успела натянуть на себя одеяло и повязала платок, будто у нее больны зубы и щеку разнесло флюсом.

– Кто это? Кто фрейлен? – недоверчиво спросил немец у хозяина квартиры.

– Девушка моя, невеста, – ответил Кузнецов, выставляя на стол бутылку водки. Настя Приходько мгновенно собрала закуску. На сковородке зашипело сало. Немцы повеселели, заулыбались. Тот, что был любопытен, довольно глядел на закуску, ласково – на девушку

Кузнецов понял, что назойливый немец, чего доброго, «привяжется» сейчас к Вале с комплиментами, и, чтобы предупредить сентиментальные излияния, которые могли привести к разоблачению радистки, сказал гостям:

– Фрейлен больная. Не трогайте ее.

«Кузнецов подпоил немцев, – рассказывал позже очевидец этой сцены Н. Я. Гнидюк, – зашел к нам во вторую половину дома, где мы были, и сказал Вале: «Готовься? к передаче». Она под одеялом настроила радиостанцию... Кузнецов поднимает с немецкими офицерами бокал за «здоровье Гитлера», а Валя в двенадцать часов выстукивает передачу в отряд».

...Опасен труд разведчика. В жестокой и смертельной борьбе Кузнецова на каждом шагу ожидала опасность. Она ходила с ним и его боевыми друзьями по пятам, заглядывала в глаза.

– Мы ежеминутно должны помнить, – не раз говорил своим товарищам Николай Иванович, – что спешка ведет к беде. Прежде чем что-либо сделать, хорошенько подумай, семь раз примерь. В нашем деле лишний шаг может погубить все: и тебя, и твоих товарищей. Поэтому надо учиться предвидеть развитие действия, в котором участвуешь.

В Ровно под руководством Кузнецова в то время работала группа разведчиков из числа московских комсомольцев-десантников и патриотов местного подполья. Среди них был партизан Николай Струтинский. Коренастый, кряжистый, светловолосый, спокойный юноша с обаятельной внешностью располагал к себе. Струтинский пришел в отряд Медведева из Сарненских лесов. До войны Николай работал шофером в городе Ровно. Когда немцы оккупировали его родной край, Коля Струтинский, старший сын в дружной семье лесничего Владимира Степановича Струтинского, возглавил партизанскую группу, в которую вошел отец и братья Николая – Жорж, Ростислав, Василий.

Разоружив несколько местных полицаев и лесничих – верных прислужников гитлеровского нового порядка, группа народных мстителей добыла оружие и приступила к боевым действиям против оккупантов.

В сентябре 1942 года Струтинские вывели из строя лесопильный завод, который поставлял материалы для оккупантов. Через два дня партизанская группа устроила засаду на шоссе Людвиполь – Кастополь. Жорж к этому времени раздобыл пулемет (он снял его с разбитого танка и приспособил для стрельбы «с руки») Ожидали, что пройдет немецкий обоз, но вдруг показалась легковая машина. Ехал Людвипольский гебитскомиссар! За ним – газогенераторный автомобиль с полицейскими, которые везли в райцентр арестованных. Гебитскомиссар и майор жандармерии были уничтожены на месте, а их машины партизаны разбили и бросили в кювет.

И полетела по всему Сарненскому краю слава о партизанской семье Струтинских. В их группу вступили другие советские патриоты, а вскоре народные мстители влились в отряд Медведева. Вместе с мужчинами партизанить пошла и мать, Марфа Ильинична Струтинская, с племянницей Ядзей. Против фашистских поработителей сражалась целая династия Струтинских – десять человек!

Скромность, сдержанность, находчивость Николая Струтинского – вот те качества, которые привлекли к нему внимание Николая Кузнецова, и он выбрал его к себе в помощники. Николай стал боевым другом и сподвижником разведчика и не раз в опаснейшие моменты увозил Кузнецова из-под носа врагов. Они понимали друг, друга с одного взгляда, с полуслова и благополучно уходили от преследования.

...В семье братьев Шмерегов до сих пор вспоминают первую встречу с Кузнецовым. Настя, жена Михаила Шмереги, – родная сестра Николая Приходько, – рассказывала:

– Однажды на хороших лошадях, впряженных в фаятон, к нам приехали трое. В комнату Михаила сначала вошли Николай Струтинский и Михаил Шевчук. Мы знали уже их. С ними нас познакомил мой брат Коля. Обращаясь к мужу, Струтинский сказал: «Мы привезли с собой немца, которого будем здесь казнить». Муж испугался и не нашелся, что сказать в ответ.

Немного погодя в дверях показался в сопровождении партизан немецкий офицер. Выбросив руку вперед, он громко произнес: «Хайль Гитлер!» Мы ответили ему заученным приветствием. Шевчук садится к столу и снова поясняет: «Вот этого немца будем казнить». Мой муж ни жив ни мертв, я тоже перепугалась. Шутка ли в деле! Убивать гитлеровца среди бела дня...

Струтинский прикрикнул на немца и, попеременно пересыпая немецкие слова украинскими, объявил приговор фашисту. Офицер стоял у порога, потупив глаза, но ни один мускул его лица не дрогнул. Тогда Струтинский объявил: «Пусть сядет этот немец, и мы его спросим, что он нам может сказать перед смертью». Офицер опустился на стул и, обращаясь к моему мужу, начал говорить что-то по-немецки. Муж качает головой, дескать, я его не понимаю, пойду позову отца, он знает немецкий язык.

Струтинский и Шевчук неожиданно заулыбались. Я сразу поняла, что здесь что-то не то! Офицер тоже засмеялся и заговорил на чисто русском языке:

– Никакого переводчика нам не надо, мы объяснимся без него!..

– Тогда только мы поняли, в чем дело. После долго смеялись, вспоминая эту сцену и свои переживания!

Товарищи по отряду рассказывают и другой интересный эпизод из жизни разведчика.

Как-то Кузнецов принес на одну из явочных квартир оружие, которое необходимо было спрятать. Николая Ивановича встретил перепуганный хозяин:

– Мне определили на постой немку... – тревожно зашептал он партизану – Эта фрау в военном мундире. Говорит, что она вчера приехала из Германии. Увидела вас сейчас из окна и заинтересовалась.

Кузнецов не успел передать оружие, как распахнулась дверь и вошла женщина в немецком военном мундире со знаком НСДАР.¹¹

– Хайль Гитлер! – бойко приветствовала она немецкого офицера.

– Фрау в военном мундире! – воскликнул Кузнецов. – Вы само олицетворение Германии. Очень, очень мужественно.

– Что вы, герр офицер! – кокетливо отозвалась фрейлен. – Эта форма на мне недавно. Я балерина, а сюда приехала по мобилизации.

– Мне так приятно познакомиться с вами, фрейлен! – продолжал Кузнецов восхищаться молодой особой. – Позвольте представиться (галантно щелкнул каблуками и склонил голову):

– Офицер Пауль Зиберт! Считайте, что в моем лице вы будете иметь верного рыцаря, – и приступил с расспросами: – Вы откуда прибыли, дорогая? Это не секрет? А ваш преданный слуга родом из Восточной Пруссии. Вы не бывали там? Нет? Жаль. Под Кенигсбергом есть чудо природы и человеческого гения – замок Шлобиттен. Это обитель моего фатера. Кстати, вы впервые за границей? В Париже бывать не приходилось?

Фрейлен при упоминании о замке подалась к офицеру и кокетливо повела глазками:

– Эльза, – представилась она и спросила: – Вы не дадите скучать мне, герр офицер, в этом дрянном городишке варварского края? Да, я бывала в составе труппы в Париже. Чудный город!..

– Я не умею говорить комплименты, фрейлен, – продолжал Кузнецов, – но вы не представляете, как приятно мне, еще три дня назад слушавшему на передовых позициях адский грохот русской «Катюши», видеть вас, прекрасная служительница искусства! Вероятно, на сцене – вы сама Афродита, встающая из пены моря! Не станцуете ли, фрейлен, для нас? Или этот мундир стесняет вашу грацию?

– О, с удовольствием, герр офицер! Для вас я станцую.

Любезности Пауля Зиберта окончательно покорили балерину, и она, напевая, пробежалась по комнате на носках красивых лакированных сапожек и закужилась, выписывая замысловатые пируэты.

В это время Кузнецов незаметно передал хозяину оружие.

Позже фрейлен Эльза, питавшая свои далеко идущие надежды в отношении Пауля Зиберта (который в ее мечтах мог стать богатым женихом), не раз передавала Кузнецову при встречах новости офицерского круга. Сама того не зная, она исправно служила советскому разведчику, была хорошим информатором.

В конце января 1943 года фельджандармерия пыталась перехватить курьера связи

¹¹ НСДАР – национал-социалистская Германская рабочая партия была создана Гитлером и осуществляла его фашистские человеконенавистнические планы.

Николая Тарасовича Приходько.¹² Будучи раненым, партизан геройски сражался с наседавшими на него жандармами. Не желая попасть в плен к врагу, последней пулей он покончил с собой. Приняв необходимые меры предосторожности, Кузнецов не успокоился до тех пор, пока через своих «информаторов» в гестапо не убедился, что Приходько в самый последний момент подорвал пакет с донесением, привязав его к гранате и что фашисты ничего не заподозрили.

Готовясь к возмездию над Кохом, Кузнецов неутомимо ищет пути «встреч» с гауляйтером. Через разведчиков своей группы, ровенских подпольщиков и своих «приятелей» – гитлеровских офицеров он устанавливает местонахождение его особняка. «Кох живет на Монополевой, д. 23–25. По улице Словацкого, 4 – штаб связи командующего В/С Украины», – доносит он в отряд.

Немного позже командование отряда уже точно знало, что Кох живет в особняке из пяти комнат в семидесяти метрах от рейхскомиссариата, недалеко второй особняк для охраны. Рейхскомиссариат и особняк обнесены трехметровой оградой с колючей проволокой. В рейхскомиссариате бывает не всегда. В 20.00 пьет дома чай, принимает гостей, поездом не пользуется, за ограду никуда не выезжает, за исключением аэродрома.

Наконец, Кузнецов достал схему двора рейхскомиссариата с обозначением постов охранения, парадных и тайных выходов особняка. Но Кох отсиживался в Кенигсберге. Следить же, когда он, навещая Ровно, бывает в особняке, было очень трудно. Однажды, проведая о начавшемся ремонте резиденции Коха, Кузнецов решил подбросить в логово палача «мокрую лягушку». Речь шла о том, чтобы с помощью строительных рабочих, проводивших отделку дворца, пронести в особняк взрывчатку и «вознести» ею на небеса богобоязненного почитателя религии Эриха Коха. Но охрана проводила самый тщательный контроль стройматериалов. Эсэсовцы щупами проверяли цемент, осматривали поделочную древесину. Ремонтные работы велись под наблюдением гестаповцев.

В это время Николай Кузнецов и его помощники искали среди рабочих-штукатуров, плотников и маляров верных людей для осуществления задуманной операции.

Через подпольщиков Ершова и Шевчука он познакомился с ровенским патриотом Василием Буримом. Василий и его брат работали малярами в одной из немецких фирм.

Вот как это произошло.

Однажды, придя домой с работы, Бурим застал на кухне Шевчука, беседующим с женой. Шевчук при первом знакомстве отрекомендовался паном Соколовским, а потом, когда убедился, что на маляра Бурима можно положиться, признался: «Я парашютист, зовут меня Мишка, фамилия Шевчук».

Пан Соколовский явился в гости в парадном черном костюме, в шляпе и при галстуке. Он первым поздоровался с хозяином по-польски: «Мое ушанование, что это вы так долго работаете?»

– Я был у одного товарища, – ответил Бурим.

Шевчук вел себя как дома. Он открыл дверь во вторую комнату и позвал:

– Битте, битте!..

На кухню вышел немец, молодой красивый офицер. Протягивая хозяину квартиры руку, он заговорил по-немецки:

– О, герр Васва, варум филь спазирен?

Бурим настороженно, стараясь подобрать немецкие слова, ответил, что не работал и не гулял, а навещил больного приятеля.

Каково же было изумление молодого маляра, когда он узнал, что перед ним партизан-разведчик!..

Офицер, между тем, улыбаясь, сказал чисто по-русски, показывая на мундир:

– Ты не смотри так, Вася, на меня. Это – маскировка. В действительности во мне нет ни одной капли немецкой крови. Я русский! И мы с тобой еще в Берлине будем давить этих фашистских гадов!

¹² Н. Т. Приходько посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

Вскоре Кузнецов познакомил Бурима со своим другом Николаем Струтинским. В условленное время Бурим явился за город, в село Тютковичи. И здесь в клуне¹³ он увидел легковую машину серого цвета, а около нее Кузнецова и Николая Струтинского. Бурим достал краски, кисти, и все трое принялись за дело. Красил машину, правда, один Бурим, а его помощники едва успевали отгонять мух, прилипавших к быстро сохнущей краске. Вскоре машина из серой превратилась в темно-коричневую с хорошим блеском.

Струтинский сменил номера. Кузнецов остался очень доволен работой и шутя заметил: «Ну, теперь ее даже хозяин не узнает!»

В этом была доля правды. Через три часа Кузнецов и Струтинский раскатывали по городу на «новом» автомобиле. Еще не раз пользовались они таким приемом. Бурим и партизанский художник Григорий Пономаренко перекрашивали немецкие машины, реквизированные, занятые «напрокат» даже у самого гебитскомиссара города Ровно полковника Бера. На этих машинах Кузнецов выполнял боевые задания.

Пауль Зиберт ищет экзаменатора

Кузнецов давно мечтал встретиться с представителями высших кругов офицерства германских вооруженных сил. Ему хотелось еще раз проверить себя в роли немецкого офицера, обогатиться знаниями закулисных штабных новостей, специфической военной терминологией, появившейся в лексиконе за последнее время. Для этого нужно было достать «длинного языка», как выражаются разведчики.

А партизанам-медведецам как-то все попадалась мелкая рыбешка.

Декабрьским днем сорок второго года на шоссе Ровно – Киев можно было увидеть такую картину. На четырех подводах (фурманках) запряженных породистыми лошадьми, с песнями, гиканьем и свистом не спеша ехало не менее двух десятков полицейских. В передней фурманке сидел немецкий офицер. Стоило рядом с подводами появиться грузовой машине с солдатами или стремительному «оппель-адмиралу», как полицаи оглашали воздух буйным приветствием: «Хайль Гитлер!» и снова продолжали горланить песни. Обычная для немецкой оккупации картина.

Завидят крестьяне такую грабь-армию и бросаются с глаз долой. Знают, что от немцев и полицаев добра не жди. Снова обирать едут. Готовь кур, свиней...

Фурманки продолжали свой путь на Кастрополь. Но никто из встречных немецких военных, пролетавших мимо на «адлерах» и «оппелях», не обратил внимания на двух пешеходов, шедших на значительном расстоянии от повозок с полициями.

Короткий зимний день клонился к вечеру. Начало смеркаться. Мороз крепчал. Задымила поземка. По обеим сторонам шоссе ни кустика на десятки метров. Они вырублены, чтобы партизаны не могли незамеченными подбираться к автомагистрали.

Впереди на шоссе, спускавшемся с невысокого увала, показалась легковая машина. Ее желтые подфарники, как два подслеповатых глаза, стремительно двигались в сторону полицейских. Раздался пистолетный выстрел. Это сделал первый пешеход. Он заметил в машине высокие «индючьи» офицерские фуражки. К тому же фары с желтым цветом означали, что на автомобиле следует высокое начальство. Второй пешеход коротким взмахом руки выхватил сбоку из торбочки гранату и послал ее в сторону автомобиля.

Раздался мощный взрыв. Все было рассчитано на секунды. Легковой автомобиль завалился в кювет, и его бок прошла автоматная очередь. Офицер, сидевший на первой фурманке, подал «полицейским» короткую команду, и те бросились к подбитому автомобилю. Не успели они вытащить из машины бесчувственных пассажиров, как навстречу вынырнула другая автомашина.

«Немецкий офицер» энергично махнул рукой и по-русски скомандовал:

– Бейте и эту!..

Граната на этот раз не помогла. Машина шла на огромной скорости. Автомобиль

¹³ Клуна – зернохранилище без потолка, под соломенной крышей

полоснули из ручного пулемета и автоматов, но он, проскочив мимо людей, начал удаляться, невредимый... На шоссе действовала подвижная группа партизан во главе с Кузнецовым.

Всех выручил коренастый паренек. Он мгновенно перезарядил пулемет диском с бронебойно-зажигательными пулями и пустил вдогонку в хвост автомобиля очередь. Машина «заковыляла» по шоссе и ткнулась в кювет.

– Порядок! – резюмировал партизан Жорж Струтинский.

Не успели партизаны добежать к подбитому бронированному лимузину, как там раздалось два pistolетных хлопка, и все стихло. Невдалеке показалась третья машина. Но сидевшие на ней заметили, что впереди какая-то свалка, и дали задний ход.

«Подвижная засада», придуманная Кузнецовым, – небывалый пример в истории партизанской борьбы – сыграла замечательную роль. Николай Кузнецов и возглавляемая им группа подкараулили тех, кого ждали. «Охота на индюков», как говорил Кузнецов, прошла удачно.

– Важных птиц заарканили! – удивлялись партизаны своей «работе».

Кузнецов скомандовал:

– Погрузите все трофеи в повозку.

Портфели, оружие, раненых и убитых гитлеровских офицеров сложили на фурманку. Лошади тронулись. Мороз под тридцать градусов. В повозках тесно, и некоторым из партизан пришлось присесть прямо на «трупы».

Когда же приехали на хутор своего человека Вацлава Жигадло, гитлеровцы, полежав несколько минут на открытых подводах, вдруг... зашевелились! Оказалось, что пленные притворились убитыми.

Просматривая документы гитлеровцев, Кузнецов еще раз убедился, что в партизанские сети попались те, кого он давно ждал. Советник военного управления майор доктор Райс, читал Николай Иванович удостоверения вражеских военачальников, зондерфюрер граф Гаан. Ого, это уже не птичка, а настоящий зубр! Технический инспектор телеграфа Плетнер, обер-лейтенант Макс, сотрудник почтовой службы... Водители автомобилей и две девицы, ехавшие с господами офицерами, в счет уже не шли.

Граф Гаан, майор Райс и инспектор телеграфа Плетнер возвращались из Киева с прифронтового совещания и везли с собой секретные информационные материалы. Особенно богат был ими большой желтый портфель подполковника.

На следующее утро командование партизанского отряда вело допрос пленных. Переводчиком был Николай Кузнецов. Зондерфюрер Гаан, увидев перед собой подтянутого немецкого офицера, вскипел:

– Я удивляюсь, что вы, офицер великой германской армии, так дешево продались большевикам! С кем вы пошли против фюрера? С лесными бандитами! Офицер вермахта – большевистский партизан! О, майн готт!

Кузнецов остался доволен «оценкой», которую ему дал высокий «экзаменатор». Это означало, что разведчик, как говорят артисты, вжился в образ.

На допросе пленные дали ценные показания. Подполковник Гаан и майор Райс помогли расшифровать карту с густой сеткой, обозначающей средства связи и пути сообщения гитлеровской Германии, начиная от ее западных границ. На карте были отмечены станции железных дорог, шоссейные и грунтовые дороги, действующие и подорванные мосты на всей оккупированной территории Украины. И здесь внимание Кузнецова привлекла красная линия. Она шла от Якушинец, что под Винницей, на Берлин. Чем объяснить такой интерес к украинской деревушке? Ясно было, что здесь нечто важное.

Как ни запирались оба фашистских офицера, они вынуждены были раскрыть «государственную тайну». Советской разведке стало известно, что красная линия на карте обозначала секретный бронированный кабель, соединявший «Вервольф» – ставку Гитлера – с Берлином.

Охота за «индюками» на шоссе была обставлена таким образом, что гитлеровская разведка посчитала ее обычным налетом партизан. Но это было далеко не так.

Чтобы понять, какая опасность грозила разведчику Кузнецову, надо знать условия, в которых приходилось ему действовать. Крута и обрывиста тропа разведчика, проходящая на краю пропасти. Какие же крепкие нервы, какой холодный рассудок, какую осторожность, неустанную бдительность надо было иметь, чтобы не оступиться в бездну.

Ему нужно было знать все: и ночные пароли для беспрепятственного хождения по городу после комендантского часа, нравы и обычаи гитлеровского офицерства и многое другое, чтобы не быть разоблаченным и схваченным службой безопасности противника. Когда в Ровно начинались повальные обыски после очередной акции советских разведчиков и подпольщиков, Николай Кузнецов выходил на улицу и совершал «моцион», прогуливался по тротуару. В этом был свой расчет. На улице враг менее бдителен, и, если патруль проверит документы немецкого обер-лейтенанта Зиберта, он ограничится одной офицерской книжкой. В квартире же, особенно зимой, проверяющие не торопятся. Они досконально изучают документы, выпрашивая, откуда прибыл человек, зачем. На улице к тому же больше возможности при необходимости уйти от врагов.

Но Кузнецов имел все, что необходимо разведчику. Он быстро завел нужные ему знакомства, подобрал надежных помощников.

...Мечислав Стефанский осенью тридцать девятого года перешел советско-польскую границу. Польский солдат Стефанский знал, что только Советский Союз способен противостоять военной машине гитлеровской Германии. Мечислав хотел сражаться с фашистами, которые поработили его родину.

Много раз Стефанский переплывал Буг. Оказавшись на польском берегу, он шел из города в город. Он вспомнил адреса всех своих знакомых. Патриот стал советским разведчиком. Цепкий взгляд Стефанского замечал все: и новые части, прибывшие в польский город, и составы, везущие к советской границе орудия, танки...

Когда гитлеровская Германия напала на Советский Союз, Мечислав на какое-то время остался «не у дел». Ему было приказано ждать дальнейших распоряжений в Ровно, где находилась его семья.

Стефанский, боец невидимого фронта, был дисциплинированным солдатом. Он ждал. А о нем, казалось, забыли. Ровно оккупировали фашисты. Пришлось искать работу. Устроился истопником к городскому комиссару.

Но пришло время, и о Стефанском вспомнили. Его навестил Николай Струтинский. Подолгу вел разговоры о разных пустяках. Мечислав первое время держался отчужденно, не особенно полагался на этого человека, потому что видел несколько раз: Струтинский возит в машине немецкого офицера. Наконец, пришел день, когда Струтинский сказал:

– Мы хорошо знаем тебя, Мечислав. Ведь ты ходил по ту сторону Буга. Сегодня с тобою побеседует один человек. Фамилия его Грачев.

Но «Грачев» для Стефанского не был Грачевым, он был Паулем Зибертом, которого Мечислав не раз видел в обществе офицеров у городского комиссариата. И вот теперь этот человек, сидя в зашторенной комнате, расспрашивает хозяина квартиры, кого знает Стефанский из надежных людей, кто посещает городской комиссариат, есть ли там люди, на которых можно положиться.

Вскоре Стефанский и его жена стали боевыми помощниками Николая Кузнецова. Мечислав собирал для разведчика сведения, подбирал верных людей. Квартира Стефанского была местом прибежища Зиберта и его шофера на особые случаи.

Кроме Стефанских, из числа польских патриотов замечательным помощником и смелым разведчиком стал Ян Каминский. Кузнецов умело находил нужных ему людей. В этом была его сила.

Николая Кузнецова часто можно было видеть в компаниях немецких офицеров, на именинах, у знакомых девиц. Лился коньяк, а вино развязывает языки. Играл патефон. За рюмкой «шнапса» гитлеровские офицеры ненароком роняли хвастливые фразы, показывая свою осведомленность в военных тайнах и других секретах. Их слушал Пауль Зиберт, их слушали его боевые помощники. Из отдельных деталей позже вырисовывались зримые планы врага... Офицеры танцевали и пели, играли в карты и рассказывали анекдоты. Вместе с

тыловиками на такие вечеринки попадали и офицеры, проезжавшие на фронт.

Танцует, бывало, такой герой-войка и начинает похвастаться своей партнерше, где он побывал в Европе. Другой, пожаловавшись на то, что долго ходит в обер-лейтенантах, заявлял, что впереди у него большое будущее. Под Орлом, куда обер-лейтенант направляется в составе танковой бригады, он еще покажет себя и вернется к фрейлен с «дубовыми листьями», в чине не менее капитана.

В числе знакомых Кузнецова был матерый гитлеровский разведчик фон Ортель, шеф местного СД. Добровольным помощником Кузнецова стал один из офицеров рейхскомиссариата, ненавидевший гитлеризм.

И какую же надо было иметь духовную силу, чтобы, слушая человеконенавистнический бред о германизации советской земли, улыбаться врагу, слушать бахвальства гитлеровцев о кровавых расправах над славянами и сдерживать кипящую ненависть сердца! Но когда фашисты в пылу откровения жаловались, что партизаны не дают покоя, что на железных дорогах летят под откос поезда, а для Восточного фронта германская нация вынуждена регулярно поставлять «мороженое мясо» (так метко немцы окрестили свои потери во время зимней кампании на советском фронте), Кузнецов внутренне торжествовал над врагом.

Разведчики, работавшие в Здолбунове, готовились взорвать Прозоровский железнодорожный мост. Молодой женщине-подпольщице Ванде Пилипчук было поручено пронести по улицам тяжелый чемодан со смертоносным грузом – взрывчаткой. Ее негласно сопровождала вооруженная группа охранения. На случай, если бы Ванду остановили немцы, следом за нею шествовал офицер в узком, мышиного цвета френче, увенчанном орденами, в высоких лакированных сапогах. Офицер, увязавшийся за Вандой, очень пугал подпольщицу. Она не знала, что это был Николай Иванович Кузнецов, приехавший в Здолбунув специально, чтобы сопроводить Ванду с опасным грузом до места назначения. В кармане френча офицера имелось мощное оружие – металлический овальный жетон особо доверенного сотрудника гестапо.

Задание было выполнено успешно – партизаны взорвали железнодорожный мост.

...Случайность нередко подстерегает разведчика. При встрече с нею все зависит от выдержки человека, его находчивости.

Однажды при знакомстве видный гестаповец окинул Пауля Зиберта колючим взглядом и холодно сказал:

– А ваше лицо мне знакомо. Мы с вами встречались...

– Вполне возможно, – невозмутимо ответил Кузнецов, – городок этот, что куриное гнездышко, не разминешься.

– Нет, не здесь, а в Германии...

– Что ж, я из Восточной Пруссии! Если вы мой земляк – будем друзьями! – весело воскликнул Пауль Зиберт.

Прием «узнавания», прощупывания, был приемом хитрого коварного врага, рассчитанного на слабонервных.

Кузнецов не только в разведке, но и во время стычек с гитлеровцами и националистами не раз показывал свое бесстрашие в открытом бою, свои организаторские командирские способности.

Командир отряда Д. Н. Медведев впоследствии писал:

«Ненависть, которую Николай Иванович Кузнецов питал к гитлеровцам и их пособникам – украинским националистам, проглядывала в каждом его слове, в каждом движении. Может быть, этим и объясняется то, что частые стычки, которые происходили между руководимую им немногочисленной группой партизан и значительными по численности подразделениями немцев и украинских националистов, кончались полным разгромом последних».

Новый 1943 год Кузнецов ознаменовал тем, что, возвращаясь со своей группой в отряд, уничтожил три автомашины и перебил несколько офицеров.

«В январе группа партизан, – вспоминает участник отряда Медведева И. П. Филиппов, – шла с задания из-под Ровно. В деревне Хотынь попала в засаду националистов. Завязался бой. Кузнецов с криком: «Не робей, ребята!» вырвался вперед. Товарищи бросились за ним. Бендеровцы не выдержали и начали разбегаться. Партизаны поодиночке стали уничтожать

бандитов.

В бою особенно отличился Николай Иванович. Он буквально гонялся за националистами с пистолетом в руках, увлекая за собой товарищей. Еще свистели пули перестрелки, а Кузнецов стоял на берегу, разгоряченный схваткой. Глаза его горели радостью победителя.

О его смелости долго говорили в отряде, как о примере бесстрашия, говорили о нем, как о решительном, отважном командире, партизанском вожаке».

«В начале марта Кузнецов с небольшой группой партизан ехал в отряд для доклада командованию. По пути неоднократно встречались «бульбовцы». В одном из сел, перед переправой через реку Случь «бульбаши» преградили путь. Кузнецов принял команду на себя. Короткий стремительный бой – и националисты бежали. Бандиты долго не могли забыть этого урока, заданного им партизанами.

Н. И. Кузнецов пользовался всеобщей любовью и уважением. Инициативный, храбрый, всегда жизнерадостный, он мог рассчитывать на то, что каждый боец охотно пойдет за ним на самую опасную операцию... Н. И. Кузнецов разработал целый ряд вариантов открытого вооруженного нападения на дворец Коха, который весьма тщательно охранялся. В этих вариантах Кузнецов самую опасную роль «оставлял» только за собой»¹⁴

...Между тем, текли суровые будни разведчика в стане врага. В апреле Кузнецов сообщает в отряд данные о численности гарнизона в Ровно, о содержании приказа Коха, призывающего к беспощадной борьбе с партизанами. «В Ровно создается полк польской полиции во главе с капитаном», – доносил разведчик. «В Германии объявлена тотальная мобилизация всех возрастов мужчин, годных к военной службе, независимо от специальности и занимаемой должности». Это была приятная новость. Она говорила, что людские ресурсы гитлеровской машины войны начинают истощаться.

Лицом к лицу с палачом

Разгром немецко-фашистских оккупантов под Москвой и на Волге, провал гитлеровской доктрины молниеносной войны с Советской Россией не охладил пыл фашистских главарей. Они по-прежнему кричали о лебенсрауме, о признании немецкой «херренфольк» – расы господ, отравляя сознание немцев ядом нацистской пропаганды. Выступая в Киеве на совещании национал-социалистической партии в марте 1943 года, гауляйтер Кох призывал: «Мы являемся расой господ, и мы должны управлять жестоко... Я пришел сюда, чтобы помочь фюреру...» Еще раньше в газете «Дейче Украине цейтунг» он писал: «Как имперский комиссар, я получил богатую почву и растительностью Украину, которая по воле фюрера будет использована для нужд Европы. В завоеванных вами областях вы раньше всех получите предприятия, место работы...»

– Получите, – сказал Кузнецов, прочитав статью рейхскомиссара. – Получите по два метра богатой земли!

С тех пор, как началась подготовка к возмездию над гауляйтером-палачом, Кузнецов внимательно следил за выступлениями Коха, его приказами. Он вел свой счет преступлениям кровавого палача Украины. И это не давало остывать, угасать гневу патриота, который клокотал в душе Николая Кузнецова.

Кровавым террором, душегубками и кремационными печами концлагерей расчищали себе нацисты жизненное пространство, запугивали и убивали поработанных людей.

Но советские люди не хотели мириться с «новым порядком» варваров двадцатого столетия, они не хотели добровольно подставлять шею под ярмо оккупантов.

Партизаны и подпольщики мстили врагу 10 марта 1943 года ровенская газета немецких оккупантов «Волынь» опубликовала следующее извещение:

«8 марта пытались убежать заключенные Ровенской тюрьмы. При этом они

¹⁴ Сборник документов «Борьба трудящихся львовщины против немецко-фашистских захватчиков». Изд. «Свободная Украина», 1949 г. Воспоминания командира партизанского отряда Д. Н. Медведева.

убили одного немецкого тюремного чиновника и одного часового. Энергичным выступлением тюремная стража предотвратила бегство. По распоряжению командующего немецкой полицией безопасности и СД в тот же день были расстреляны все заключенные в тюрьме».

Это известие об очередном чудовищном преступлении гитлеровцев потрясло Николая Кузнецова до глубины души. Он поклялся отомстить за кровь погибших. И патриот сдержал свою клятву.

...У Коха заболели зубы. Об этом узнал Николай Кузнецов и решил, что если Кох собирается одеть на зубы коронку, то необходимо сделать так, чтобы у рейхскомиссара никогда больше не появилось такого желания.

Было установлено: зубным врачом в Ровно работает бывший однокашник Коха, с которым гауляйтер в детстве учился в одной школе и даже сидел за одной партией. Разведчики узнали, кто работает у этого врача зубными техниками.

Все шло хорошо. Но Кох слишком боялся за свою презренную шкуру и не воспользовался помощью друга, а улетел лечить зубы в Кенигсберг.

Тогда Кузнецов придумал новый вариант охоты на палача. Он дал задание Василию Буриму подыскать квартиру в центре, чтобы с ее балкона можно было убить немецкого палача из бесшумной винтовки.

В Ровно полным ходом шла подготовка к параду по случаю дня рождения Гитлера. Доложив об этом на совещании штаба отряда, Кузнецов заявил: «Командовать парадом будем мы, партизаны».

Бурим, выполняя поручение, совершил прогулку по площади, где была сооружена трибуна. Ему понравился балкончик третьего этажа дома, половина которого была разбита во время бомбежки. На балкончике висело детское белье. Из дверей комнаты на балкон нет-нет выбегали двое малышей: мальчик и девочка лет трех-пяти. Потом показалась молодая особа в белом полотняном платье. Через несколько минут она вышла на улицу и, стоя на тротуаре, задрав голову вверх, прокричала по-польски:

– Збышко, не вылазь на балкон, а то упадешь и убьешься!

Бурим подошел к молодой женщине и, извинившись на чисто польском языке, попросил:

– Пани, сделайте мне такую услугу – купите редиски! Я не могу уйти с этого места, потому что ожидаю свою колонну машин. Сам я не здешний и не знаю, где находится базар. Будьте любезны, пани! – настоятельно уговаривал Бурим женщину, а сам, между тем, вытащив из кармана пачку немецких денег, отсчитал двести марок, подал их незнакомке. Та оживилась, взяла деньги.

– Так я зайду к вам, если не сегодня, то завтра, – сказал Бурим на прощание. – Наша колонна задержится в Ровно на несколько дней. Как вас зовут? Стася... А это ваши дети? – поинтересовался он. – Нет, вашей сестры Кази?

Встретившись с Кузнецовым, Бурим похвалился, докладывая о результатах поиска:

– Имею возможность побывать в квартире на балкончике, выходящем на площадь!

Николай Иванович обнял помощника и воскликнул:

– Вася, тебя ж надо расцеловать!.. Держи эту квартиру! Подготовь хозяев, чтобы туда мог зайти Шевчук. Скажи о нем, что это твой начальник колонны, поляк.

На следующий день Бурим уже карабкался по железной лестнице на третий этаж. Войдя в квартиру швагера, который назвал себя Здиславом Кутылевским, он застал там Стасю и молодую женщину. «Это ее сестра Казя», – мысленно отметил про себя Бурим. Здесь же были двое детишек. Бурим дал ребятишкам конфет, а старших попросил разделить компанию с ним. Выпили бутылочку немецкого коньяка, и разговор пошел на польском языке.

– Как трудно стало жить, – начал жаловаться Бурим. – В моем родном городе Люблине сейчас так плохо с харчами!..

Слово за слово и гость повернул, что в Варшаве наши поляки крепко ненавидят немцев...

Через неделю Бурим зашел к Кутылевским с Шевчуком. Михаил Шевчук еще больше расположил к себе польскую семью. У него нашлось угощение для всех.

Бурим ушел раньше, Шевчук остался. Придя на квартиру, где его ожидали Кузнецов и

Бурим, Шевчук рассказал, что поляк Здислав ему открылся: оказалось, что он состоит членом армии Краевой.

Спустя несколько дней Бурим вновь пришел к Кутылевскому и сказал:

– Мой шеф-немец хочет купить масла и яичек, а мне не доверяет деньги.

Пани Казя и пани Стася восторженно приняли это известие.

Прежде чем отправиться с Буримом в город, на квартиру Кутылевского, Кузнецов несколько раз прорепетировал со своим помощником, как нужно приветствовать, встречая немцев, как смеяться и как величественно идти.

Дорогой, как и следовало ожидать, то и дело встречались немецкие солдаты. Они вскидывали перед собой правую руку и кричали «Хайль Гитлер!». Гауптман и шедший с ним человек в гражданском отвечали им. Когда Кузнецов с Буримом были недалеко от квартиры поляка, им пришлось проходить мимо группы военных в чинах фельдфебелей. Увидев немецкого офицера, они заорали: «Хайль Гитлер!», а один зазевался...

Кузнецов-Зиберт остановился, подозвал этого фельдфебеля и, покраснев, закричал по-немецки:

– Ты, свинья, почему не приветствуешь офицера? Тебе не нравятся офицеры?!

Перепуганный фельдфебель, заикаясь и потея, оправдывался, что он не заметил господина гауптмана и что больше этого не будет.

Когда отошли от военных, Бурим негромко заметил:

– На черта он вам сдался, этот фриц?

Кузнецов ответил:

– О, Вася, ты знаешь, как этот фельдфебель и его друзья после такого «разгона» будут ненавидеть своих офицеров!

В квартире поляков Бурим мысленно удивился, наблюдая, как Николай Иванович, галантно обращаясь к дамам, сказал на ломаном польском языке:

– Он яке ладне кобеты блондинки! – с этими словами он вынул из портфеля две пары шелковых чулок, повесил их Стасе и Казе на шею, затем «шеф-офицер» достал из портфеля бутылку хорошего коньяка, поставил на стол и шутливо заметил: – Я любииц вутка и ладне паненки!

А «паненки» смеялись...

Вернулся Кузнецов несколько часов спустя (Бурим ушел раньше) и с порога радостно воскликнул:

– Вася, отличная квартира! Теперь с балкона в мгновение ока я любого гада, любого фашистского генерала сниму! А ты пока помаленьку навещай поляков и не показывайся в городе, чтобы не узнали, что ты ровенский житель.

Для участия в параде по случаю дня рождения Гитлера вместе с Кузнецовым в Ровно выехали Николай Гнидюк, Михаил Шевчук, Жорж Струтинский и Валя Довгер.

...Было время, что командир отряда не хотел посылать Валу Довгер в город на подпольную работу: «Какая из тебя разведчица! – шутил Д. Н. Медведев. – Ты и пистолета не сможешь удержать в одной руке!» И правда, Валя – худенькая семнадцатилетняя девушка – с первого взгляда не производила впечатления сильной, волевой личности. Но сердце девушки горело ненавистью к врагам. Когда она узнала о зверской расправе, которую учинили над ее отцом бандиты-националисты за связь с партизанами, Валентина поклялась мстить за родного любимого человека, за страдания миллионов советских людей, стонавших под сапогом гитлеровского нашествия.

Вот что она пишет в своих воспоминаниях:

«Погиб отец... На хуторе меня ждали партизаны. Всю ночь мы пробирались в отряд. Все как могли старались утешить, успокоить меня. На пороге штабной землянки Д. Н. Медведев сказал душевно и просто: «Сейчас здесь твоя семья, а я постараюсь заменить тебе отца».

Мы вошли в землянку. На нас с любопытством посмотрело несколько партизан, все они были заняты своим делом. Дмитрий Николаевич Медведев настаивал на моем отлете в Москву. Доводы были веские: моя молодость, неопытность. Мне предлагалось улететь в Москву, пройти подготовку радистов, а затем вернуться в отряд. Я горячо настаивала на том, чтобы мне остаться с партизанами.

Во время спора к нам подошел человек в комбинезоне, подтянутый, светловолосый, с пристальным взглядом серых глаз. Лицо его казалось суровым, замкнутым, даже немножко злым. В голосе чувствовались ноты превосходства и легкой иронии.

Дмитрий Николаевич, обращаясь ко мне, сказал:

– Знакомьтесь: это наш разведчик...

Николай Иванович заговорил со мной на чистейшем немецком языке. Призвав все свое знание, я ему довольно твердо ответила. Это заинтересовало Николая Ивановича, у нас завязался разговор. Кузнецов стал говорить о том, что здесь я нужна, что после подготовки мне лучше идти в разведку. В Николае Ивановиче я почувствовала союзника. Мы стали вместе убеждать Медведева, что именно мой возраст и вид не будут привлекать внимания, а знание немецкого языка поможет работе.

Вскоре окончательно было решено, что я остаюсь в отряде и под руководством Николая Ивановича буду готовиться к работе в городе.

С приездом в Цуманские леса близился час ухода в Ровно. Уточнялись последние детали. После беседы с начальником разведки и командиром я с группой разведчиков направилась в город. Мне сказали, что о встрече с Николаем Ивановичем сообщат товарищи.

В городе я уже устроилась, когда пришел Коля Гнидюк и сообщил, что Кузнецов ждет меня в сквере, что он будет сидеть на скамейке с газетой в руках. Как я себя ни готовила к встрече, я шла с волнением. Навстречу мне поднялся человек в мундире фашистского офицера, поздоровался, улыбнулся, спросив по-немецки: «Не узнаете?» Конечно, я узнала, но видя, что в сквере никого нет, я стала выкладывать все, что накопилось за эти дни, по-русски. Николай Иванович начал хлопать глазами, затем взял под руку и сказал: «Вы забываете, где мы, и я вас не понимаю, русского пока не выучил». Много надо было сказать друг другу, и мы решили продолжить наш разговор на квартире. Так началась наша жизнь в Ровно, где кругом был враг, а многие патриоты встречали и провожали нас взглядом, полным ненависти и презрения.

Видя, как я страдаю, Николай Иванович говорил: «Потерпи, так надо, очень хорошо, что нас принимают за таких, когда-нибудь все они узнают правду о нас, ведь и мне тяжело, а открываться нельзя. Свой долг мы должны выполнить. Да, суровое время!»

Отправляясь в город, Валентина Довгер попросила своих друзей, с которыми ей предстояло работать, чтобы они помогли найти черную кофту, черные туфли и перчатки. Валя решила ходить в трауре. Для нее это был не формальный обряд. «Гитлеровцы меньше будут приставать ко мне», – пояснила девушка.

В Ровно ожидалось прибытие имперского министра по делам оккупированных восточных стран Альфреда Розенберга. И Кузнецов просит командование пересмотреть свой план. Ему не хотелось упускать момента. Но чтобы уничтожить Розенберга и Коха, нужно было действовать наверняка.

Собрав оперативную группу на подпольной квартире Марии Левицкой, Николай Иванович поделился своими соображениями: необходимо пройти прямо к трибуне. Он сам сделает это. Но как быть остальным?

Постепенно выработался план действий. Молодые люди отправятся на площадь с девушками под руку. Влюбленные или порядочная семейная пара не вызовут у агентов гестапо подозрения и избегнут проверки. Девушки возьмут с собой сумки, где можно спрятать гранаты...

– Сумка в руках девушки?! – Эту деталь операции Михаил Шевчук сразу взял под сомнение. – Бросать гранату, конечно, будет кавалер, – рассуждал он. – Но пока девушка вынет из сумки гранату и вручит этот «гостинец» напарнику, бросать уже будет некогда.

– Если нужно – и женщина бросит. Я готова это сделать! – заявила Мария Левицкая.

– Ближе всех к трибуне смогу пройти, конечно, только я, – подвел Николай Иванович итог совещания. – Как только я выстрелю в Розенберга и Коха, вы забрасываете гранатами трибуны. В момент переполюха и паники вы немедленно уходите с места происшествия.

Условились, что на одной из квартир участников акции над гитлеровскими главарями будет ждать машина. Оперативная группа немедленно скроется в лес.

Теперь предстояло достать пропуск на площадь. Вскоре они были у членов боевой группы. «Крупный коммерсант» Ян Багинский (Гнидюк) знал немало «друзей» по сделкам на

черном рынке. Устроив для «коллег» два обильных угощения, он заручился обязательством одного знакомого гестаповца. Тот вызвался показать парад. Так в кармане Гнидюка оказались пропуска на парад.

В день торжества все участники оперативной группы явились на площадь. Николай Кузнецов был среди офицеров у самой трибуны. Но перед тем, как на ней появились фашистские деятели, Николай Иванович дал своим друзьям условный знак: он начал усиленно протирать платком левый глаз – это означало, что операция отменяется.

Неудача! Снова неудача! Но не вина партизанских разведчиков, что ни Розенберг, ни Кох не появились на параде.

Огорченный таким поворотом дела, Кузнецов все же не терял надежды на встречу с кровавыми нацистами.

У гауляйтера

К двухэтажному дворцу с колоннами, что спрятан в глубине сада, – резиденции Эриха Коха, над которой развевался флаг с паучьей свастикой, подкатил экипаж.

Дворец обнесен высоким забором и колючей проволокой. У тяжелых массивных ворот охрана. В резиденцию гауляйтера по пропускам, удостоверениям и гестаповским жетонам то и дело проходят военные и штатские.

В экипаже на заднем сиденье со счастливым видом жениха восседал сияющий стройный обер-лейтенант, рядом с ним – фрейлен. В ногах молодой пары, рядом с облучком кучера примостилась другая «пара» – одутловатый обер-ефрейтор и огромная овчарка. Кучер экипажа осадил разгоряченных лошадей. Надменный офицер пружинисто спрыгнул на мостовую и помог сойти своей спутнице, красивой, совсем еще юной девушке в черном строгом одеянии. Обер-лейтенант взял фрейлен под руку и решительно направился к резиденции. Их встретил майор и попросил следовать за ним. И они молча пошли мимо многочисленных постов эсэсовцев, стоявших с автоматами наизготовку. Пропуска для обер-лейтенанта и его спутницы были заказаны еще заранее.

Пауль Зиберт отправлялся на прием к Коху. Попасть на аудиенцию к самому наместнику Гитлера на Украине ему помог личный собаковод гауляйтера Шмидт и адъютант Коха майор Бабах.

Обер-лейтенант шел просить за свою невесту: он поручался за ее «арийское» происхождение. Фольксдойч Валентина Довгер получила повестку. Ей предложено отправиться на работу в Германию. Но он, немецкий офицер Пауль Зиберт, заслуженный фронтовик, кавалер двух орденов «Железного креста», имеет право обратиться с личной просьбой к самому гауляйтеру. Отец Валентины Довгер пострадал от большевиков. Он замучен бандитами. Об этом обер-лейтенант сказал адъютанту Коха, когда тот вызвался уладить дело фрейлен Довгер, подлежащей мобилизации на работу в Германии?.

Первой к Коху была приглашена Валя Довгер. Через три минуты она вышла. Майор Бабах пригласил в кабинет гауляйтера Пауля Зиберта. Валя, оставшаяся в приемной (рядом с нею стоял охранник), внутренне подобралась. Она была вся слух и внимание. Немецкие офицеры, ожидавшие очереди на прием, изредка перебрасывались словами. А Вале Довгер казалось, что немцы подозрительно присматриваются к ней.

Сердце гулками толчками отсчитывает время. «Стреляй же! Стреляй в сатрапа! – кричит оно. Как только в кабинете раздастся выстрел, она тоже начнет действовать. Пойдут в дело гранаты и автоматные диски, уложенные в фаэтоне, под облучком кучера. На выстрел Пауля Зиберта откликнутся и «кучер» Николай Гнидюк, и мрачноватый паренек, скучающий на перекрестке (это Жорж Струтинский), и многие другие, кому поручено участвовать в операции.

Букет цветов, что любовно держит в руках молодой человек (в нем граната!), поднимет на воздух эсэсовскую охрану, стоящую на часах у ворот. А там... в разных местах города откликнутся другие. Заговорят взрывы. Мины для этого уже заложены.

Но за дверями кабинета все было тихо...

Старый сподвижник и друг Гитлера, один из старейших деятелей национал-социалистской партии Эрих Кох восседал за большим столом, на котором зоркий глаз

Зиберта-Кузнецова заметил кнопки сигнализации. Рядом с рейхскомиссаром двое эсэсовцев. На полу лежат специально тренированные псы. За спиной Пауля Зиберта встал третий телохранитель рейхскомиссара.

Кох, буравя обер-лейтенанта колючими глазами, начал отчитывать его:

– Офицеру германской армии не стоит проявлять слишком много внимания особе сомнительной принадлежности к арийской расе. Тем более – фатерлянду нужны рабочие руки!

Зиберт почтительно слушал «его превосходительство» оберштатенпрезидента Восточной Пруссии и Польши. Но в голове его молниеносно пролетали обрывки мыслей: «Успею выхватить пистолет?... Или эсэсовцы опередят меня?»

Потянулся в карман кителя за носовым платком: пес заметил недозволенное посетителю движение и, глухо рыкнув, оскалил зубы. Насторожились и телохранители. Их взгляды застыли на руке, поползшей к карману.

«Не дадут опустить руку в карман, – понял Кузнецов, – не допустят выстрела...»

– Вы где родились, обер-лейтенант? – спросил рейхскомиссар.

Оказалось, что офицер – земляк гауляйтера, и Кох незадолго до войны с Россией, будучи на охоте в угодьях имения Шлобитген, разговаривал с отцом Зиберта.

Рейхскомиссар оживился, его земляк – отличный солдат фюрера! Поинтересовался, где обер-лейтенант получил ранение, на каком участке фронта отличился в сражении и получил ордена «Железного креста». Гауляйтер справился также о настроениях среди солдат и офицеров в связи с неудачей форсирования Волги.

Обер-лейтенант заверил высокого деятеля райха, что офицеры и солдаты, он сам лично, непоколебимо верят в победу.

Он, Пауль Зиберт, с нетерпением ждет того дня, когда выздоровеет после ранения и снова окажется в своей части, на передовой, под Курском.

– О, скоро вы получите удовлетворение за свою рану. На вашем участке фронта фюрер готовит большевикам сюрприз... Германская нация выполнит свою историческую миссию! – патетически воскликнул Кох и, вой дя в раж, начал говорить о «сюрпризе» Гитлера и мощном всесокрушающем прорыве, который у Курска и Орла совершат «тигры» и «пантеры» вермахта.

То, что 31 мая 1943 года Зиберт-Кузнецов услышал из уст приближенного Гитлера, стоило не одной такой головы, как гауляйтер Кох.

Содержание разговора с рейхскомиссаром вечером было известно в штабе партизанского отряда, а ночью о нем уже знала ставка Главнокомандующего. Первый сигнал о готовящемся наступлении в районе Курска подал легендарный разведчик.

И все же Николай Кузнецов жалел, что при встрече с Кохом не удалось привести в исполнение смертный приговор палачу. Позже он говорил: «Если бы я знал об условиях приема у Коха, спрятал бы на теле мину и взорвался. Погиб бы я, но и кровавый сатрап был бы уничтожен».

Он готов был ценой своей жизни выполнить задание. И окажись разведчик вторично на приеме у Коха, он бы не колеблясь пошел на самопожертвование. «Я убежден в этом», – рассказывает А. А. Лукин, начальник разведки партизанского отряда, в рядах которого действовал Николай Иванович Кузнецов.

Но визит в логово кровавого гауляйтера имел в истории войны куда большее значение, нежели неудавшаяся акция расстрела преступника-нациста. Сигнал Кузнецова о стратегических замыслах гитлеровской ставки в районе Курска помог советской разведке заблаговременно раскрыть секрет операции «Цитадель». «Курская дуга» летом 1943 года лопнула под сокрушительными ударами Красной Армии.

Леля с улицы Легионов, 15

Прибывший в отряд Медведева¹⁵ военнопленный Владимир Грязных (он бежал из

¹⁵ По рассказу соратника Н. И. Кузнецова – разведчика Николая Гнидюка. Ныне Н. Я. Гнидюк работает заместителем председателя Львовского облисполкома.

концлагеря в, Ровно) сообщил, что он и его товарищи сумели вырваться из вражеского плена с помощью старшей официантки офицерского казино. Фамилия ее Лисовская. Зовут Лидия Ивановна. Она просила, если бежавшим удастся разыскать партизан, связать ее с ними.

Повидать эту женщину поручили Николаю Гнидюку. По адресу, который ему дал Грязных, Гнидюк разыскал Лисовскую. Разведчика встретила стройная молодая блондинка выше среднего роста, с красивым смуглым лицом и большими голубыми глазами. Когда познакомились, Лисовская с подкупающей простотой рассказала о себе, о своей ненависти к немецким фашистам, которые отняли у нее мужа, капитана польской армии, уничтожив его в концлагере.

– Я могу подбросить вам какого-нибудь генерала, – говорила Гнидюку собеседница. – Я готова на все. Дайте мне Любое задание – выполню. Если хотите, проведу ваших людей в казино, когда там будет много немецких офицеров. Могу отраву подсыпать в блюдо или украсть папку с секретными документами...

Она с такой напористостью предлагала свои планы, что ее поведение показалось партизанским разведчикам слишком подозрительным. Гнидюк уже знал, что в квартире Лисовской часто бывают немецкие офицеры. Лидия Ивановна возвращается с провожатыми.

Однажды она принесла портфель с документами. Портфель был «реквизирован» ею у перебравшего в казино старенького полковника, но в нем оказались лишь какие-то накладные. Лидия Ивановна ухитрялась узнавать ночные пароли. Создавалось впечатление, что здесь что-то не чисто. Уж не гестапо ли затеяло с партизанскими разведчиками игру. Пока оно идет на ничего не стоящие «поддавки», но с помощью своего агента гитлеровская разведка, конечно, думает раскинуть сети, чтобы добыть богатый улов. А Лисовская, между тем, настойчиво добивалась «большого дела».

Когда Гнидюк доложил Кузнецову о первых встречах с Лисовской, тот сказал:

– Да, поведение этой дамы подозрительное. Что ж, продолжай поддерживать с нею связь. Будем изучать этого человека. Надо испытать ее на деле.

Эту настороженность разведчиков Лисовская расценила по-своему и при встрече с Гнидюком шутила:

– Немцы мне доверяют больше, чем вы!..

Николай Иванович в это время уже работал в «паре» с Валею Довгер, которая после аудиенции у Коха «высочайшим» повелением гауляйтера была определена на работу машинисткой-канцеляристой в хозяйственный отдел рейхскомиссариата. Немецкие офицеры наперебой старались оказать красивой фрейлен свое внимание, набиваясь в женихи.

Как-то один из офицеров предложил Кузнецову:

– Слушайте, Зиберт, хотите, я познакомлю вас с первой красавицей города? Польская графиня. Увидите и забудете дорогу к Валентине...

Через несколько дней на совещании группы разведчиков, которое проходило в квартире Ивана Приходько, Николай Иванович, подведя итог разговора, заключил:

– Будем расходиться, товарищи. За дело! – Немного помолчал и, вспомнив нечто важное, полушутя, интригуяще заметил:

– А у меня, между прочим, сегодня встреча с одной красавицей!

Разведчики ответили ему шутками:

– Николай Иванович, вы хоть нам адресок оставьте, где живет эта красавица. А то пойдешь, женишься и... чего доброго, пропадешь!

– Да, кстати. Запомните адрес, – живо откликнулся Кузнецов. – Легионов, пятнадцать. Леля.

– Как, Легионов, пятнадцать?! – воскликнул Гнидюк. – Да, Легионов, пятнадцать.

– Позвольте, так это ж та самая Лидия Лисовская!

– Не может быть!..

– Да, да, Легионов, пятнадцать, Лидия Ивановна Лисовская. Там другой Лели нет, – подтвердил Гнидюк.

– Но у меня сегодня с нею назначено свидание на восемь часов.

– У меня тоже свидание в восемь тридцать.

– Ну, что ж, пойдём!

Кузнецов приехал к Лисовской раньше. Его сопровождал переводчик, но, сославшись на неотложные дела, он быстро ушел.

Лидия Ивановна приняла офицера Пауля Зиберта со свойственной ей любезностью и предупредительностью.

Вскоре в квартире Лисовской появился и Гнидюк. Его встретила сестра хозяйки Майя. Узнав, что пришел Гнидюк, Лидия Ивановна выбежала к нему оживленная и скороговоркой извинилась:

– Прошу прощения, у меня очень интересный офицер. Вы разделите с ним компанию? Посидите немного, и я его вытурю.

Но Кузнецов знал, кто пришел, и подал из другой комнаты голос:

– Вер дорт? (Кто там?) – важно спросил он.

– Ах, Пауль Зиберт, – обеспокоенно воскликнула Лисовская. – Это мой кузен приехал в гости.

– А-а, кузен? Битте, битте! – отозвался Пауль Зиберт. – Кузен?... – переспросил он, выходя в гостиную, и, уставившись на Гнидюка пронизывающим взглядом, подозрительно заметил:

– Кузен? Хабен зи документ? – потребовал Зиберт.

– Яволь, герр офицер! – с готовностью ответил Гнидюк. Ему вдруг сделалось смешно. Но, однако, он продолжал игру. Вынув свой аусвайс, Гнидюк с готовностью показал его офицеру. Пауль Зиберт пробежал удостоверение глазами и воскликнул:

– Костополь?! Партизан? Ду бист партизан?! – приступил с допросом к гостю хозяйки пришелец-офицер.

Лисовская не на шутку встревожилась. Всплеснув руками, она начала разубеждать:

– Да нет же, господин Зиберт! Это мой кузен. Я его хорошо знаю!

– Век! – прикрикнул на хозяйку обозлившийся офицер и сунул документы Гнидюка к себе в карман, предупредил:

– Завтра явитесь ко мне в гестапо! Я проверю, какой вы есть кузен!

– Я его знаю, прошу вас, герр офицер, отдайте ему документы... – с просительного тона Лисовская перешла уже на умоляющий. Последнее подействовало на немца.

Хозяйка быстро собрала на стол. И грозный офицер подобрел. Он даже пригласил «кузена», на которого только что кричал, к столу и предложил выпить «за победу нашего оружия».

Так началось знакомство Пауля Зиберта-Кузнецова с загадочной официанткой офицерского казино.

Кузнецов продолжал ходить в гости к Леле – Лисовской – как немецкий офицер, а Гнидюк – как партизан. Проверка Лидии Лисовской подходила к концу. Разведчики убедились, что имеют дело с человеком, который действительно всем сердцем хочет помогать в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками, что Леля сотрудничает с гестапо по заданию советского командования.

– Лидия Ивановна, – рассказывает бывший партизан-разведчик Н. Я. Гнидюк, – начала работать под руководством Николая Ивановича. Работала Лисовакая в разведке очень плодотворно и сделала не меньше других разведчиков.

Счет открыт

После того, как партизаны сожгли в Цуманских лесах охотничий замок Коха, перепуганный гауляйтер поспешно убрался в Кенигсберг. У резиденции палача бешеными темпами началось строительство двух бомбоубежищ с бетонированными перекрытиями толщиной в двенадцать метров!

Советский разведчик-боевик, получив директивы командования, переходит к действиям. Кровавого Коха в городе нет. Но здесь остался его заместитель по политической линии – штатенпрезидент генерал Даргель. Нужно было уничтожить его.

На легковой машине «оппель-кадет» Пауль Зиберт отправился на охоту за «идеологом» нацистов. За рулем сидел Николай Струтинский, вторым пассажиром – партизан Иван Калинин

с автоматом наготове.

Когда «оппель», мягко шурша шинами, плавно остановился в центре города, недалеко от резиденции гауляйтера, в рейхскомиссариате и других учреждениях начался обеденный перерыв. Кузнецов бросил взгляд на часы:

– Сейчас появится. Немцы – народ пунктуальный.

Генерал Даргель, по наблюдениям разведгруппы, в обеденный перерыв часто ходил домой на обед. Его сопровождал адъютант, который нес неизменную коричневую папку. Остановка машины в центре города, в запретной зоне, вблизи резиденции Коха могла вызвать неудовольствие охраны. Здесь проходили члены фашистского правительства оккупированной Украины. Район был насыщен агентами гестапо. Поэтому шофер выскочил из машины, приоткрыл капот и начал там постукивать ключами. Офицер со скучающим видом, стоя у машины, покурил сигару. Что поделаешь! Остановились случайно. «Оппелю» потребовался ремонт, а шофер напрашивается получить хороший нагоняй за халатное отношение к службе. Второго пассажира с улицы почти не видно. Он сидит в глубине авто.

Генерал появился на перекрестке неожиданно. Высокий, сухопарый, он размеренно шагал по тротуару. Рядом с ним адъютант с коричневой папкой. (Все приметы налицо!) Таким Даргеля и описывала Валя Довгер.

Когда генерал показался, Николай Иванович сказал по-русски:

– Идет!

Генерал обратил внимание на офицера и шофера, стоявших у автомобиля. Это была первая мелочь – ошибка в начале операции. Нервная система разведчика была напряжена до предела! Впервые среди бела дня в центре фашистского муравейника он должен был расстрелять матерого палача.

Кузнецов коротко бросил Струтинскому:

– Заводи машину!

Струтинский быстро сложил ключи, кинул в ящичек – и за руль!

«Вж-жжи-и!» – заскрежетал вхолостую стартер, но мотор не работал. Еще раз отчаянно нажал на стартер. Машина по-прежнему молчала. Генерал уже скрылся за углом.

Кузнецов недовольно взглянул на шофера, но, заметив, что он начинает нервничать, спокойно сказал:

– Я, Коля, пойду, а ты следуй за мной.

Вышел из машины и быстро пошагал в сторону, куда ушел Даргель.

Струтинский – к капоту. Пошарил глазами в моторе. Так и есть! Когда возился под капотом для отвода глаз, задел, видимо, рукавом краник бензопровода и перекрыл горючее. А, черт!..

Мотор взревел, и «оппель» рванулся с места, как бешеный конь. Струтинский в горячке так разогнал машину, что, когда впереди вдруг вырос человек, нажал что есть силы на тормоз. «Оппель» остановился чуть не в полуметре от генерала и его адъютанта, пересекавших перекресток.

К опешившему генералу подскочил обер-лейтенант (это был Кузнецов), за ним кинулись другие офицеры, агенты в штатском – все, кто шел в это время следом за генералом и был очевидцем происшествия. Офицер-гестаповец уже открывал правой рукой кобуру: шутка ли в деле! Какой-то шофер чуть было не задавил генерала.

Первым закричал на Струтинского пришедший в себя генерал:

– Куда прешь, негодяй! Ты, что, не видишь?...

В воздухе повисли возмущенные крики.

Струтинский побелел. «Провал! Операция сорвана. Возьмут или не возьмут? Как будет действовать Зиберт?» – эти мысли молнией пронеслись в его голове. Он клял себя за оплошность.

Но Кузнецов кинулся к Струтинскому и, потрясая кулаком, начал осыпать его отборными ругательствами. Тут он использовал немецкий язык как следует! Кричит: «Как ты смел, негодяй, подвергать опасности жизнь генерала?» Шофер стоит перед обер-лейтенантом Зибертом навтыжку, по стойке «смирно», как и полагается немецкому солдату.

Кузнецов поворачивается к генералу и убедительно просит:

– Герр генерал, примите мои глубочайшие извинения, извинения офицера-фронтовика. Шофера же я накажу, чтобы он впредь не дремал за рулем.

Все разошлись. Генерал удалился вперед по тротуару, в сторону своего особняка. Немного погодя, Кузнецов негромко сказал Струтинскому:

– Коля, я иду за ним! Когда буду рядом, ты сразу подгоняй машину.

Он быстро зашагал следом и снова оказался рядом с генералом. Когда машина поравнялась с ним, Кузнецов выхватил вальтер и в упор расстрелял «рейхснемцев». Первым упал генерал, на него повалился адъютант с папкой...

Струтинский открыл переднюю дверку. Кузнецов прыгнул в машину и коротко бросил:

– Жми!..

Дорогой, когда машина вырвалась за город, он спросил с интересом:

– Ну, как, Коля, уничтожены они?

– Безусловно, – ответил Струтинский и добавил; – Надо же было так рисковать, Николай Иванович. Ведь можно было отложить операцию на завтра. Ведь не умер бы этот генерал, дождался нас!..

– Ты, Коля, должен уже знать мой принцип: что против врага можно сделать сегодня – не оставляй на завтра! Даргель, уничтоженный сегодня, – это прелюдия к Коху!..

С нетерпением ждал Кузнецов известия о результатах акции.

На другой день подпольщики переслали в отряд националистическую «Волынь». Под крупным заголовком «Гибель руководящих сотрудников рейхскомиссариата Украины» в некрологе сообщалось, что 20 сентября 1943 года в 13.30 на улице Шльос в Ровно были убиты руководитель главного отдела финансов при рейхскомиссариате Украины министерский советник доктор Ганс Гель и кассовый референт, старший инспектор управления Адольф Винтер.

Итак, ошибка. Вместо одного генерала убит другой, похожий на него. И Кузнецов вспомнил, что поторопился, пренебрег условленным сигналом. Следом за Даргелем должна была идти Довгер. А ее не было.

– Что ж, буду спрашивать фамилию перед тем, как пустить пулю в палача, – пообещал Кузнецов.

Но счет был открыт. Охота за палачами, деятелями генералитета началась.

В неудавшемся покушении на генерала Даргеля была одна мало приметная деталь. Рядом с генеральской фуражкой рейхснемца гестаповцы обнаружили кожаный бумажник. Его содержимое: записка-обращение, которое напоминало, что пора от слов переходить к делу, иностранная валюта, золотые коронки и фотографии оуновцев сделали свое дело. Гестапо обрушило свой гнев на главарей украинского буржуазного национализма, и отребье «самостийников» на собственной шкуре испытало «новый порядок». Коричневые фашистские пауки ели своих собратьев. Кстати, заметим, бумажник, сыгравший «обличительную» роль против украинских бандитов, презренных наемников фашизма, был реквизирован партизанами у одного из главарей ОУН. Главарь прибыл с инструкциями из Берлина и был захвачен медведевцами.¹⁶

Мститель

Прошел десяток дней после убийства имперского советника Геля. Недалеко от места, где был расстрелян деятель рейхскомиссариата, у особняка на Шлосштрассе остановился автомобиль. Из него вышел немецкий офицер. Он встретил шедшего на обед заместителя Коха штатенпрезидента Пауля Даргеля и его адъютанта. Офицер (это был Кузнецов) выхватил гранату и метнул в генерала.

– Вы любите поучать своих солдат-завоевателей, что человеческая жизнь на оккупированной территории стоит меньше, чем ничто!.. Получай, кровавый янычар!

Даргель, увидев надвигавшуюся на него смерть, с не свойственной для его возраста

¹⁶ По рассказу Н. В. Струтинского.

легкостью плюхнулся в кювет. Раздался взрыв. В этот момент что-то ударило в руку разведчика-боевика, и кровь ручейком поползла из-под рукава. Нужно перевязать рану, но до нее ли – кругом враги!

Машина на большой скорости мчалась по улицам города.

Ослабевший от потери крови Кузнецов по прибытии в лагерь явился к командиру и четко доложил о том, как протекала операция по уничтожению фашистского палача. Медведев заметил необычайную бледность на лице Кузнецова.

– Что с вами, Николай Иванович? – спросил он.

– Я ранен осколком гранаты... Граната ударилась о бровку тротуара, и «гостинец» задел меня.

– Немедленно к доктору!..

Партизанский врач, осмотрев рану, нащупал осколок гранаты. Его необходимо немедленно удалить. Осколок лежит острым краем на самой артерии. Это очень опасно. Врач предлагал сделать обезболивающий укол перед тем, как произвести разрез и удалить осколок. Но ослабевший от потери крови разведчик не соглашался. Ему трудно. Однако, сжав зубы, Кузнецов просит:

– Режь так!..

Уговаривать бесполезно. А каждая минута промедления опасна для раненого. И врач делает операцию. И без того бледное лицо Кузнецова еще больше белеет, на скулах появляются желваки. Но он улыбается каким-то своим мыслям.

После операции доктору не терпится узнать, где был разведчик, кем ранен. Кузнецов скупно роняет слова:

– Выполнял народный приговор, бросил гранату в одного сатрапа. Результат гитлеровцы должны сказать завтра. Подождем газеты.

– Но почему вы не разрешили сделать обезболивание?

Усмехнулся:

– А если я вдруг попаду в руки гитлеровцев, в руки гестапо? Там ведь не будут делать такие уколы. Вот и хотел испытать – вытерплю ли боль...

Но гитлеровцы на этот раз умолчали о покушении на Даргеля.

Выстрелы и взрывы в центре города, дерзкие акты возмездия над чинами военной администрации оккупационных властей вызвали среди гитлеровцев панику. Днем в самом центре столицы оккупированной Украины, рядом с резиденцией рейхскомиссара неизвестный в форме офицера вермахта уничтожает представителей генералитета и безнаказанно уходит с места преступления. Кто он, этот неуловимый террорист?

В городе усилен полицейский режим, произведены массовые аресты (из боязни налета партизан), особенно среди освобожденных военнопленных. Усложнились условия работы разведчиков. Фельджандармерия и тайные агенты гестапо на улицах и перекрестках дорог тщательно, почти на каждом шагу, проверяют документы. Патрули назначаются только из немцев. С шести часов вечера движение по городу прекращается; на окраинах Ровно выставляются засады с пулеметами. По улицам патрулируют несколько бронемашин и танков, часть из них в состоянии боевой готовности находится у рейхскомиссариата.

...Фашистская разведка пронюхала через своих агентов о месте расположения партизанского отряда. Кох, взбешенный действиями народных мстителей, приказывает беспощадно жечь села и хутора, уничтожать всех, кто заподозрен в связях с партизанами. «Все будет оправдано фюрером и богом! – поучал он. – Я выгоню из этой страны всех, вплоть до последнего человека! – кричал рейхскомиссар, брызгая слюной, на совещании командующих. – Я пришел сюда не для того, чтобы изливать благодать»...

Это был призыв к тотальному истреблению русских, украинцев и поляков, «противившихся германскому государству».

Командующий карательными войсками генерал Ильген по приказу Коха разрабатывает операцию против партизанского отряда полковника Медведева. В Ровно по вызову Коха была послана специальная экспедиция карателей во главе с генералом Пиппером – «мастером смерти», как его прозвали фашисты. Молодчики Пиппера огнем и мечом прошли по многим городам и селам в европейских странах, там, где отряды сопротивления выходили на

смертельную борьбу с гитлеровскими захватчиками.

Расчет карателей был прост. Встречая праздник седьмого ноября, партизаны перепьются. Ранним утром их можно будет взять голыми руками... «Надеюсь, восьмого ноября я смогу лично побеседовать с командиром партизан. – Этого «медведя» вы должны доставить мне живым!» – заявил фон Ильген.

Планы карателей стали известны советским разведчикам. Хвастливую болтовню Ильгена подслушала Лидия Лисовская, которая по заданию нашей разведки устроилась работать у фон Ильгена экономкой.

О коварном замысле гитлеровцев узнал и Кузнецов, разговорившись в ресторане с одним жандармским офицером. После обильного угощения тот проболтался разведчику об операции, в которой будет участвовать.

В отряд полетело предупреждение.

...Пришедший в Ровно разведчик Лисейкин нашел Бурима и передал ему приказ командира Медведева немедленно явиться в отряд.

Бурим отправился в центр города в надежде увидеть Кузнецова. Ему повезло. На одной из улиц он встретил знакомую машину. За рулем сидел Струтинский. Кузнецов, заметив Бурима, взмахнул рукой. Это означало: следуй на квартиру. Бурим так и сделал. Вскоре прибыл и сам Кузнецов.

– Что случилось? – спросил он.

– В город прибыл Лисейкин. Мне приказано завтра направиться в отряд.

– Завтра ты сначала перекрасишь машину, а потом мы доставим тебя под самый «зеленый» маяк,¹⁷ – заявил Кузнецов.

Ранним утром на другой день, выполнив поручение, Василий Бурим вышел за город в надежде, что Кузнецов и Струтинский скоро нагонят его в пути. Но позади оставалось уже километров шесть, а машина не показывалась. Наконец послышался шум мотора. Это был Струтинский. Почти на ходу Бурим втиснулся в авто.

В машине, кроме Бурима, находились еще три пассажира: Лисейкин, мать и отчим партизана Петра Мамонца. Шесть человек! А машина рассчитана на четверых. Незаметно проехали Млыновское шоссе и выбрались на асфальт автомагистрали Ровно – Луцк. Казалось, теперь машине будет легче. Но проехали еще километров десять, и мотор автомобиля надсадно загудел.

– Лопнет! – засмеялся Бурим.

– Что? – спросил Струтинский.

– Лопнет мотор.

– Не бойся, – в тон Буриму шутливо ответил Коля Струтинский. – Разве мало у немцев машин?! Лишь бы у тебя краски хватило!

Авто с партизанами вскарабкалось на горку. И здесь все шестеро увидели, что по обе стороны шоссе идут каратели, прочесывавшие близлежащие к дороге хутора. Буриму стало не по себе. А вдруг немцы остановят машину?...

Кузнецов взглянул на Бурима, заметил его волнение и сказал, показывая в сторону карателей:

– Если они, Вася, придерутся к нам, так мы им такой концерт устроим, что фрицы и в Берлине о нем рассказать не сумеют!.. – Высунувшись в окно машины, Кузнецов начал напевать: «Ля-ля-ля!» – о какой-то пастушке, собирающей цветы для своего жениха.

Поведение разведчика вернуло Буриму спокойствие, и он весело отозвался:

– С вами, ребята, и погибать не страшно.

Но это уже было лишним. Слова Бурима услышала мать Петра Мамонца и перепугалась. Пришлось успокаивать женщину.

Кузнецов, оставаясь по-прежнему невозмутимым, снова полушутя обратился к Буриму:

– Сбрось фуражку, если уж не на немца, так хотя на голландца будешь похож!.. – И,

¹⁷ Зеленый маяк – скрытый партизанский пост в лесу, через который проходили люди, направлявшиеся в партизанскую зону.

высунувшись из окна, подставив лицо бодрому осеннему ветерку, продолжал напевать немецкую песенку.

Каратели не обратили на машину никакого внимания.

Автомобиль благополучно проехал до окраины леса, и «пассажиры» следом за Лисейкиным поспешили на маяк, а Кузнецов со своим неразлучным другом Николаем Струтинским отправились обратно в Ровно.

На маяке группу встретили партизаны во главе с Борисом Сухенко. Прибывших усадили у тлеющего костерка и насели с расспросами. Партизанам не терпелось узнать, как живут советские люди в городе, как ведут себя оккупанты. Долго в ту ночь сидели они. Люди партизанской заставы, несмотря на тяжелые условия, жили дружно, как родные братья, неусыпно несли свою службу.

Наутро к маяку прибыла большая группа партизан, и Бурим вместе с ними и своими спутниками двинулся в далекий путь – к отряду. Пришли на стоянку только под вечер. Переночевали в палатке штабной разведки, а утром в сопровождении Лисейкина отправились в столовую. Не успели сесть за стол, как лес застонал от выстрелов и разрывов гранат. Начался бой с карателями, подошедшими к лагерю.

Нападение карателей не было неожиданностью для партизан. Командование было осведомлено о готовящейся операции, и когда Пиппер со своими головорезами появился недалеко от лагеря медведевцев (в деревне Берестяны), партизанская разведка уже знала силы противника и маршрут его следования. Партизаны приготовились к обороне. У лесных завалов карателей встретили пулеметным и автоматным огнем.

Силы врага превзошли ожидания. Пиппер привел с собой два берлинских полицейских полка, роту СС из штурмовой бригады, части 14-й гренадерской дивизии СС «Галичина» и другие подразделения. На партизан обрушился смертоносный груз авиация, их начали обстреливать из пушек и тяжелых минометов.

Гитлеровцы старались потеснить партизан, чтобы, ворвавшись в лагерь, посеять панику, расколоть отряд и завершить разгром. Бой длился с раннего утра до позднего вечера. Исход сражения решила вовремя посланная к деревне Берестяны, во фланг карателям, рота Виктора Семенова. Партизаны, находившиеся в лагере, услышали пулеметную стрельбу и с криком «ура» бросились в атаку.

Не выдержав натиска, каратели бежали. В лагерь начали поступать трофеи: пушки, минометы, снаряды, патроны. Вечером шум соснового леса прорезали одиночные выстрелы: народные мстители выискивали и уничтожали заплутавших в лесу карателей.

Немногие из гитлеровцев, пришедшие «поохотиться на русского медведя», унесли свои ноги. Большинство осталось лежать в могучем лесу. Здесь наконец нашел свою смерть черный головорез генерал Пиппер.

Вспоминая об этих днях, Василий Андреевич Бурим рассказывает:

«После победного боя меня вызвали в штаб и приказали отправиться в город и доложить разведчикам, подпольщикам о разгроме экспедиции карателей. Я вышел ночью, на второй день, 10 ноября 1943 года, был уже в Ровно. Дома застал Николая Ивановича. Веселый, оживленный, он встретил меня радостным восклицанием:

– Ну, Вася, как тебе понравился бой?! Дали «дрозда» фрицам, будут теперь знать, как в русский лес «по партизаны» ходить. Пошли по шерсть, а вернулись стрижеными!..

– Сотни их там, этих карателей, валяется в лесу, – подтвердил я.

– Знаю, все знаю от самих гитлеровцев, – отозвался Кузнецов. – Они уже два дня оплакивают своих головорезов».

Немецко-фашистская оккупация принесла на Украину неисчислимы страдания. Фашисты беспощадно расстреливали советских людей; военнопленные красноармейцы умирали в лагерях от холода, голода, болезней и изнурительной работы.

Завоеватели грабили плодородную украинскую землю, вывозя хлеб, мясо, масло и сало, грабили фабрики и заводы, отправляя в Германию промышленное оборудование. В одной из своих победных реляций гауляйтер Кох доносил, что за два года оккупации с Украины было вывезено для нужд фатерлянда продукции сельского хозяйства и промышленности на несколько миллиардов марок. В Германию на фашистскую каторгу было отправлено свыше

миллиона человек. (Эти и некоторые другие данные взяты авторами из материалов Нюрнбергского процесса над гитлеровскими преступниками и польской прессы, освещавшей суд над Эрихом Кохом в 1958–1959 гг.).

Грабежом местного населения, природных ресурсов и национальных богатств Украины ведал заместитель рейхскомиссара по общим вопросам, руководитель конторы «Пакетаукцион» генерал Герман Кнут. Его любили в гестапо: он был известен как деспот и человеконенавистник. За муки и слезы людей генерал-грабитель должен был понести суровую кару.

...С помощью офицера рейхскомиссариата (это был голландский коммунист, выдававший себя за немца) установили, в какое время генерал Кнут должен выехать из своей конторы.

Кузнецов и Струтинский поставили свою машину метрах в пятидесяти от небольшой улочки, по которой Кнут в автомобиле должен проехать на главное шоссе. Трое участников операции: Кузнецов, Струтинский и голландец были в военной немецкой форме, а четвертый – разведчик Корицкий – в штатском.

Первым заметил автомобиль генерала голландец. Но, бросая гранату, он замешкался и промахнулся. Выручил Кузнецов. Его граната попала в лобовое стекло и разнесла передок «оппель-кадета». Машина, проскочив несколько метров, ударилась в забор. «Для порядка» разведчики прошили «оппель-кадет» выстрелами. Через какие-то доли минуты группа сидела уже в «адлере». Машина несла боевиков... в центр города. На военных складах, находившихся недалеко, поднялась стрельба.

Изобретательный разведчик Николай Иванович Кузнецов только дважды повторил один и тот же прием покушения на немецких военачальников. На этот раз все было сделано по-другому. В акте возмездия участвовало несколько человек. Приметы всех, описание трех военных (тем, кто их мог заметить) сделать было трудно. Скрываясь, Кузнецов не поехал за город, он знал, что у всех застав дежурят патрули и контрольные посты фельджан-дармерии. «Адлер» затерялся в городе. Разведчики укрылись на квартире у Яна Каминского.

Так был совершен еще один акт возмездия.

Оценивая действия народного мстителя, уместно напомнить слова, которые были сказаны в этой связи командиром отряда полковником-чекистом Медведевым. Речь идет «...не о храбрости, а о чем-то несравненно более высоком – о способности человека к самопожертвованию, к обдуманной, сознательной гибели во имя патриотического долга... Кузнецов находился к тому же в исключительно сложных условиях, требовавших для совершения акта самопожертвования гораздо больших душевных сил, чем обычная боевая обстановка. В бою человек, идущий на подвиг, чувствует локоть товарища, слышит вдохновенное, захватывающее «ура!», он охвачен тем общим воодушевлением, подобием азарта, что неизменно возникает в атаке. Но за линией фронта, в оккупированном городе человек идет на подвиг один в стане врагов. Здесь ничто не стимулирует этот подвиг, кроме мыслей и чувств самого человека. Каков же должен быть строй этих мыслей и чувств, чтобы в этих условиях совершенно сознательно, преднамеренно, по заранее разработанному плану, совершить акт возмездия...»

Советская Армия успешно развивала наступление. Предвидя изменение обстановки в городе, Кузнецов в ноябре сорок третьего года выполняет несколько сложнейших операций.

Служба безопасности сбилась с ног, отыскивая неуловимого мстителя. И уходить от врагов с каждым днем становилось все труднее и труднее. Кузнецов и Струтинский не раз замечали, что во время проверки на контрольно-пропускном пункте или в дороге военным патрулем немцы записывали номер их машины. Это означало, что гитлеровцы быстро сносились с военными организациями и ведомствами и проверяли, есть ли там машина с номером, подобным номеру «адлера», на котором раскатывает гауптман Пауль Зиберт.

Кузнецова и его друга Струтинского в таких случаях не раз выручала выдержка и хладнокровие при встрече с врагом лицом к лицу. Отъехав на безопасное расстояние от патруля, Струтинский останавливал «адлер» и менял номера у машины. На пропускном пункте города ждали «адлер» серого цвета с номером «ВН2-32-12», но автомобиль с подобным номером не проходил. Вот почему машины Пауля Зиберта так часто меняли свои «приметы»: и цвет, и номера.

Разведчик Кузнецов ходил по острию ножа. Его частые наезды в город показались одному из офицеров рейхскомиссариата подозрительными, и тот решил, что гауптман Пауль Зиберт сотрудник английской разведки. Пришлось Кузнецову убрать со своего пути «любопытного» немецкого офицера.

Каждый час, каждую минуту разведчик должен находиться в состоянии боевой готовности, быть начеку. Он подвергается непрерывной опасности. Но это еще не все. Кузнецов работал в оккупированном советском городе в мундире гитлеровского офицера. И как же было трудно ему носить личину фашистского поработителя, выступать перед родными советскими людьми, перед соотечественниками, стонавшими под ярмом оккупации, в роли ярого врага своей Родины и народа!..

В Ровно с ним произошел такой случай.

...По главной улице города – Немецкой – с гордо поднятой головой и видом довольного своими успехами в жизни человека дефилировал, «печатая шаг», гауптман, его сопровождали два хорошо одетых господина. Одного из них многие в городе знают как крупного коммерсанта Яна Багинского, о другом кое-кто поговаривает, что человек с живыми пронзительными глазами – агент гестапо.

Самодовольный гауптман вышагивал, не глядя по сторонам, и случайно, не заметив встречную старушку, толкнул ее. Старушка споткнулась, упала... Заметив это, гауптман порывисто обернулся, маска надменности и холодного презрения к окружающему вдруг сошла с его лица, будто растворилась. Он сделал движение к старушке, чтобы помочь ей подняться.

Два господина, шедшие с офицером, почти одновременно коснулись его локтя. Кареглазый, коренастый «господин» предостерегающе шепнул:

– Николай Иванович! Что вы?! Фашист-офицер не будет поднимать какую-то старушеницу.

Гауптман, продолжая прогулку, пошагал дальше. А старушка привстала и голосом, полным отчаяния, обиды и слез, пробормотала ему вслед:

– Эх, вы!.. Ироды. Моего сына убили да еще меня, бедную, не оставляете здесь в покое. За что сбили с ног?

Аль я вам помешала?... Щоб у вас очи повылазили! Щоб ваша маты бильше вас не бачила!

Тогда Кузнецов остановился и говорит:

– Я не могу, не могу!.. Мне хочется подойти к ней и поцеловать. Это ж наша, советская женщина!.. Нет, не могу я больше! Приду в отряд и попрошу автомат. Буду драться, как все, как наши партизаны. Надоела мне эта форма, надоела мне эта фашистская шкура!..

– Николай Иванович, но ведь у нас никто другой не сделает то, что делаете вы. – Начал было разуверять Кузнецова «господин Багинский» – разведчик Гнидюк.

– Я прекрасно понимаю все, – прервал его Кузнецов. – Но если бы вы, хлопцы, знали, как мне тяжело...

Это был единственный случай, вспоминают бывшие партизаны, работавшие вместе с легендарным разведчиком, когда Николай Кузнецов вышел из ненавистного ему образа и потерял самообладание.

В тот же день разведчик уехал в лагерь. Нужно было отдохнуть. Здесь, в лагере, он мог размотаться. Это значило, что человек, прошедший многие сутки среди врагов, живший там на предельном напряжении нервов, мог позволить себе передохнуть, отвлечься, спокойно поспать.

После доклада командиру Кузнецов прошел в штабную палатку. Вечерело. Тени уже окутывали землю. В чуме, где жили радистки, слышался грустный малиновый перезвон гитары. Девчата пели о далекой недостижимой любви, о нежной девичьей улыбке и глазах... В стройный мечтательный хор вплелся красивый мужской тенор.

«Парни в гостях», – мысленно отметил Кузнецов, засыпая.

А песня крепла, ширилась и, будто выпорхнув из чума на крыльях, поплыла в осеннем воздухе над лагерем.

До тебя мне дойти нелегко,

А до смерти – четыре шага...

Николай Иванович любил эту песню. Она так о многом говорила ему!..

«Ухожу и... забираю генерала...»

Улица Млынарова, 5. Особняк генерала, обнесенный в два ряда колючей проволокой, напоминал крепость. У ворот ходил часовой. Мимо особняка раз, другой с небольшими промежутками промчался серый стремительный «адлер». Гауптман, сидевший рядом с шофером, бросил мимолетный взгляд в глубь двора.

– Его все еще нет дома, – невозмутимо заметил Зиберт. – Штора в угловом окне спущена...

«Вдруг нашей Лели там сейчас нет. Вдруг предательство!» – подумал шофер, напряженно сжимая баранку руля.

– А крепко трусят гансы, – не только въезды в город перегородили козлами и шлагбаумами, но и дома свои попутали окопной проволокой! – усмехнулся гауптман.

– Мне жаль своих соплеменников! – наигранно воскликнул офицер в расшитой золотом форме офицера РКУ (рейхскомиссариата), находившийся на втором сиденье. Его коллега, тоже офицер рейхскомиссариата, и все сидевшие в машине, как ни в чем не бывало, рассмеялись.

...И вот наступил самый ответственный момент. Гауптман, высокий, подтянутый, с орденами «Железного креста» первого и второго класса и медалью на груди, уверенным шагом кадрового военного направляется к дому, мимо часового.

– Герр генераль ист цу хаузе?,¹⁸ – небрежно бросает он часовому.

– Господин офицер, я из РОА,¹⁹ власовец, немецкий язык не понимаю.

Гауптман брезгливо махнул рукой и направился в особняк мимо оторопевшего часового. Следом за ним – два офицера рейхскомиссариата и солдат. Через три минуты русский денщик генерала казак Мясников и солдат, охранявший особняк, были обезоружены «гостями». На месте часового у ворот встал «солдат-немец», шофер гауптмана. Гости терпеливо ждали генерала, который должен был прибыть на обед, но он все не появлялся. Денщик и часовой испуганно посматривали на прибывших. Кто они?

– Мы партизаны! Поможете нам – будете жить, – заявил гауптман-Кузнецов арестованным. – Иначе разговор будет коротким...

Экономка генерала – это была Лидия Лисовская – вместе со своей сестрой Мариной Микотой, вынесли в гостиную два чемодана, в них заранее были уложены личные вещи фон Ильгена, в том числе автомат, пистолет.

– Генерал знает меня в лицо. Скоро смена караула, – подсказал гауптману часовой-власовец, сидевший под арестом.

Это значило, что «гостей» могут преждевременно узнать.

– Дозвольте мне снова на пост, – попросил казак.

Гауптман разрешил. Он приказал снова переодеть бывшего часового. Это был риск. Но Кузнецов знал, что власовцы прекрасно понимают: либо они сегодня искупят свою вину за предательство Родины, либо... Когда гауптман объявил власовцам, что перед ними партизаны, это поразило наемников, как током. Денщик начал оправдываться: «Мы насильно мобилизованы... Мы бы рады податься в партизаны...»

Казак-власовец на посту с винтовкой – правда, патроны из магазина предусмотрительно были вынуты – в волнении начал ходить взад-вперед. А следом за ним – «немецкий» солдат (это был Николай Струтинский). Заметив волнение часового, он, зло сверкнув глазами, прикрикнул на русском языке, с заметным украинским акцентом:

¹⁸ Господин генерал дома?

¹⁹ РОА – русская освободительная армия – формирования генерала-предателя Власова.

– Какой ты моторный! Не суетись... Вздумаешь ежели пакость выкинуть – шлепну первой же пулей!

А минуты идут и идут. Они решают счет начавшейся схватке. Провожая Кузнецова на задание, командование отряда предупредило: «Генерал-майора фон Ильгена, командующего особыми войсками при штабе генерала Китцингера, либо расстрелять, либо взять живым».

– Будем брать живым, – решил тогда Кузнецов. – Интересно, как поведет себя «прославленный» каратель...

– Помните, Николай Иванович, вы снова выступаете в роли дирижера, – напутствовал его заместитель командира по разведке чекист А. А. Лукин. – Поэтому не забывайте: хладнокровие, хладнокровие и еще раз хладнокровие, помноженное на трезвый расчет.

В намеченной операции, казалось, было предусмотрено все: охрана особняка ослаблена, адъютанты генерала повезли своему шефу домой в Германию награбленное в оккупированной Украине добро; каждый знал, кто чем будет занят, кого будет брать, за кем смотреть, кого охранять... И вот Кузнецов еще раз убедился, что разведчик не музыкант. Свои встречи с противником он не разыгрывает по нотам. Ему всегда приходится импровизировать, искать из многих решений одно, наиболее верное: ведь за ним успех операции, жизнь не одного человека! «Когда партизан отклоняется от предписаний, случайности растут, как снежный ком, несущийся с горы. Возможности провала увеличиваются», – не раз напоминали об этом в отряде, идущем на задание...

И все же лучше слишком рано, чем слишком поздно! Ильгена нужно дождаться во что бы то ни стало.

– Генерал! – сообщила Лидия Лисовская.

Это было в начале шестого. Черный «мерседес» остановился у особняка.

«Пожалуйста, стервятник, в свою клетку...» – мысленно отмечает гауптман. (Он и с ним двое других офицеров стали за дверь в коридоре наготове).

Взревев мотором, «мерседес» ушел от особняка. Лидия Лисовская поспешила навстречу генералу, помогла снять шинель. Фон Ильген был в веселом настроении и шутил.

В следующее мгновение он услышал за спиной голос, обернулся и увидел гауптмана с вальтером в руке.

– Изменник! – рявкнул ошарашенный генерал и схватился за кобуру пистолета. Ильген, здоровый мужчина лет сорока пяти, с бычьей шеей борца, бросился на Кузнецова. С фашистским генералом пришлось выдержать короткую борьбу. Взбешенный, он яростно сопротивлялся, прокусил Струтинскому руку, который толкал ему кляп. На помощь партизанам пришел денщик фон Ильгена Мясников.

– Знаете, кто мы? Мы советские партизаны, – объявил поверженному генералу «немецкий гауптман». Генерал бессильно замычал в ответ и бешено повел глазами. – Если будешь молчать, – продолжал Кузнецов, – через двое суток приземлишься в Москве. Небось, ведь рвался к ней, хотел прошагать по ее улицам победным маршем! Не вздумай больше ерепениться, убью на месте, как собаку!..

Генерал перевел взгляд на молоденького солдата в немецкой форме и прочитал в суровых, полных гнева глазах парня приговор судьбы...

«Офицеры рейхскомиссариата» Ян Каминский и Мечислав Стефанский первыми вышли из особняка с портфелем, в котором были собраны особо важные документы генерала, Струтинский и денщик Мясников вынесли к машине чемоданы фон Ильгена и парадную генеральскую форму.

Фон Ильген (руки связаны за спину, с кляпом во рту) в сопровождении Кузнецова вышел из особняка. В кабинете генерала денщик оставил записку, написанную под диктовку Николая Кузнецова: «Спасибо за кашу. Ухожу к партизанам и забираю генерала. Смерть немецким оккупантам! Казак Мясников».

Гауптман крепко поддерживал генерала под руку. Нужно еще мгновение. Только бы не появился кто из фашистских офицеров!.. Тогда помощи ждать неоткуда.

– Скорее, смена идет!

Это крикнул, кажется, казак-часовой.

Сделав резкое движение, Ильген сумел освободить одну руку, вытолкнув кляп, заорал во

всю мочь:

– Хильфе! Хильфе!..²⁰

Руки генерала теперь развязаны. Он бьется отчаянно, остервенело, Кузнецову нанес удар кулаком в лицо. Каминского сильно пнул ногой в живот, а Стефанского ударил в челюсть, сбил с ног... Видно было, что в молодости Ильген занимался боксом.

Кузнецов, Струтинский и Ян Каминский мгновенно скрутили генерала. Стефанский ткнул в рот немцу кляп. Тот озверело, по-волчьи ухватил Мечислава за палец... Пришлось «успокаивать» генерала рукояткой пистолета. Едва успели партизаны закрыть генералу лицо, набросив Ильгену на голову полу его же мундира, а к машине уже спешили, привлеченные криком, несколько немецких офицеров, они проходили в этот момент поблизости. Предосторожность Кузнецова, давшего команду прикрыть генерала, была своевременной. Многие офицеры в Ровно знали Ильгена в лицо.

Схватка шла около особняка генерала, поэтому гитлеровцы, приближаясь к месту происшествия, схватились за пистолеты:

– Что здесь происходит?

Мгновение решало все. Кузнецов, одернув мундир, стремительно направился к немецким офицерам.

– В чем дело, господа? – зычно крикнул он. – Почему остановились? Я офицер СД (в подтверждение этого в его руках блеснул гестаповский жетон). – Мы задержали красного бандита, который пытался проникнуть в особняк генерал-майора фон Ильгена. Господа! Вы тоже находитесь в зоне происшествия. Я должен задержать вас и доставить в гестапо.

Офицеры начали оправдываться, что они из рейхскомиссариата и к делу не причастны.

– Прошу предъявить документы, – приказал Кузнецов.

Быстро пробежал глазами офицерские удостоверения. В одном из них значилось: гауптман Гранау, личный шофер рейхскомиссара Эриха Коха.

– Господин гауптман, вы поедете со мной. – Кузнецов коротко записал сведения о других офицерах и объявил:

– Остальные могут быть свободны.

Тем временем Ильгена втолкнули в машину. В «адлер» сели Кузнецов, Гранау, Стефанский, втиснулись два казака. Каминский же остался без места. Это заметил Николай Струтинский.

Выскочив из машины и открыв багажник, он жестом показал: «залезай!»

Переполненный людьми «адлер», взревев мотором, тяжело двинулся, набирая скорость, по центральной улице города. Генерал, закрытый ковром, лежал в ногах партизан.

Смеркалось. Как лучше проехать? Струтинский – он сидит за рулем – бросает вопросительный взгляд на своего шефа: какими улицами выбираться? Струтинский не знает немецкого языка. Спрашивать ни по-русски, ни по-украински нельзя. Рядом восседает все еще вооруженный «свидетель»! Шофер сворачивает на окраинную улочку.

– Куда вы? СД совсем в другой стороне! – беспокойно восклицает встревоженный гауптман.

– Молодые гуси хотят вести старых на водопой, – недовольно отмахивается Кузнецов. – Вы правы, Гранау. Но мы тайный отдел СД.

Вырвавшись за город, «адлер» через час был близ села Новый Двор, на хуторе, у дома поляка-крестьянина Валентина Тайхмана. Деревья огромного сада закрывали дом от дороги. Здесь была одна из замечательных партизанских квартир. Кузнецов со Струтинский не раз тут перекрашивали автомобили, взятые «на прокат» у гитлеровцев.

Тайхман, отец девятерых детей, подошел к Николаю Ивановичу и спросил:

– Сколько «гусей» привезли, Николай Иванович?

– Двух. Один из них – коршун-стервятник.

– Мало, – досадливо махнул рукой хозяин квартиры. – Везите больше!

Кузнецов с довольным видом оглядел своих помощников: Николая Струтинского, Яна

²⁰ Помогите! Помогите!

Каминского и сказал с большим душевным подъемом:

– Да разве ж найдутся на свете такие силы, которые бы перебороли русских богатырей! Советских богатырей!..

Ильген, извлеченный из машины, и обезоруженный гауптман Гранау угрюмо поглядывали на партизан исподлобья, как затравленные волки. Они понимали, что их песенка спета.

Кузнецов повел плечами, разминаясь, и улыбнулся широкой, от доброй души идущей белозубой русской улыбкой.

Лицо его преобразилось – куда девалась холодная надменная маска гитлеровского офицера, прищур серых со стальным отливом глаз!

– Хорошо сработали, ребята! – довольно заметил он.

Телеграф спецслужбы оккупантов сообщил по всем городам Украины о том, что в Ровно среди белого дня похищены генерал– майор Ильген и личный шофер Эриха Коха – капитан Гранау.

Гестапо, СД и жандармерия подняли на ноги всю свою агентуру, пытаясь разыскать следы похищенного генерала, командующего «Остгруппен», восточными армиями особого назначения.

Долго гитлеровская служба безопасности разыскивала по всей Украине генерала Ильгена. Но никаких следов обнаружить не смогла.

Оба фашиста на хуторе Тайхмана нашли свою могилу.²¹

Казнь сатрапа

14 ноября 1943 года в мрачном трехэтажном здании немецкого верховного суда побывал светловолосый офицер. Охрана не обратила на него внимания. Офицер прошелся по коридорам здания, осмотрел расположение коридоров, комнат, ходы и выходы, мимоходом остановил свой взгляд на малоприметной двери, которая вела из помещения суда на тихую улочку Школьную.

Здание суда расположено в центре города. Одна его сторона выходила на Немецкую улицу, другая – на Парадную площадь. С высоты второго этажа светловолосый офицер глянул в окно. Напротив – парикмахерская. «На бойком месте разместился со своей канцелярией сатрап!» – с ненавистью подумал он и удалился. Это был Николай Кузнецов.

16 ноября рано утром «адлер» остановился метрах в шестидесяти от здания суда на улице Школьной. Из машины вышли два золотых «фазана», как называли офицеров, носивших форму РКУ,²² с фуражками, расшитыми золотом. Офицеры пересекли Парадную площадь и разошлись. Это были Николай Кузнецов и Ян Каминский. Каминский остановился на тротуаре, у парикмахерской. Николай Струтинский и партизан Иван Калинин, оставшиеся в машине, придвинули к себе автоматы и застыли в ожидании.

Так началась «охота» на очередного палача – наци-оберфюрера СС судебного президента оккупированной Украины Альфреда Функе. Любимец Гитлера, председатель национал-социалистского союза старшин, он был, кроме того, сенатс-президентом верховного суда в Кенигсберге, главным судьей СА группы «Остланд», чрезвычайным комиссаром. После оккупации Украины Функе выносил смертные «приговоры»-приказы, по которым фашистские янычары без суда и следствия истребляли советских людей. Это он, доктор Функе, отправил на мучения, пытки, расстрелы и виселицу десятки тысяч человек.

Решением командования партизанского отряда Кузнецов с товарищами должен был ликвидировать фашистского изувера.

...Участники операции знали, что Функе каждое утро бреется в парикмахерской, напротив здания верховного суда у одного и того же любимого им парикмахера Яна Анчака. Побрившись, ровно в 8 часов 50 минут утра педантичный Функе переходит улицу и

²¹ По воспоминаниям участников операции Н. В. Струтинского и Мечислава Стефанского.

²² В данном случае форма сотрудников рейхскомиссариата Украины.

отправляется к себе на работу в здание суда.

В то утро каждый шаг сатрапа был на учете народных мстителей. Как только в окне парикмахерской чуть приоткрылась занавеска, Ян Каминский, стоявший невдалеке, принял от мастера Анчака сигнал и сдвинул фуражку на затылок. Кузнецов, с достоинством дефилировавший по тротуару, знал, что означает сигнал Каминского: Анчак заканчивает бритье Функе.

По площади то и дело проходили военные. Кузнецову и Каминскому нужно было отвечать на приветствия, наблюдать за сигналами из парикмахерской, следить за встречными высшими офицерами, чтобы не нарушать правил уставной субординации и не навлечь на себя неприятности.

Текли напряженные минуты ожидания. Наконец, рука Анчака сдвинула на окне занавеску, что означало: «Герр Функе причесан, встречайте». Ян Каминский снял фуражку. Это был сигнал разведчику. «Функе идет».

Николай Кузнецов пересек улицу, прошагал мимо поста эсэсовцев у входа и скрылся за дверями здания. Глухо заурчал заведенный Струтинским мотор «адлера».

Войдя в коридор, Кузнецов встал за дверь. Отважный разведчик выбрал очень удачное время. Он был уверен, что дисциплинированные сотрудники верховного суда, безусловно, все до одного займут рабочие места за две-три минуты до прихода своего шефа, и необычное поведение посетителя-офицера не только не вызовет подозрения, но и никем не будет замечено. И все же он не был застрахован от случайностей.

Альфред Функе не заставил себя долго ждать. Но и эти считанные минуты для Кузнецова были полны томительного драматизма. Функе вошел, хлопнув дверью. В мгновение Кузнецов вскинул вальтер и в упор послал в судью-палача три пули.

К зданию в это время подъехал грузовик, в котором сидело десятка два эсэсовцев, и развернулся рядом с парадным ходом. Урчание мотора, однако, не заглушило пистолетных выстрелов. Эсэсовцы с удивлением уставились на здание суда, шаря глазами по этажам, не понимая, что там происходит. Из дверей, ведущих на улицу Школьную, вышел офицер в армейской, общевойсковой фуражке. Это был Кузнецов. Сразу же после расстрела Функе он сбросил пелерину, фуражку золотого «фазана» и одел спрятанную ранее под полкой фуражку пехотного офицера.

Свершился суд, скорый и правый.

Спустя две-три минуты в здании суда поднялась паника. В коридоре обнаружили труп обер-фюрера СС Альфреда Функе.

Так как из здания никто, кроме армейского офицера, уехавшего на сером «адлере», не выходил, эсэсовцы решили, что убийца – он. Поднятые по тревоге «черные солдаты» оцепили квартал, часть из них бросилась в погоню. В городе начались облавы, аресты. Эсэсовцам удалось по дороге нагнать серый «адлер», в нем сидел майор. Майор был схвачен, избит и отправлен в гестапо. Кузнецов же бесследно исчез.

То, что происходило на площади, наблюдал Ян Каминский. Он позже и рассказал обо всем виденном. Никто из участников этих двух крупнейших операций не пострадал.

Так в Ровно один за другим были уничтожены несколько сатрапов из числа верхушки гитлеровской военщины.

В первой половине декабря немецко-фашистская газета «Минскер цейтунг», выходящая в Стокгольме, сообщила, что недавно в своем служебном помещении был убит один из гитлеровских руководителей в городе Ровно обер-фюрер СС Альфред Функе.

Следует сказать, что Кузнецов мог уничтожить Функе и где-либо в другом месте, например, на улице. Это было легче сделать, требовалось только выбрать подходящий момент. Но советские разведчики решили уничтожить обер-фюрера СС в здании суда. И Кузнецов выполнил задание. Это было символично: впервые за долгое время оккупации в здание «верховного суда» в образе советского разведчика вошла справедливость и покарала гитлеровского палача.

В связи с убийством представителей генералитета в городе начались поголовные облавы, на всех улицах гитлеровцы выставили вооруженные посты. В отместку за убийство Функе, сообщала шведская газета «Афтонтиднинген», войска СС и гестапо расстреляли сто жителей

города. Кроме того, многие жители заключены в концентрационные лагеря.

На жестокость и подлость врага советские партизаны ответили новыми дерзкими акциями и налетами, актами мести над озверелыми фашистами.

14 ноября вечером партизан Шевченко бросил противотанковую гранату в окно здания немецкого казино. Было убито 7, ранено 20 гитлеровцев.

В ночь с 15 на 16 ноября партизаны Борисов, Серов и Будник, войдя в доверие к гитлеровскому офицеру, отправлявшемуся на железнодорожный вокзал с большим грузом (он ехал с награбленным добром в отпуск), пронесли две противотанковые мины и произвели взрыв вокзала. Здание обрушилось. Было убито 20, тяжело ранено свыше 100 человек, среди них много офицеров. После взрыва поднялась невообразимая паника. На железнодорожных путях стояли эшелоны. Немцы в ужасе выскакивали из них и бежали к соседней станции. Рядом, на Уманской улице, в это время находились грузовики с эсэсовцами. Они приняли солдат, бегущих со станции, за партизан и открыли стрельбу. Сражение между гитлеровцами длилось не менее получаса. После чего эсэсовцы и фельджандармы оцепили местность. Движение поездов через Ровно было прервано на полсуток.

В эти дни гранаты не раз летели в скопление грузовых автомашин, в казармы гитлеровцев, прибывших с фронта. Суд над гитлеровскими преступниками вершили советские патриоты. «Это был суд правды и справедливости. К фашистам пришла расплата за страдание русского народа», – отмечали прогрессивные зарубежные газеты, характеризуя события в Ровно.

Фашистскую военщину «в столице» оккупированной Украины охватила паника. Гитлеровцы обезумели, их обуял страх перед возмездием за свои зверства над мирным населением. В городе носились слухи о «советских террористах», наводнивших город и уничтожающих высших чинов германской администрации. Гестапо, СД, фельджандармерия проводили в городе облавы и аресты, назначили перерегистрацию взрослого населения и смену паспортов. Оккупанты запретили горожанам с шести часов вечера ходить по Ровно. Приказы военной и гражданской власти, пестревшие на заборах, начинались и оканчивались категорическими запретами:

- нельзя носить с собой корзины, портфели и сумки;
- нельзя держать руки в карманах;
- немцам передвигаться по улицам только группами.

В рейхскомиссариате и других учреждениях, у домов, где проживали военачальники, была усилена наружная и внутренняя охрана.

Через два дня после того, как был похищен генерал Ильген и убит судья Функе, Кузнецов выехал в Ровно, чтобы достать немецкие газеты с некрологом о смерти главного судьи и проверить обстановку, которая сложилась после проведенных операций.

На окраине города фельджандармы преградили дорогу и остановили машину гауптмана Пауля Зиберта.

Струтинский хотел было уже «добавить газку», но Кузнецов положил руку на плечо друга и сказал:

– Стой, Коля, здесь что-то интересное...

Машина остановилась, и тотчас же к ней подскочил офицер, возглавляющий пост...

– Документы, господин гауптман!

Кузнецов неторопливо протягивает левой рукой удостоверение капитана немецкой армии, а сам незаметно потянулся к парабеллуму. Струтинский тоже начеку.

– Можете ехать! – разрешил фельджандарм.

Через два квартала машину Пауля Зиберта снова остановил другой пикет.

– Документы!

Пока фельджандарм просматривал удостоверение, гауптман Зибсрт спросил:

– В чем дело? Мою машину уже проверяли. Почему останавливаете? Я еду с срочным заданием, тороплюсь. – А сам высунулся в окно, и теперь каждый мог заметить, что гауптман награжден орденами «Железного креста» первой и второй степени.

Принимая удостоверение, Кузнецов процедил сквозь зубы:

– У нас на фронте все проще: поднялся и пошел в атаку...

– Сегодня вас будут проверять на каждом шагу, – нехотя откликнулся фельджандарм на

обидчивое замечание гауптмана-фронтовика. – Ищем партизан на машине и террориста, переодетого в мундир обер-лейтенанта германской армии. Весь город оцеплен.

– А-а! – недоверчиво махнул рукой офицер-фронтовик. – Откуда здесь бандитам появиться?

– Что делать? Служба. Мы выполняем свой долг, – ответил фельджандарм и разрешил следовать дальше, а сам отправился к очередной машине.

– Коля, трогай! – приказал Кузнецов. Проехали квартал и свернули на соседнюю улицу.

– Стой. Машину отведи вон к тем воротам. – И Кузнецов решительным шагом направился ближе к перекрестку. Гауптман Пауль Зиберт приступил к работе – стал проверять документы у немецких военнослужащих.

В таких условиях Кузнецов осваивал тактику врага и брал ее на вооружение в своей нелегкой борьбе.

– Документы! – грозно требовал Николай Кузнецов, остановив очередную автомашину.

– Ищем советского партизана, переодетого в форму обер-лейтенанта авиации! – пояснял он одному гитлеровцу.

– В городе в форме офицера фельджандармерии действует русский партизан! – объяснял Кузнецов другому.

Проверяемые уносили «новость», передавали ее своим знакомым, новость обрастала подробностями. На другой день по городу уже ползли слухи. Партизаны начинали чудиться гитлеровцам за каждым углом, в каждом встречном немецком офицере. Недоверие, подозрительность и опасение вселялось в души завоевателей.

Только через два часа, когда, вернувшись с разведки, Николай Струтинский сообщил, что пикеты уже всюду сняты, Кузнецов сел в машину и спокойно отправился по городу.

...Во время одной из встреч у Лидии Лисовской фон Ортель, матерый гитлеровский разведчик, захмелев после обильного угощения, обратился к Паулю Зиберту с таким доверительным разговором:

– Вы слышали, в городе появился большевистский террорист? Действует в форме немецкого офицера. Как ариец, член партии фюрера, я ненавижу этого террориста. Он служит коммунистам. Но я отдаю ему должное. Хитрый, бестия! И отчаянный, как черт!

Это ж надо быть таким: днем в центре города расстреливает одного, другого генерала и спокойно, безнаказанно уходит от нас...

Да, Николай Кузнецов был неуловим для врага. Уральский инженер, когда это потребовало время, стал замечательным разведчиком-боевиком. Он действовал в составе отряда, которым руководили такие люди, как полковник Д. Н. Медведев, прошедший большую школу советской разведки. Непререкаемым авторитетом среди партизан отряда пользовался комиссар С. Т. Стехов, член партии со времен гражданской войны. Политический организатор и наставник партизан, он, когда требовала обстановка, водил медведевцев в атаку, на операции по разгрому банд украинских буржуазных националистов и подразделений немецких фашистов. Коммунист Стехов был душой отряда. Действиями разведчиков руководил заместитель командира отряда чекист А. А. Лукин. У командования было чему поучиться. Медведев, Лукин и Стехов делились своим богатым опытом с разведчиком, вдохновляли его на славные дела.

Смелость, доходящая до дерзости

После сражения с карателями генерала Пиппера под Берестянами партизанский отряд ушел на север Ровенской области в район Вельки Целковичи.

Вскоре на место старого лагеря вернулась с маяка небольшая группа партизан. С ними была врач Алевтина Николаевна Щербинина, ходившая на маяк для оказания помощи тяжелораненому партизану. Алевтине Щербининой было поручено доставить в отряд переданные на маяк документы и другие трофеи, взятые у генерала Ильгена.

«Прибыв на старую стоянку, – пишет в своих воспоминаниях партизан Иван Филиппов, – мы осмотрели место боя. Трупов карателей там уже не было. Их гитлеровцы забрали на другой день после боя. Обнаружили мы только труп предателя-проводника, который вел карателей в лагерь, да пилотки фашистов, висевшие на сучках деревьев... Через несколько дней к нам

присоединилась группа Бориса Черного с рацией. Ее послали, когда еще отряд находился в пути, для связи с Москвой».

В отряде произошел курьезный случай.

С маяка сообщили, что в лагерь приедет Кузнецов. Филиппов, командовавший партизанской группой, послал навстречу Николаю Ивановичу разведчика, а сам с несколькими бойцами ушел выяснить обстановку в районе, прилегающем к лагерю, и попутно заготовить продуктов питания. В лагере были оставлены часовой в секрете и врач Алевтина Щербинина, охранявшая генеральские документы.

Партизан, посланный для встречи Кузнецова, заметил, что по лесной тропе к лагерю приближается немецкий офицер. Партизан прибежал обратно доложить командиру группы об увиденном. Но в лагере, кроме часового, уже никого не было. Немец приближался, и часовой открыл огонь, а врач Щербинина с документами генерала побежала из лагеря. Растерявшийся часовой несколько раз выстрелил, но попасть в немца не мог.

– Вы, что, своих не узнаете?! – закричал Кузнецов.

По голосу и облику приблизившегося «немца» часовой и разведчик «признали» партизана Грачева.

– Кто еще есть в лагере? – спросил Кузнецов.

– Врач Щербинина, – ответил часовой.

– Немедленно найдите ее!

Начали искать Алевтину Николаевну, еле отыскивали ее следы. Щербинина убежала за два километра в чащу леса.

Кузнецов крепко отчитал часового за то, что он плохо стреляет, а врачу Щербининой сделал внушение.

Группа партизан, в которой находился Филиппов, пробыла в старом лагере до осени. Она не прекращала связи с маяком, ожидая из Ровно возвращения разведчиков. Когда из города прибыли Ершов и Мажура (все остальные, работавшие в Ровно, были уже в сборе), партизаны двинулись в путь, чтобы соединиться с основным отрядом. Впереди предстоял 200-километровый переход по территории, где действовали банды украинских националистов. В такой обстановке требовалось твердое, умелое и авторитетное руководство. Хотя формально командиром группы был назначен Борис Черный, но фактически ее возглавил Николай Иванович Кузнецов, авторитет которого среди разведчиков был очень высок, – рассказывает бывший разведчик-партизан П. И. Ершов.

Из состава группы были сформированы отделение разведки, хозяйственное отделение, отделение радиосвязи и боевая рота. Во главе подразделений были поставлены наиболее мужественные и отважные партизаны. Кузнецов наметил маршрут следования, определил время выступления. Для заготовок продуктов питания на время перехода выделил специальных людей. Это было предусмотрительно. Партизаны продвигались по маршруту, избегая ненужных заходов в населенные пункты. Выделенные разведчики информировали группу о приближении банд буржуазных националистов. Все это во многом облегчило и обезопасило путь группы.

Меры предосторожности не могли, конечно, предотвратить столкновений с националистами, но стычки с бандами Кузнецов всегда превращал в короткие, стремительные и успешные схватки. И в этом чувствовалась направляющая рука отважного, находчивого командира, умеющего быстро оценить обстановку и принять единственно правильное решение.

Однажды, перейдя реку, группа партизан попала в засаду и под обстрелом начала отходить назад. Это грозило гибелью. В такой критический для партизан момент Кузнецов поднялся во весь рост и со словами: «Вперед, товарищи!» – увлек всю группу за собой. Бандиты были смяты и уничтожены.

«Смелость, доходящая до дерзости, была свойственна Николаю Ивановичу как разведчику, и это качество всегда приносило ему успех, – рассказывает П. И. Ершов. – Мгновенно принимая решения в трудные минуты, Кузнецов заражал всех своим мужеством и отвагой, внушал уверенность в успехе боя, увлекал всех за собой и добивался победы».

...В декабре сорок третьего года Советская Армия стремительно развязала наступление на широком фронте. Уже был освобожден Киев. Гитлеровцы откатывались на запад. Они уезжали

из тыловых районов, которые прежде у них считались глубинными и безопасными. Более прозорливые немецкие офицеры понимали, что крах гитлеровской военной машины неминуем. И фашистские крысы бежали из Ровно, как с тонущего корабля. Многие знакомые Пауля Зиберта «приятели» и «друзья» уже скрылись из города. Кузнецов видел это, и ему очень хотелось использовать благоприятный момент паники в своих целях.

Те, кто знал в отряде разведчика Николая Кузнецова, поражались его неистощимой энергии, состоянию боевого духа. Уже одного того, что Кузнецов сделал в ноябре, было достаточно, чтобы вписать имя разведчика-партизана в плеяду мужественных и бесстрашных. Однако Николай Кузнецов не собирался складывать оружия. Он весь в действии, он работает без усталости, без отдыха. Еще не все его «приятели» убралось из Ровно. Кузнецов рисковал быть узнанным во время операций по уничтожению гитлеровских военачальников. Это грозило разоблачением и мучительной смертью в гестаповских застенках. И все же отважный разведчик просит у командования все новых заданий.

Гестапо, зихергайтдинст²³ и фельджандармерия не оставляли своих попыток проникнуть в ряды народных мстителей. Гитлеровцы провели в городе поголовный арест всех бывших военнопленных, пытались найти нити, ведущие в партизанский отряд Медведева и городское подполье.

Разведгруппа Николая Кузнецова обнаружила, что в городе после комендантского часа свободно разгуливают... девушки. Они, эти девицы, ходят по квартирам, которые взяты гестапо на подозрение, и ищут своих «знакомых» военнопленных. Решили заинтересоваться некоторыми из этих особ. Оказалось, что они завербованы гестапо. Гитлеровцы настойчиво искали в Ровно гнездо советских разведчиков, их центр, чтобы одним ударом разгромить его. В «столицу» Украины прибыли гестаповцы из Киева и других городов. Агентура гестапо упорно пытается сблизиться с бывшими советскими военнопленными. Их ядовитые щупальцы сумели проникнуть в ряды городского подполья. Был схвачен руководитель ровенских патриотов Николай Астафов. Служба безопасности засылает в отряд Медведева своего агента. Но маневр врага был разгадан разведчиками группы Кузнецова. Шпиона обезвредили. Появились первые данные, что для гестапо активно работает какая-то женщина, «которая знает и выдает наших». Нужно было принять меры к установлению ее личности.

...В середине декабря 1943 года весь мир облетело сообщение агентства Рейтер. Президент Соединенных Штатов Америки заявил на пресс-конференции, что, будучи на совещании глав трех правительств в Тегеране, он остановился в русском посольстве, а не в американском, потому что русским стало известно о германском заговоре на жизнь участников конференции.

Данные о готовящемся покушении на глав трех правительств получил разведчик Николай Кузнецов. Он сумел добыть их в беседе с гитлеровским шпионом фон Ортелем.

Подвиги Кузнецова вызвали восторг и восхищение советских людей, страх и растерянность у фашистских захватчиков.

О Кузнецове и его боевых друзьях ходили легенды во всех партизанских отрядах Украины. Слава отважного разведчика росла с каждым днем. У него учились, у него брали пример мужества и находчивости, неиссякаемой ненависти к врагу.

26 декабря 1943 года радио принесло в партизанский отряд радостную весть. Указом Президиума Верховного Совета СССР «За образцовое выполнение специальных боевых заданий в тылу немецко-фашистских захватчиков и проявленные при этом отвагу и мужество» Кузнецов Николай Иванович награждается орденом Ленина.

Высшими наградами были отмечены и его боевые друзья: Николай Струтинский, Ян Каминский и Мечислав Стефанский.

Горячо, от всей души поздравляли партизаны Николая Кузнецова. А он, как всегда, скромный, отвечал: «Теперь я еще в большем долгу перед Родиной».

По заданию командования отряда Николай Кузнецов в чине офицера гестапо едет в оккупированный Луцк. Нужно было выследить генерального комиссара Волыни и Подолии

²³ Зихергайтдинст – служба безопасности и СД.

группенфюрера СС генерала Шене, прославившегося жестокими расправами с населением, зверскими пытками, расстрелами местных патриотов. Нужно было наладить связь с подпольем. Гестапо провело в Луцке массовые аресты.

Партийная организация была под угрозой разгрома. Предстояло выяснить, какой враг проник в ряды патриотов.

Вместе с Кузнецовым пошли Иван Белов, работавший до войны в Луцке шофером, и подпольщица Нина Карст, владеющая немецким языком. В городе она имела знакомства среди немецких офицеров.

На шоссе Кузнецов с товарищами остановили пустой «мерседес», следовавший в Луцк. Недалеко от города у контрольного пункта разведчикам пришлось задержаться. «Мерседес» стоял почти в хвосте колонны машин. Короткий зимний день кончился. Уже смеркалось. Дорога была каждая минута: до комендантского часа нужно успеть найти в городе надежную квартиру. Кузнецов приказал шоферу ехать в обход. Свернули на обочину и грунтовой дорогой проскочили почти к самому контрольному посту. Патрульный накинулся с бранью и угрозами на шофера «мерседеса».

Тогда Кузнецов вышел из машины и внушительно пояснил патрульному офицеру:

– Я выполняю срочное поручение гестапо! – небрежным движением он показал свое удостоверение, махнув им почти у самого носа гитлеровца. – Я должен торопиться! А эти, – Пауль Зиберт показал в сторону колонны, – подождут...

Патрульный взял под козырек и дал машине, в которой ехали партизаны, дорогу вне очереди.

В Луцке Кузнецов провел смелую операцию и, реквизируя у одного из гитлеровцев автомобиль, завладел отличным средством передвижения.

Древний замок Любарта был забит арестованными луцкими подпольщиками и не причастными к делу горожанами. Нина Карст через своих знакомых выяснила, что пытками в тюрьме руководит капитан Готлиб. Он зверски истязал заключенных.

Кузнецов решил повстречаться с карателем-садистом. Проследив за распорядком «рабочего дня» гестаповца, Белов доложил: «Фашист после допросов заключенных в семь часов вечера выезжает из тюрьмы».

В тот зимний вечер к центральной башне замка Любарта подкатил зеленый «оппель». Из него вышел гестаповец и остановился у ниши стены. Машина уехала. Вскоре к замку подкатил черный «оппель-капитан». Увидев его, офицер подошел к шоферу:

– Я по распоряжению господина Готлиба. Срочно езжай в управление гестапо. У входа ожидает женщина в меховом манто. Немедленно доставь ее сюда...

«Опель-капитан» умчался в вечернюю мглу, оставив за собой облако снежной пыли. К замку снова подъехал зеленый «оппель» с бравым молодым солдатом за рулем.

Ровно в семь у входа в проходной появился Готлиб.

– Прошу, господин офицер! – бойко обратился к гестаповцу шофер. И желая предупредить расспросы Готлиба, словоохотливый солдат пояснил:

– Господин капитан, ваша машина неисправна: меня послал за вами подполковник Краузе.

Уже садясь в зеленый лимузин, Готлиб коротко бросил:

– В гестапо!..

В это время к машине, готовой сорваться в путь, быстро подошел высокий бравый невесть откуда появившийся офицер-гестаповец.

Он попросил подвезти. Шофер сослался на гауптмана Готлиба:

– Если герр гауптман разрешит...

Готлиб не отказал «коллеге».

Машина проскочила деревянный мост, и вдруг шофер резко затормозил. У виска Готлиба оказался пистолет «коллеги».

– Ни с места! – приказал «офицер». – Иначе кончу первую пулей!

Глаза оцепеневшего Готлиба, казалось, готовы были выскочить из орбит.

В зеленом «оппеле» действовали Кузнецов и Белов. Они обезоружили фашиста, связали. Свирепого изувера Готлиба с перепугу прохватила медвежья болезнь...

Отъехав по шоссе несколько километров, разведчики свернули на проселок и углубились

в лес. Здесь в тихом зимнем лесу состоялся короткий допрос гестаповского палача.

Узнав, что перед ним советские партизаны, Готлиб зашатался и с трудом устоял на ногах. Гестаповец показал, что Шене в городе нет. Он в Варшаве. Уже получен приказ об эвакуации Луцка...

Прогремели два выстрела. К Готлибу пришла расплата. Еще одним палачом на земле стало меньше.²⁴

Впереди – тропа...

Во время пребывания в Луцке у Николая Ивановича кончился срок командировочного удостоверения. В связи с этим выехать в партизанский отряд он не мог. Стояла суровая зима. Фельджандармерия закрыла переезды через железную дорогу и завалила подходы, ведущие к ним. Кузнецов в такой обстановке не имел права рисковать собой. Командир отряда направил в Луцк «походную канцелярию», чтобы подготовить разведчику новые документы.

Советские войска были уже на подступах к Ровно и Луцку. Как хотелось в это время Николаю Ивановичу повстречаться с частями регулярной Советской Армии! Увидеть и обнять тех, кто по трудным дорогам войны шел следом за фашистским зверем, шел на запад. Но Кузнецова ждало новое особое задание.

Город Ровно к этому времени потерял свое значение как военно-политический центр; крупные гитлеровские военачальники спешно покинули его и удрали во Львов. Ровно находилось во власти фашистского произвола. Гитлеровцы пачками расстреливали на улице Белой ни в чем неповинных людей. Это была агония смертельно раненного зверя...

Вспоминая о тех днях, боевая сподвижница Кузнецова, смелая разведчица Валентина Константиновна Довгер рассказывает:

«Николай Иванович в тылу фашистов был неутомим. Его жажда деятельности против врага была так велика!.. Его стремление продвигаться, идти вперед, на заклятого врага было единой целью жизни. Я хорошо помню нашу последнюю встречу в Ровно. Прощаясь, мы много обо всем говорили. Я высказала мысль, что при создавшейся обстановке мне опасно оставаться в Ровно и не рано ли Николаю Ивановичу ехать во Львов? Я хочу ехать вместе.

Николай Иванович назвал мои сомнения малодушием. Он сказал: «Тебе надо быть ближе к рейхскомиссариату, ехать вместе с «ними». А я везде найду тебя. Покидать свой пост ты не имеешь права...»

Так он учил, так он действовал и сам».

Партизаны отряда, видевшие Кузнецова в Луцке перед отъездом во Львов, рассказывают, что в стане врагов разведчик чувствовал себя хозяином положения.

...На окраине Луцка в погребке, похожем на землянку, Кузнецова ожидали люди, прибывшие к нему с документами для «отправки» во Львов. В городе напряженная обстановка. Немецкие патрули не дают сделать и шагу. Подпольщик предупредил, что вот-вот должен появиться Кузнецов.

Распахнулась дверь. На пороге вырос высокий гитлеровский офицер в черном плаще, высокой остроконечной фуражке, в полной форме гауптмана, при орденах и медалях. Он щелкнул каблуками и, выбросив вперед руку, произнес: «Хайль Гитлер!» и, обращаясь к партизанам на немецком языке, потребовал документы. Это было так неожиданно, что один из прибывших партизан схватился за гранату.

Неосведомленный человек мог бы принять эту сцену за причуду Кузнецова, любившего шутку. Нет. Поступая так, Кузнецов действовал вполне серьезно.

Шлифуя свое мастерство разведчика, выступающего под личиной немецкого офицера, он не выходил из образа и продолжал оставаться гитлеровским гауптманом. Роль офицера была его оружием. И Кузнецов стремился к тому, чтобы это оружие действовало безотказно.

Мимо землянки в это время шел немецкий патруль. Подпольщик, стоявший на часах, вбежал в погребок и тревожно предупредил:

²⁴ По рассказу Н. В. Струтинского из книги «Дорогой бессмертия».

– Немцы!..

– Не волнуйтесь, товарищи! – сказал Кузнецов и стремительно вышел на улицу. Сидевшие в погребке услышали властный голос «немецкого офицера»:

– Болваны! Что вы здесь топчетесь? Или вам спокойнее ходить на окраине города? А в центре пусть разгуливают партизаны?! Кругом! – Это действовал Пауль Зиберт. Развернув немцев, он направил их в другую сторону.

«Чувствовал себя там Кузнецов очень спокойно, уверенно...» – вспоминают партизаны об этой встрече с разведчиком.

В конце 1943 года специальный отряд полковника-чекиста Медведева насчитывал уже свыше тысячи бойцов и стал для гитлеровцев грозной силой. Во время наступления отряда на Цумань партизаны использовали пушки и минометы, отнятые в бою у генерала Пиппера.

Прибыв по приказу командира к месту сражения, партизаны развернули пушки, установили минометы и открыли огонь по населенному пункту. Бой разгорался все сильнее, и вдруг одна из пушек, стоявшая ближе к Цумани (от ее огня зависел успех боя), перестала стрелять. Немцы засекли ее, и снаряды начали ложиться почти рядом. Расчет зацепил пушку на упряжку и как только отъехал метров на десять, снаряд противника ударил в то место, где до этого стояла пушка и боевой расчет. Помощник командира артминометной батареи по технической части Михаил Кутовой вскоре исправил орудие, и расчет продолжал стрельбу.

После сигнала отбоя группа, в которой находился Кутовой, без потерь вернулась в лагерь.

Наступление длилось всю ночь, шел крупный снег, обувь у Кутового была плохая. Он забежал в чум просушить портянки. Следом за ним влетел командир батареи Орехов. Он был зол и начал кричать:

– Портяночки сушите! А пушку кто будет чинить?

– Пушка исправна, – спокойно заметил Кутовой.

К чуму в это время подошли комиссар отряда Сергей Трофимович Стехов, заместитель командира по разведке Александр Александрович Лукин и Николай Иванович Кузнецов. Услышав, как Орехов отчитывает своего зампотеха, комиссар вызвал того и другого к себе и спросил:

– Что с пушкой?

– Пушка в полной исправности, – доложил Кутовой.

– Так почему же она не стреляла, когда надо было? – недовольно заметил комиссар. – Что, она стреляет по принципу «когда хочу»? – и направился к пушке.

Вызвали боевой расчет. Кутовой начал подробно объяснять причину временного бездействия орудия. Оказалось, что наводчик раньше времени дернул курки, снаряд еще не был дослан в казенную часть, получился перекося патрона, и затвор заклинило. Но Орехов, не вникая в объяснения своего зампотеха, по-прежнему обвинял Кутового. В разговор вмешался Кузнецов.

– А товарищ зампотех прав, – сказал он, – это вы, товарищ Орехов, плохо знаете пушку и не научили своих подчиненных, как с ней обращаться. А еще кричите, стараясь показать, что вы здесь ни при чем, и сваливаете вину на других! А я считаю, Сергей Трофимович, – обратился Кузнецов к Стехову, – что здесь простое незнание пушки как со стороны командира батареи, так и расчета, и вот результат...

В подтверждение своих слов Николай Иванович взял снаряд и, вложив его в подающую часть пушки, чуть подвинул вперед и тут же развел курки, они врезались в гильзу, и снаряд дальше не пошел.

– Так было и во время боя, – пояснил он Орехову. – Видите, в чем тут загвоздка? А вы кричите... И зря. – Шагнув к зампотеху, Кузнецов подал руку.

– Будем знакомы, – сказал Николай Иванович. – Я уже слышал о вас. Вы инженер по специальности?

– Да, – ответил Кутовой.

Кузнецов начал спрашивать, откуда родом Михаил Кутовой, когда попал в отряд. Узнав, что он конструирует прицелы на пушку и минометы, Кузнецов живо заинтересовался этим. И вдруг неожиданно спросил:

– А что, интересно, думаете делать после войны?

– Откровенно говоря, пока об этом не задумывался, – отозвался зампотех. – Наша жизнь такова, что не знаешь, что с тобой будет через день-два.

– Вы правы, – вздохнув, ответил Кузнецов, помолчал в раздумье. – Очень-очень правы. – Погрустнел на мгновение, но тут же, словно отгоняя мрачные мысли, воскликнул: – А впрочем, двум смертям не бывать!.. – и засмеялся.

Николай Иванович Кузнецов был большим жизнелюбом. В грозные годы борьбы с гитлеровцами, у партизанского костра в отряде, в кругу своих товарищей на подпольной квартире он, когда выгадывались редкие минуты отдыха, любил поговорить о жизни, о красоте людской.

«После тяжелого напряженного дня, когда приходилось много раз смотреть смерти в глаза, Николай Иванович очень любил вспомнить прошлое, помечтать о будущем, – рассказывает Валентина Константиновна Довгер. – Несмотря на сильное перенапряжение, мы могли просидеть всю ночь у печки (в которой теплился огонек) и говорить до зари. Это особенно стало возможным, когда нам удалось купить квартиру по улице Ясной – ныне улица имени Николая Кузнецова. В этой квартире мы чувствовали себя, как дома, а с приездом мамы квартира стала еще более обжитой. В целях конспирации ее посещали только Кузнецов и Струтинский. Из рассказов Николая Ивановича мне было известно о годах его юности, работе на Урале и в Москве. Он всегда очень тепло вспоминал своих близких.

Да, жизнь в те годы была сложной. И те несколько часов, когда мы могли сбросить маску, были для нас большим счастьем. В глубоком тылу врага, где шла ожесточенная борьба, Николай Иванович очень любил поговорить о планах на будущее, о своих мечтах. Он говорил: «Пусть даже не все будет так, как мы мечтаем, но как хорошо помечтать!..»

Я очень ценила его дружбу и доверие. Эти воспоминания и сейчас мне крайне дороги».

Партизанский отряд долгое время не мог прорваться через линию железной дороги Львов – Луцк. Николай Иванович Кузнецов, который не выносил временного бездействия, заявил:

– Я ждать больше не могу. Попробую проскочить сам...

Он спешил. Впереди было большое ответственное задание.

Кузнецов облачился в немецкую шинель с погонями гауптмана. Машину, в которой он должен был поехать, на конях протащили до шоссе (в автомобиле мизерный запас горючего). За руль сел Иван Белов, одетый немецким солдатом. Ян Каминский выступал в роли крупного коммерсанта, спасающегося от русских большевиков, Николай Иванович остался Паулем Зибертом.

Все трое под видом отступающих удачно втерлись в колонну немецких автомашин, пересекли железнодорожное полотно и двинулись на Луцк. Но в городе Кузнецов нужных людей не застал.

При выезде из Луцка застава задержала машину разведчиков. Офицер, проверяющий документы, что-то заподозрил. Кузнецов застрелил офицера и трех его жандармов, разбил шлагбаум и проскочил вперед.

Пауль Зиберт продолжил свой путь на Львов. Отважному разведчику и его боевым побратимам поручалось осесть в этом городе, собрать разведывательные данные и совершить акт возмездия над львовским губернатором Вехтером и вице-губернатором Бауэром. Было известно что эти палачи пролили реки крови мирных жителей Зверства, которые с их благословления чинили фашисты над людьми, по своей жестокости превосходили все границы человеческого воображения. Это здесь обреченным перед тем, как вести на виселицу, заливали рот гипсом, чтобы жертвы не кричали... Это здесь, в Яновском концлагере из заключенных был создан оркестр. Под дулом пистолетов два известных львовских композитора, находившиеся в концлагере, написали «Танго смерти». Под эту нечеловеческую музыку страданий, страха и обреченности, которую играл оркестр смертников, немецкие нацисты истязали, казнили людей.

Сотни тысяч безвинных детей, женщин и стариков замучили гитлеровские палачи. В сорок третьем году в день рождения Гитлера комендант Яновского лагеря Вильгауз отсчитал из числа заключенных пятьдесят четыре человека и, куражась, зверски потешаясь над жертвами, объявил охране:

– Я ставлю в день рождения нашего фюрера 54 свечи!.. Это мой подарок...

Комендант лично расстрелял обреченных...

Многие из этих фактов уже в то время были известны советским людям. И подъезжая к Львову, при виде красных зубчатых бастаионов старой крепости на высоких холмах, при виде фашистского флага с вышитой свастикой на белом фоне, Николай Кузнецов думал о загубленных человеческих жизнях. И в сердце вскипала ненависть к немецкому фашизму.

У стен древнего Львова Кузнецов рассказал друзьям жуткие истории из жизни Яновского лагеря, чтобы они знали, как жесток враг, чтобы, готовясь к встрече с ним, сердца друзей-партизан горели неугасимым огнем мести.

Заканчивая рассказ о «свечах Вильгауза», Кузнецов, сдерживая душивший его гнев, сказал:

– Когда я услышал о людях-свечках, мысленно еще раз поклялся: «Пока жив, не ждите от меня пощады, фашистские изверги! Не будет конца свечам, которые я буду ставить вашему бесноватому фюреру и вам, двуногие звери!..»

При въезде в город Кузнецов обратил внимание на предупреждающий приказ, написанный по-немецки на большом щите. Приказ был категоричен:

– Внимание! Военным, прибывшим в город, тотчас зарегистрироваться в местной комендатуре. Отметка о прибытии и убытии обязательна. Без нее занятие квартир и ночлег в городе запрещены.

За долгую дорогу Кузнецов и его спутники нагляделись на потрепанные гитлеровские части, спешившие с фронта в тыл на переформирование. Куда девался тот лоск, с которым фашисты шли на восток, шли на Москву в первые дни войны?! Теперь же все они выглядели одинаково: заросшие щетиной лица угрюмы, глаза пусты и безразличны. Фашистские вояки на полях России и Украины, в Белоруссии и Прибалтике, в предгорьях Кавказа порастеряли свою спесь.

...«Фиат» серого цвета въезжал во Львов. Позади долгая и опасная дорога. Впереди – тропа разведчика.

Где Пауль Зиберт?!

Любой ценой уничтожить палачей Львова. После этого, исходя из обстановки, Кузнецов должен пойти с Каминским и Беловым на запад, в Краков, и действовать там до прихода Советской Армии, либо (если выехать в Польшу не удастся) связаться с группой Крутикова, которую выслал отряд в район Перемышляны. В крайнем случае предусматривался и такой вариант: Кузнецов, не установив связи с партизанской группой, переходит линию фронта. Если и здесь постигнет неудача, тогда в подполье во Львове он будет ждать прихода частей Красной Армии.

Благополучно миновав проверку на контрольном пункте, Николай Кузнецов, Ян Каминский и Иван Белов прибыли в город. Обстановка во Львове была тяжелой даже для такого опытного разведчика, как Кузнецов. Связь с отрядом, все еще находившимся в Ровенской области, нарушена. Условия для работы в городе не были заранее подготовлены. Из многочисленных знакомых Яна Каминского во Львове остались считанные единицы. Жители были запуганы. Массовые аресты, жестокие репрессии держали людей в страхе. И все же Кузнецов и Каминский находят квартиру у одного поляка-антифашиста и приступают к разведывательной деятельности.

Кузнецов подбирает себе помощников. Он продолжает миссию народного мстителя...!

Рядовые партизаны-разведчики, действовавшие во Львове, не раз видели Пауля Зиберта в сером «фиате», проезжающим по улицам города. Его не раз видели в полдень прохаживающимся у подъезда городского театра. Кузнецов ждал в условленное время связного, которого должен был прислать отряд. Но связного все не было и не было...

27 января 1944 года партизанский отряд, шедший к Львову, километрах в шестидесяти от города, выдержал жестокий бой с частями дивизии «СС Галичина» и немецкой моторизованной пехотой. Отряд повернул обратно и направился навстречу Советской Армии, чтобы выйти в тыл для переформирования.

А Пауля Зиберта уже искали гестаповские ищейки. Они схватили в Ровно Валентину Довгер.

– Где Пауль? – приставив к голове девушки пистолет, начал допрос гитлеровский офицер. – Где?!!

Фашистская разведка искала Пауля Зиберта.

Где, в чем допустил просчет разведчик Николай Кузнецов, каким необдуманном шагом дал заподозрить себя?

Для Вали Довгер начался длинный путь мучений, страданий, издевательств. Он кончился только в Германии, где с приходом американцев ей удалось бежать в зону советской оккупации.

Но Пауль Зиберт продолжал действовать, продолжал сражение с ненавистным врагом.

Перед нами страницы «Дела Пауля Зиберта», которое вела гитлеровская контрразведка. Мы читаем их двадцать лет спустя, с тех пор, когда закрылась последняя страница жизни Николая Ивановича. И на нас пахнуло дыханием грозных лет. Как бы воочию мы увидели ожесточенную схватку, поединок в стане врагов, который вел Кузнецов с коварной гитлеровской разведкой.

Мы видим документы, читаем слова о брате, которые говорил враг, сумевший засечь последние шаги отважного разведчика по советской земле, за счастье и свободу которой он бился.

31 января 1944 года, как явствует из рапортов полевой жандармерии, в 5 часов 30 минут вечера во Львове, в доме военно-воздушных сил, на Валштрассе, 11-а был убит подполковник Ганс Петере.

Около пяти часов неизвестный в форме капитана без разрешения посетил вышеназванный дом. Он был задержан охраной и доставлен к подполковнику Петерсу. При проверке командировочного удостоверения мнимый капитан, назвавшийся Паулем Зибертом, тремя выстрелами из пистолета убил подполковника и ефрейтора Зейделя и смог незаметно скрыться. На месте убийства найдено три гильзы калибра 7,65 мм...

8 февраля Николай Кузнецов проник в здание Львовского городского театра, где проходило важное заседание немецкой администрации Галичины. В президиуме заседания находились губернатор Вехтер и его первый заместитель Бауэр. Пройти к сцене через оцепление эсэсовцев было невозможно. Кузнецов после заседания дождался, когда губернатор и вице-губернатор вышли из театра и, сев в машины, отправились на квартиры. Не имея возможности точно установить, кто из них Вехтер, а кто Бауэр, Кузнецов отправился следом за одним из них. Теперь он знал: особняк этого палача находится напротив здания музея.

Утром 9 февраля, в половине восьмого, к особняку Бауэра подошла машина. Вице-губернатор в сопровождении одного из высших чиновников немецкой военной администрации Шнайдера собирался выехать по делам. В этот момент к особняку подошла другая автомашина. Из нее вышел высокий гауптман в зеленой шинели. Четко, как на параде, отбивая шаг, он приблизился к Бауэру и Шнайдеру:

– Кто из вас Бауэр?

Получив ответ, гауптман воскликнул:

– Вы-то мне и нужны! – Раздались пистолетные выстрелы, и оба фашиста свалились замертво.

Кузнецов выполнил свое обещание, данное когда-то, после ошибки во время покушения на генерала Даргеля. На этот раз он стрелял наверняка.

– Убит вице-губернатор Галиции доктор Бауэр и его президиал-шеф доктор Шнайдер! – заметались по городу слухи.

Горожане, знавшие о зверствах фашистских палачей, мысленно торжествовали. Мучители и поработители казнены. И к ним пришла расплата за злодеяния.

Вся служба безопасности дистрикта Галиции, гестапо, жандармерия и полиция, сбиваясь с ног, искали террориста-мстителя.

Докладывая о покушении на вице-губернатора Бауэра и доктора Шнайдера, дирекция уголовной полиции в своем рапорте от 18 февраля писала: «Нападающий, наверное, стрелял из самозарядного пистолета. Раненые Бауэр и Шнайдер сразу же умерли. На месте происшествия найдено две гильзы калибра 7,65 мм. Возникает подозрение, что неизвестный произвел своим оружием много других покушений на райхенемцев и других лиц, которые занимают ответственные должности в немецкой армии».

Жандармерия, в связи с убийством руководителя губернаторства, начала еще больше свирепствовать. Людей хватали по малейшему подозрению. Остаться Кузнецову в городе, не имея надежных квартир и связей, стало очень опасно. Нужно было немедленно уходить из Львова и постараться наладить утерянную связь с отрядом. Кольцо гитлеровской контрразведки сузилось до предела. Кузнецов видел это. И тогда он вместе со своими боевыми друзьями Яном Каминским, Иваном Беловым, прорвавшись через заслоны гитлеровской службы безопасности, скрывается из Львова.

Серый «фиат» держит путь в направлении на Броды.

Уже при выезде из города партизаны-разведчики обнаружили, что по дороге выставлены усиленные посты полевой жандармерии и гестаповцев. Но другого выхода не было, и трое продолжали путь.

Километрах в двадцати от Львова, неподалеку от села Куровцы, серый «фиат» задержала застава военного патруля. Кузнецов предъявил командировочное удостоверение. Но майор, возглавлявший патруль, потребовал другие документы, которые бы удостоверяли личность Пауля Зиберта. Тогда Кузнецов небрежно выхватил гестаповский жетон:

– Может быть, этого вам будет достаточно! – сказал Пауль Зиберт.

– Нет, – ответил майор. – А еще какие есть документы? – И Кузнецов понял, что посты предупреждены.

Раздались выстрелы. Майор, сраженный пулей, упал. К месту происшествия кинулись солдаты заставы. Из окна машины автоматной очередью Кузнецов срезал еще несколько человек. Остальные кинулись врассыпную. И «фиат» рванулся вперед. Проскочив еще четыре-пять километров, трое свернули с дороги на проселок. Бросив машину, в которой уже кончилось горючее, Кузнецов с товарищами скрылся в лесу.

Несмотря на повсеместные розыски, гитлеровская контрразведка не связывала террориста, совершившего акции против вице-губернатора Бауэра и других высших чинов оккупационных властей во Львове, с именем Пауля Зиберта. Первое упоминание о том, что Зиберт – убийца Бауэра, появляется месяц спустя после ухода отважного разведчика из Львова.

Николай Кузнецов с боевыми друзьями искал партизан в Ганачивском лесу, а начальник полиции безопасности и СД дистрикта Галиции 28 марта 1944 года доносил: «14 февраля 1944 года в одной из автомашин с фальшивым регистрационным номером найдены две гильзы от патронов 7,65. Из этой машины 12 февраля в Куровцах был убит военный патруль майор Кантер. Убийцы скрылись».

Этой же машиной пользовались также при убийстве вице-губернатора доктора Бауэра, доктора Шнайдера, подполковника Петерса и ефрейтора Зейделя».

Разведчик Кузнецов благополучно ушел из капкана, подготовленного ему во Львове. Но на пути советского патриота, как выяснилось потом, встали черные наймиты. После долгих блужданий разведчики натолкнулись на предателя-старосту, который под предлогом заготовки топлива ездил разведать место расположения партизанской группы. Уничтожив старосту-бандеровца, разведчики продолжали искать в Ганачивском лесном массиве следы партизан-медведевцев, которых, как знал Кузнецов, должны были послать в эти места. Пришлось выдержать несколько стычек с бандитами ОУНа. Рассеяв наседавших националистов, которые пытались захватить троих разведчиков в плен, Кузнецов, Каминский и Белов продолжали поиски. Недалеко от села Погорельцы разведгруппа нашла приют у одного поляка-патриота. Получив у него одежду и продовольствие, Кузнецов с товарищами на подводе, которую им помог достать поляк, двинулись в направлении Бродов. В пути наткнулись на стоянку евреев-беженцев. Двое из них, Самуил Эрлих и Марк Шпилька, вызвались провести Кузнецова к партизанской группе, действовавшей в округе.

В ночь на 13 февраля состоялась долгожданная встреча с партизанами-медведевцами Приступой и Дроздовым.

– Где радист Бурлак? – в первую очередь спросил Кузнецов.

Товарищи рассказали, что отряд Крутикова выдержал несколько схваток с бандами украинских националистов и понес большие потери. Бурлак погиб. Во время последнего жаркого боя Приступа с Дроздовым отбились и потеряли своих. Потом они нашли партизанскую группу из местных жителей и влились в нее.

– Оставайтесь с нами, Николай Иванович, – предложил Дроздов, – подождем немного, вот-вот здесь появятся регулярные части Советской Армии.

– Поэтому-то я и должен торопиться, – сказал Кузнецов. – Мне нужно срочно передать командованию разведданные. Они очень пригодятся во время наступления. Не найду Крутикова – доберусь до Буска. Там, по моим данным, у партизан есть рация. Если не смогу разыскать и этих, буду пробиваться через линию фронта.

– Николай Иванович, Ганачивский лес – это бандеровский муравейник, – заметил Дроздов и начал рассказывать, как обойти скопления националистов.

Тепло попросившись, Кузнецов, Каминский и Белов пошагали дальше. На Николае Ивановиче поверх немецкой формы был одет плащ и шапка, а двое его сподвижников – в крестьянской одежде. Дроздов и Приступа лежали в тифу. Они понимали, что разведчик несет важные сведения. Ему нужно торопиться. Как им хотелось в это время быть рядом с товарищами по оружию, чтобы в трудную минуту оказать помощь. Они хорошо знали, что лес, как осиное гнездо, кишит бандами.

Кузнецов ушел. И следы его затерялись на дорогах небывалой кровопролитной войны...

Перемолов в районе Бродов большую группировку немецко-фашистских войск, сломив ожесточенное сопротивление противника, 27 июля 1944 года части Советской Армии освободили Львов. Чудеса героизма в боях за украинский город показал Уральский добровольческий танковый корпус. Но повстречаться с земляками бывшему уралмашевцу, инженеру Николаю Ивановичу Кузнецову уже не довелось...

Прибывший во Львов Приступа встретил там проводника Марка Шпильку. Проводник рассказал, что в районе Бродов группа Кузнецова выдержала бой с бандеровцами, переодетыми в форму красноармейцев. Эрлих погиб в бою, а Кузнецов с товарищами перешел линию фронта. Вероятно, проводник выдал желаемое за действительное.

Долгое время мы ничего не знали о судьбе брата. Но во Львове уже тогда были известны последние шаги бесстрашного разведчика Николая Кузнецова. Немцы, в спешке покидая город, не успели замести свои следы. Даже гестапо не уничтожило свои секретные архивы. В них и было найдено «дело Пауля Зиберта». Дело не было закончено.

Мы читали одну из его последних страниц, как последнюю весточку о брате. Это была телеграмма-«молния». Вот о чем доносила она:

*«Начальнику полиции безопасности и СД по Галицийскому округу
IV-N-90/44. Секретно. Государственной важности. Гор. Львов, 2.
IV. 44 г.*

Телеграмма-молния

*В главное управление имперской безопасности для вручения СС
группенфюреру и генерал-лейтенанту полиции Мюллеру лично
Берлин.*

При одной из встреч 1. IV. 44 украинский делегат ОУН группы Бандера, обсуждавший с нами возможность совместной работы против большевизма, сообщил, что одним подразделением украинских националистов 2. III. 44 в лесу близ Белгородки в районе Вербы (Вольнь) задержаны три советских агента. Арестованные имели фальшивые немецкие документы, карты, немецкие, украинские и польские газеты, среди них «Газета Львовска» с некрологом о докторе Бауэре и докторе Шнайдере, а также отчет одного из задержанных о его работе. Этот агент (по немецким документам его имя Пауль Зиберт) опознан представителем УПА. Речь идет о советском партизане-разведчике и диверсанте, который долгое время безнаказанно совершал свои акции в Ровно, убив, в частности, доктора Функе и похитив генерала Ильгена, и который все еще разыскивается сыскной полицией. Во

Львове «Зиберт» был намерен расстрелять губернатора доктора Вехтера. Это ему не удалось. Вместо губернатора были убиты вице-губернатор доктор Бауэр и его президент-шеф доктор Шнайдер.

Оба эти немецкие государственные деятели были застрелены неподалеку от их частных квартир. В отчете «Зиберта» дано описание акта убийства до малейших подробностей.

Во Львове «Зиберт» расстрелял не только Бауэра и Шнайдера, но и ряд других лиц, в частности, майора полевой жандармерии Кантера и подполковника воздушных сил Петерса.

В это время «Зиберт» имел еще одно столкновение с гестапо. Когда хотели проконтролировать его машину, он застрелил одного высшего гестаповца. При следующем контроле автомашины «Пауль Зиберт» застрелил еще одного немецкого офицера и его адъютанта.

После этого он оставил машину и бежал в леса, где вел борьбу с отрядами УПА, пробиваясь к советскому фронту.

Имеющиеся в отчете подробности о местах и времени совершенных актов, о ранениях жертв, о захваченных боеприпасах и т. д. подтверждают бесспорность выполненных действий. От боевой группы Прицмана поступило сообщение о том, что «Пауль Зиберт» и оба его сообщника были найдены убитыми на Волыни. Представитель ООН обещал, что полиции безопасности будут сданы все материалы.

Очередная встреча с делегатом группы бандеровцев состоится на днях.

Приобретением богатейших материалов «Пауля Зиберта» выяснится исключительно важное дело государственной полиции.

Начальник полиции безопасности и СД по Галицийскому округу, доктор Витиска, СС оберштурмбанфюрер и старший советник управления.

Я люблю жизнь!

В ноябре 1944 года Указом Президиума Верховного Совета СССР Николаю Ивановичу Кузнецову за беспримерные подвиги в тылу врага было присвоено звание Героя Советского Союза.

...После войны во Львове собрались боевые друзья Н. И. Кузнецова и командование отряда огласило письмо-завещание героя-партизана.

Отправляясь на опаснейшее задание, бесстрашный разведчик понимал, что ему придется пожертвовать своей жизнью. Вот что писал он боевым друзьям на случай своей смерти:

«Вскрыть только после моей гибели! 25

Завтра исполняется одиннадцать месяцев моего пребывания в тылу врага.

25 августа 1942 года, в 24 часа 05 минут я спустился на парашюте, чтобы беспощадно мстить за кровь и слезы наших матерей и братьев, стонущих под ярмом германских оккупантов.

Одиннадцать месяцев я изучал врага, пользуясь мундиром немецкого офицера, пробираясь в самое логово сатрапа – германского тирана на Украине Эриха Коха.

Теперь я перехожу к действиям.

Я люблю жизнь, я еще молод. Но если для Родины, которую я люблю, как свою родную мать, нужно пожертвовать жизнью во имя освобождения ее от немецких оккупантов, я сделаю это. Пусть знает весь мир, на что способен русский патриот и большевик! Пусть запомнят фашистские главари, что невозможно покорить русский народ, как невозможно погасить солнце. Фашистские кретины Гитлер, Кох и компания думали уничтожить наш великий советский народ. По своему скудоумию они надеялись, что в море крови можно потопить русский и другие братские народы Советского Союза. Они забыли или не знали истории, эти дикари XX века. Но они еще поймут это!..

25 Письмо дается по материалам Львовского областного государственного архива. Ф. 30, дело 228, стр. 24.

Пусть я умру, но в памяти моего народа патриоты бессмертны...

«Пускай ты умер!.. Но в сердце смелых и сильных духом всегда ты будешь живым примером, призывом гордым к свободе, к свету!..»

Это мое любимое произведение Горького, пусть чаще читает его наша молодежь, в нем я черпал силы для подвига...

Ваш Кузнецов».

Отправляясь на задание, он думал не о славе, а о долге. Он думал не о себе, а о Родине, о своем народе.

Николай Кузнецов один из тех, кого увлек на всю жизнь героический образ профессионалов-революционеров ленинской гвардии, отказавшихся от всего личного и даже от собственной жизни ради победы революций. И начавшуюся Великую Отечественную войну он встретил без трепета и малодушия.

Наоборот, он стремился участвовать в этой схватке двух сил: светлой и черной, свободолюбивой и захватнической.

Его место в этой войне оказалось среди партизан. Однако сам Кузнецов не просто был партизаном. Он был разведчиком и боевиком, умело действовал во вражеском лагере. Он разведывал военные секреты фашистов и одновременно именем советского народа карал наиболее гнусных представителей гитлеровской злодейской шайки.

Долгие годы никто не знал места и обстоятельств гибели Николая Ивановича Кузнецова.

Телеграмма-молния начальника полиции безопасности и СД, касавшаяся «дела Пауля Зиберта», создавала впечатление, что разведчик Н. И. Кузнецов попал в плен к бандеровцам и был ими расстрелян на Волыни. Но боевые друзья-партизаны не верили, что Кузнецов мог живым попасть в руки врагов, и уточняли обстоятельства его гибели, продолжали поиски его могилы.

Вот что рассказывает об этом боевой друг Николая Ивановича Н. В. Струтинский:

«Долгое время обстоятельства гибели Николая Кузнецова оставались неизвестными. Зная Николая Ивановича, его стойкий характер, мужество, выдержку и решимость, я был твердо убежден, что при любых обстоятельствах он живым в руки врагам не дался. Это непоколебимое убеждение служило мне путеводной нитью, когда я занялся выяснением обстоятельств и розыском места гибели дорогого друга и его товарищей – Ивана Васильевича Белова и Яна Станиславовича Каминского.

Еще раньше, когда я жил в Ровно, разные люди указывали на место предполагаемой гибели Николая Ивановича. Но показания и факты эти не подтвердились.

На след удалось напасть, когда мы с товарищами начали изучать путь группы Кузнецова из Львова в Ганачивские леса. Были привлечены и некоторые архивные материалы.

Мы установили, что Николай Иванович, Каминский и Белов, проводники Эрлих и Шпилька пошли лесными Массивами по направлению города Броды, Львовской области, куда приближалась линия фронта. Зная примерный маршрут боевых друзей, мы стали тщательно изучать местность по пути к Бродам. Были исхожены все места, по которым пролегал путь разведчиков, возвращавшихся в отряд после выполнения заданий во Львове. Мы беседовали с сотнями жителей хуторов и сел на этом направлении, и лишь весной 1958 года следы привели к Боратину.

Советские и партийные органы Львовской области приняли меры для изучения обстоятельств гибели героев. Поиски увенчались успехом».

Понадобилось пятнадцать лет, чтобы сорвать завесу таинственности, окутавшую гибель легендарного разведчика.

Верные боевой дружбе, скрепленной пролитой кровью в совместных боях против общего врага, друзья-побратимы героя – Н. В. Струтинский, В. И. Сухенко, П. М. Мамонец и Г. В. Струтинский после кропотливых поисков, с помощью жителей села Боратин восстановили подробности гибели разведчика Кузнецова и нашли у села, на опушке леса, его заброшенную могилу.

Весной 1960 года брат Николая Кузнецова Виктор побывал в Ровно, где протекала боевая

деятельность разведчика. Он прошел по улицам города. Бывшие партизаны, однополчане Николая Кузнецова, познакомили его с памятными местами. «Вот из этого дома был похищен генерал. А здесь Николай Иванович расстрелял Функе...» – рассказывали они. И воображение рисовало картины далеких лет. Здесь ходил смелый разведчик на виду у заклятых врагов, здесь он выполнял задание Родины и народа.

Ранним мартовским утром Виктор ехал по тому шоссе, по которому шестнадцать лет назад Николай Кузнецов с товарищами на сером «фиате» мчался, обгоняя обозы, колонны гитлеровских автомашин, танков. Тогда разведчик спешил во Львов. Нелегким был этот почти четырехсоткилометровый путь среди фашистской военщины.

...Автобус подходит к районному центру Львовской области, городу Броды. Сюда, в Ганачивские леса, в марте 1944 года после выполнения задания Николай Кузнецов шел на связь к своим. Но связи не было. Группа Крутикова, посланная в район Бродов, после схватки с бандами националистов не пробилась к пункту назначения и отошла...

И вот за лесом, в стороне от шоссе, проглянула колокольня небольшой церкви, показались крыши домов. Это село Боратин. Недалеко от него, в урочище «Кутыки Рябого» было зарыто тело верного сына Родины...

В старинном украинском городе Львове Виктор Кузнецов повстречался с бывшими партизанами отряда Д. Н. Медведева. Однополчане брата рассказывали о боевых действиях разведчиков на Ровенщине, о подвигах Николая Кузнецова, подробности о его героической гибели.

Последняя схватка

...В ночь с 8 на 9 марта 1944 года к хате на окраине Боратина подошли трое: высокий немецкий офицер и с ним двое в крестьянской одежде. Видно было, что они измучены долгой дорогой, сильно промокли, перемерзли, голодны. Один из гражданских остался снаружи, а двое постучали и вошли в хату.

Это были советские разведчики. Николай Кузнецов, Ян Каминский и Иван Белов. Они пробирались в Боратин с надеждой обнаружить в селе своих. Кузнецов знал, что по плану операции здесь должен находиться один из возможных пунктов связи на случай возвращения группы Пауля Зиберта из Львова. Предстояло сделать небольшую передышку и выяснить обстановку.

Разведчики не подозревали, что в хату, в которой они находились, еще вечером «на постой» ввалилась ватага вооруженных бандеровцев. Заметив приближение троих неизвестных, двое бандеровцев, стоявшие в сенях хаты «начеку», предупредили своего главаря. Бандиты спрятались, пригрозив хозяину жестокими карами, чтобы молчал. Им хотелось узнать, кто такие явились в село.

Тускло горела на столе маленькая лампа. Пришедшие попросили поесть. Хозяин вышел на кухню, и в этот момент Кузнецов сунул под фуражку, лежавшую на лавке у стены, гранату. Каминский согласно кивнул головой...

Николай Иванович уже начал расплачиваться с хозяйкой немецкими марками за ужин, как с улицы в стену раздался глухой удар и послышался приглушенный вскрик.

Внезапно в комнату из кухни ворвалась группа бандитов с автоматами и винтовками наготове. Кузнецов не успел даже выхватить пистолет. Каминский был сразу оглушен прикладом. Как Кузнецов ни отбивался, его скрутили бандиты, повиснув на нем.

Заговорив по-немецки с бандеровцами, разведчик понял, что те принимают его за гитлеровского офицера. А с немцами «повстанческая армия» в ладу. Только вот обезоружат и тикай на все четыре стороны. Другое дело – советские...

– Вы что ж не отпускаете нас? Оружие забрали... Так в чем дело?! – требовательно обратился Кузнецов к бандеровцам, которые караулили его и Яна Каминского.

Но без разрешения пана атамана бандиты-охранники не захотели их отпустить.

На что мог рассчитывать в такой обстановке Кузнецов? Раскидать охранников и попробовать скрыться? Быть может, он понадеялся на свои «немецкие» документы. Бандеровцы верили им.

Но раздумывать не было времени.

В дверях показался дюжий бандит огромного роста.

Приглядевшись к немецкому офицеру, он вдруг воскликнул:

– Да это же он!.. Оружие к бою! Головой отвечаете за него!

Бандит вынул из кармана листок, бросил на него мимолетный взгляд и снова, захлебываясь от радости, завопил:

– Зиберт! Хлопцы, Зиберт!.. Я мигом, позову панов атаманов. Вот удача! Ведь за его голову немцы обещали... – и бандеровец выскочил во двор.

Кузнецов (охрана теперь не спускала с него глаз) попросил закурить. Один из бандеровцев насыпал ему па край стола щепотку крупного рубленого самосада.

Свернув сигарку, Кузнецов потянулся к огню. Долго прикуривал... И, когда в избу, пьяно гомоня, чертыхаясь и сквернословя, с улицы начали вваливаться бандиты, внезапно лампа погасла. В то же мгновение в руках Кузнецова оказалась граната.

– Так умирают советские партизаны!.. – бросил разведчик в лицо бандитам.

Взрыв потряс хату. Грянули выстрелы. Посыпались стекла, закричали раненые бандиты...

Первым в ту ночь погиб Иван Белов, убитый врагами на карауле. Вторым – Николай Кузнецов. Каминский же, очнувшись после взрыва, метнулся в окно. Автоматные очереди настигли его уже на выгоне.

Бандеровцы – эти выкорышки гитлеровской разведки, хорошо знали, кого встретили в ту ночь в крестьянской хате Боратина. После убийства вице-губернатора Бауэра и других чинов германской армии гестапо раздало своей агентуре фотокарточки знаменитого разведчика-боевика и пообещало за поимку Пауля Зиберта денежную награду в несколько десятков тысяч немецких марок.

Так, пройдя пекло фашистского ада, благополучно выбравшись из западни, которую во Львове «Паулю Зиберту» приготовила служба безопасности и СД, Николай Кузнецов оказался в кольце своры презренных гитлеровских наймитов, украинских фашистов. Он не захотел сдаться врагу и предпочел позору плена смерть бойца.

Но и после своей гибели легендарный разведчик продолжал наводить ужас на заклятых врагов.

Случилось так, что в середине марта, когда отступающая немецкая войсковая часть заняла оборону у Боратина, солдаты копали траншею и наткнулись на труп «германского офицера». Разгневанные фронтовики готовы были сжечь село. Но им сказали, что гибель офицера – дело рук бандитов, которые лечатся на соседнем хуторе. Немцы сели в мотоциклы и бросились туда. Бандиты, оставшиеся в живых после взрыва гранаты Кузнецова, нашли свой конец от руки гитлеровцев.

Нас часто спрашивают, чем объяснить, что оуновцы и гестаповцы назвали местом гибели разведчика Кузнецова Ровенщину? Эта «неточность» в сообщении полиции безопасности и СД разгадывается просто: гитлеровцы и их верные слуги бандеровцы всячески старались отвлечь внимание приближающихся советских войск от районов лесных массивов, в которых находились скопления украинских националистов, где квартировали главари банд ОУНа. Поэтому они и фальсифицировали убийство «Зиберта» на Волыни, наводя партизан на ложный след.

...Могилу Кузнецова была вскрыта в присутствии общественности. Останки героя подвергли судебно-медицинской экспертизе. В ней приняли участие заведующий кафедрой судебной медицины Львовского медицинского института В. М. Зеленгуров и известный ученый-антрополог профессор М. М. Герасимов. Экспертиза подтвердила показания и выводы комиссии, работавшей по розыску останков.

Но Николай Владимирович Струтинский давно был убежден, что найденный им прах – это останки боевого друга, легендарного разведчика Николая Кузнецова. Еще при вскрытии могилы, увидев сохранившиеся кусочки шерстяной материи, он воскликнул: «Свитер! Черный шерстяной свитер, его носил под мундиром Николай Иванович...» Здесь же лежала обойма с патронами от пистолета. Это было все, что осталось с отважным разведчиком-боевиком. Эти несколько пуль он не успел послать по врагу...

Так погиб он...
Был век его краток.
Без него его годы идут...

Здравствуй, Николай Кузнецов!

В 1960 году, в памятный для Львова день годовщины освобождения от немецко-фашистских захватчиков, останки героя из безымянной могилы были подняты на Холм Славы. На Холм, где не угасает вечный огонь, зажженный благодарными жителями древнего города Западной Украины в честь павших за его освобождение.

Последний путь героя был необычен. На несколько километров растянулась в торжественной тишине траурная процессия, провожавшая гроб, установленный на, артиллерийском лафете.

Советские люди проводили героя-разведчика к последнему вечному покою на Холм Славы, где в окружении трех уральских рябин, склонивших ветви над изголовьем своего земляка, на мраморном надгробии высечен в барельефе мужественный его облик со скромной надписью:

**Герой Советского Союза
Николай Иванович Кузнецов,
1911 года рождения,
погиб 9 марта 1944 года**

Но не только мрамор сохранит для будущих поколений память об одном из героев войны, потрясшей весь мир и принесшей освобождение от коричневой фашистской чумы, грязным потоком заливавшей Европу.

Поэт-декабрист Кондратий Рылеев пророчески писал:

Славна кончина за народ!
Певцы герою в воздаянье,
Из века в век, из рода в род
Передадут его деяния.

Живет не умирая и будет жить в веках имя героя.

...В своих письмах к нам молодые воины, студенты и школьники, рабочие, колхозники и наши зарубежные друзья часто спрашивают: «А был ли такой человек? Или все это – легенда?...»

Да, прав был Николай Кузнецов, когда однажды, обсуждая у партизанского костра дела народных мстителей, сказал:

– Если после войны мы будем рассказывать о том, что и как делали, этому едва ли поверят. Да я бы и сам, пожалуй, не поверил, если б не был участником этих дел.

Об этом нам напомнил и такой случай.

В 1958 году кровавый нацист, сподвижник Гитлера, Эрих Кох предстал перед польским судом. Только случайное стечение обстоятельств спасло в свое время его от карающей руки народного мстителя Николая Кузнецова, от участи, которая постигла ряд видных помощников Коха, этого жестокого изувера и фашистского мракобеса.

Свидетель обвинения Юзеф Курьята напомнил суду, что Кох за свои злодеяния и преступления против человечества был приговорен народом к смертной казни еще в 1942 году. В Ровно было уничтожено несколько ведущих гитлеровцев из управления Коха. На очереди был и сам гауляйтер. Акциями народной мести руководил один и тот же партизан-разведчик.

– Кузнецов? – спросил председательствующий.

– Да. Это был Кузнецов.

Эрих Кох, знавший теперь, зачем приходил к нему майским днем сорок третьего года обер-лейтенант Пауль Зиберт, вздрогнул и начал утирать платком с лица и шеи обильный холодный пот...

В те дни в зале судебного заседания ходила по рядам Небольшая книга «Где обер-лейтенант Зиберт?», изданная министерством национальной обороны Польши. Польские читатели были поражены подвигами легендарного разведчика. Люди и верили и не верили. Но Юзеф Курьята, живой свидетель событий и партизанских действий, рассказывал о Николае Струтинском и Валентине Довгер, Яне Каминском и Николае Гнидюке и многих других героях борьбы с фашизмом.

Юзеф Курьята сражался в годы войны в составе отряда полковника Д. Н. Медведева. Вот, что он пишет в своих воспоминаниях:

«Много раз я участвовал в операциях, организованных Кузнецовым. Я всегда поражался его твердой воле, бесстрашию и полной готовности к самопожертвованию. Люди Польши восхищаются его мужеством и геройством».

Оценивая подвиги Николая Ивановича Кузнецова, автор польской книги справедливо подчеркивал: «В летопись второй мировой войны дело обер-лейтенанта Зиберта вошло как один из наиболее сенсационных подвигов разведчиков».

Попутно заметим, что озверелого нациста Коха настигло возмездие. Польским народным судом он был приговорен к смертной казни через повешение.

О деяниях Николая Кузнецова написаны книги. В народе о легендарном разведчике слагают песни и легенды.

...Это утро 2 февраля 1961 года было удивительно мягким. С неба сыпал мокрый снежок, очертания домов расплывались в голубовато-серой дымке. Весь город утонул в сизой мгле, и настроение у людей было чуть грустное и торжественное. В полдень на площади, носящей имя Кузнецова, состоится открытие памятника народному герою. Накануне в Ровно приехали сотни гостей – бывшие партизаны, боевые товарищи и соратники Кузнецова, его родные.

3 часа дня. У памятника плотным квадратом выстраиваются партизаны. Горожане запрудили площадь и прилегающие к ней улицы. Звучит боевая песня. И слышится в ней победная чеканная поступь народных мстителей, участник великой освободительной войны.

В дни, когда рвались фашисты
В подмосковные снега,
Москвичи-парашютисты
Вылетали в тыл врага.
Вспомним подвиг Кузнецова.
Он, как хищников-зверей,
Меткой пулею свинцовой
Бил фашистских главарей...²⁶

Спадает белое покрывало, и взору присутствующих во всем величии предстает памятник герою. На высоком постаменте из полированного красного гранита установлен бронзовый бюст разведчика. Мужественное лицо с твердо сжатыми губами, строго нахмуренные брови, взгляд, устремленный вдаль, говорят о железной воле и моральной красоте патриота.

Выступают герои-партизаны. Они говорят о человеке, чье имя стало легендой, о дружбе и братстве советских народов, рожденных и окрепших в боях. Ветеранов войны горячо приветствуют пионеры, комсомольцы. Молодые у памятника героя дают клятву быть достойными дела отцов. Зачитывается телеграмма, присланная к открытию из далекой Чукотки. Бывшая партизанка Полина Казачинская идущими от глубины сердца словами высказала восхищение подвигом человека, который отдал свою жизнь во имя счастья людей.

«Я не знаю, как выглядит памятник моему боевому другу, мне не видно отсюда, с берега холодного Берингова моря, ваших лиц, дорогие ровенчане, но считайте, что я стою рядом с

²⁶ Партизанский марш. Песня написана боевым другом Н. И. Кузнецова Владимиром Ступиным.

вами.

Здравствуй, Николай Кузнецов! Теперь ты отлит в бронзе, ты несешь вечную вахту на городской площади. Это вахта героя, ставшего бессмертным. Сегодня, как тогда, в тяжкие боевые дни, ты смотришь нам в глаза, и мы знаем, что говорит твой взгляд. Под этим взглядом опустит глаза трус и отступит предатель. В этом взгляде огонь бесстрашия и священное пламя любви к Родине и народу. Сегодня мы отвечаем тебе, Николай Кузнецов: мы так же любим нашу Советскую Родину, как ее любил ты, мы так же отдаем все свои силы великому делу Ленина, делу коммунизма, как ты отдал ему свою жизнь.

Твоя жизнь стала легендой, а легенда стала кодексом мужества, на котором воспитывается молодое поколение всей страны».

Да, жизнь патриота сегодня стала живым примером. И молодежь, принимая эстафету поколений, равняется на таких героев, каким был Николай Кузнецов. В Ровно стало традицией: юноши и девушки, вступающие в комсомол, получают билеты у памятника легендарному разведчику. Их вручают старые коммунисты, партизаны, однополчане Кузнецова.

Отправляясь на службу в ряды Советской Армии, юноши приходят к памятнику героя. И здесь, на митинге, вчерашний заводской слесарь и хлебороб, воздавая славу лучшим сынам Родины, которые ценою жизни отстаивали свободу и независимость Отчизны, клянутся, что будут с честью нести звание советского воина, стоять на страже мирного труда героического народа.

У памятника звучат проникновенные стихи:

И Ровенщина священный наказ
Сегодня дает, как мать:
Будьте достойны славы отцов.
В час испытаний любой
Будьте такими, как Кузнецов
Наш легендарный герой!

«В нашу воинскую часть, находящуюся в Свердловском гарнизоне, прибыли молодые солдаты, призывники Бродовского района Львовской области, – пишет нам заместитель командира части. – Они привезли с собой шкатулку со священной родной землей, взятой с могилы вашего брата. В память легендарного героя-уральца мы решили установить шкатулку в Ленинской комнате нашей части. Молодые воины готовят уголок, рассказывающий о жизни и подвигах Николая Ивановича Кузнецова...»

Письма о герое... Мы получаем их с разных концов страны. Учитель-коммунист, проживающий недалеко от Ровно, пишет: «Трудно было работать в нашем местечке первые годы после войны. Мы создавали колхоз, а недобитки бандеровцы-секирники нападали на активистов из-за угла... Это была жестокая борьба. Я уже хотел уехать отсюда. И тут снова и снова в моей памяти вставал священный образ Николая Кузнецова, сына русской земли. Он пролил кровь за наше счастье и свободу. Так имею ли я право быть малодушным? Я должен, я обязан стоять за идеи коммунизма до конца...»

Он и поныне работает учителем в селе, в котором помогал создавать колхоз. Его воспитанники достойно выполняют долг советского гражданина, активно строят новую жизнь, служат в армии...

Из Брянска часто приходят душевные письма молодого инженера Николая Стручкова, страстного пропагандиста подвигов отважного разведчика. Вот что он пишет в одном из писем:

«...Имя легендарного Николая Ивановича для меня священно. Оно вызывает гордость и восхищение. Всем, кто помнит войну, и особенно тем, кому пришлось быть под ярмом оккупантов (и мне в том числе) и видеть все издевательства, которые творили фашисты над нашими людьми, тем особенно приятно сознавать, что это наш советский человек, сын нашей Родины Николай Кузнецов расстреливал гитлеровских заправил в их «столице», в кабинетах, бросал в них гранаты и стрелял без промаха среди бела дня и увозил живьем в партизанский лагерь».

«Мы восхищены героическими делами Николая Кузнецова, – пишут из Чехословакии

учащиеся средней школы города Брно. – Своими подвигами партизан-разведчик сделал много не только для своей Родины, но и для других, фашистами угнетенных народов. Имя героя стало символом молодых людей. Честь его памяти!»

Вспоминая о боевом друге, В. К. Довгер рассказывает в письме, присланном ко дню рождения Н. И. Кузнецова:

«Пройдут годы, многое сотрется в памяти, но для нас образ Николая Ивановича всегда будет дорогим и близким. В народе он легендарный герой, любимый всеми. Вы не найдете в стране человека, который бы не знал Кузнецова. Я получаю очень много писем, и все просят об одном, написать о Николае Ивановиче как можно больше. Мне хочется побывать на его родине... О действиях Николая Ивановича вы знаете от других товарищей, а о духовном величии героя, о его воспоминаниях и мечтах, которыми он со мной делился, мы с вами еще поговорим...»

«Ваш брат Николай Кузнецов – образец красоты человеческой, образец мужества и величайшей отваги. Его светлой памяти я посвящаю мою будущую оперу «Сильные духом», – пишет нам из Киева композитор Натан Шульман.

Недавно почта принесла нам от Натана Шульмана говорящее письмо. Мы услышали голос нашего дорогого брата. И пусть монолог советского разведчика Николая Кузнецова исполняет артист, мы слышим в его словах прекрасные порывы души, которые наш брат посвятил любимой Отчизне, неутолимый гнев и ненависть к врагу:

Я в логово врага пришел тропею гнева,
Чтоб отомстить за слезы матерей,
За братьев, стонущих на каторге фашистской,
За кровь замученных сестер и дочерей.
И враг падет везде, где я удар обрушу...

Страх презираем мы,
Врагам бросаем вызов.
Бушуй же, месть, вокруг, сметая палачей!
Народ непобедим
И, как свобода, вечен.

Отчизне-матери я сердце завещал.
Пускай умру, но сердце будет биться
В бессмертии твоём,
О, мать моя, любимая Россия!..²⁷

Легендарный разведчик жив! Хорошо сказал об этом проникновенными словами партизан Михаил Кутовой в своем стихотворении, которое он посвятил Н. И. Кузнецову:

И где бы мы не шли, – ты с нами
В рядах бойцов шагаешь вновь.
И партизанскими кострами
Горит в сердцах к тебе любовь!

Николай Кузнецов будет вечно жить в большом благодарном сердце народном. Его именем названы улицы и скверы многих городов. В Свердловске, на Уралмаше, на здании заводууправления, и здании Политехнического института установлены мемориальные доски с именем героя.

В конструкторском отделе Уралмашзавода создана комната боевой славы, посвященная жизни и деятельности бывшего инженера завода Николая Ивановича Кузнецова. Приказом по

²⁷ Либретто поэта А. Северного.

заводу Н. И. Кузнецов навечно занесен в списки конструкторского отдела.

Патриот социалистической Родины стал вечным гражданином двух городов. В Ровно и Львове Н. И. Кузнецову воздвигнуты бронзовые монументы. Благодарные потомки чтят и славят героя. И теперь, когда пассажиры железной дороги прибывают к старинному украинскому городу, диктор объявляет:

– Поезд подходит к Львову. Здесь на Холме Славы покоится прах Героя Советского Союза славного сына русского народа легендарного разведчика Николая Ивановича Кузнецова...

В 1964 году, весной, жители города Талицы Свердловской области воздвигли памятник своему замечательному земляку. На постаменте, облицованном плитами черного мрамора, будто вырастая из камня, поднимается изваяние героя. Николай Кузнецов запечатлен в куртке десантника. И поворот головы, и ниспадающая шинель, крепко зажатая в левой руке, и спокойная решимость в глазах, и сдержанный порыв показывают тот момент из жизни партизана, когда он, примеряя мундир немецкого офицера, готовился к первому выходу во вражий стан.

Мы были в Талице на митинге, посвященном открытию памятника. Мы смотрели на изваяние. И солнечный весенний день, и звонкие ручьи напоминали нам светлую жизнь брата, без остатка отданную за святое дело свободы народов.

Памятник напомнил дорогие родные черты. И хотелось воскликнуть: «Сегодня ты снова пришел в Талицу, откуда когда-то начинал свой путь в большую жизнь, свой путь в бессмертие. Ты видишь улицы, по которым ходил! Ты видишь своих сверстников по школе и техникуму, таличан, пришедших почтить твою память!

Ты любил жизнь, ты хотел растить леса и сады, строить машины... Но пришла война, и во имя народного счастья ты отдал самое дорогое – жизнь».

...А люди шли и шли в сквер, к памятнику героя. У подножия монумента росла гора цветов. Трубы военного оркестра отгремели победный гимн патриоту, павшему на поле брани, залпы воинского салюта вспороли тишину городка...

Друзья легендарного героя рассказывают, что, вернувшись с опасного задания из Ровно, Николай Кузнецов однажды, размечтавшись у партизанского костра о дне победы, сказал:

– Я представляю себе, как все на нашей земле расцветет через пять-десять лет после победы.

Какая это будет жизнь!

Если со мной что случится, знайте, что я был счастливейшим человеком на свете, потому что я боролся за эту жизнь.

Он погиб. Его не вернешь. Но потомкам своим Николай Кузнецов оставил пример горячей любви к Родине, благородного презрения к смертельной опасности во имя свободы и счастья родного народа.

Указатель литературы о Герое Советского Союза Н. И. Кузнецове

Медведев Д. Н. – Это было под Ровно. Лит. обработка М. Белаховой. М., Детгиз, 1961.

Медведев Д. Н. – Сильные духом. М., Воениздат, 1964.

Лукин А. А. – Разведчики. М., «Знание», 1963.

Лукин А. А. – В поисках ставки Гитлера. Журнал «Огонек» № 22, май 1964.

Лукин А. А. – Операция ДАР. М., изд-во «Молодая гвардия», 1964.

Струтинский Н. В. – Дорогой бессмертия. Львов, изд-во Каменяр, 1962.

Струтинский Н. В. – Подвиг. Львов, изд-во Каменяр, 1964, 2-е издание – 1965, 3-е издание – 1966.

Афонин С. Г. – Три задания. Записки партизана. Саранск, Мордовское книжное изд-во, 1963.

Гнидюк Н. Я. – Подвижная засада. Журнал «Смена», № 8, 1964.

Гнидюк Н. Я. – Прыжок в легенду. Изд-во «Молодь», Киев, 1966.

Бескромный И. И. – Огненный лес. М., Воениздат, 1964.

Певзнер М. – Партизанскими дорогами. М., издательство ДОСААФ, 1959.

Федоренко И. – Бессмертный подвиг Николая Кузнецова. В книге «Коммунисты», М., 1958.

Говорят погибшие герои. М., издательство политической литературы. Третье исправленное и дополненное издание, 1966.

Лукин А., Медведев Д. В книге «Фронт без линии фронта», Издательство Агентства Печати Новости, 1966.